В этом номере

22 апреля —
День памяти
В. И. ЛЕНИНА

Л. АЙЗЕРМАН
Уроки нравственного воспитания

В. ЯНИН
ОЛИСЕЙ ГРЕЧИН — СВЯЩЕННИК?..

НАУКА И РЕЛИГИЯ

У нас в гостях журнал „ЗЕМЛЯ И ВСЕЛЕННАЯ"

В. ХАРАЗОВ
„ОДИССЕЯ" БЫВШЕГО ВЕРУЮЩЕГО

И. ГРИГУЛЕВИЧ
ПАПА, ОСЛЕПЛЕННЫЙ АНТИКОММУНИЗМОМ

4 • 1978

НАУКА И РЕЛИГИЯ 4·78

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
«ЗНАНИЕ»

Год издания девятнадцатый

НА НАШИХ ОБЛОЖКАХ

В фондах Ульяновского музея В. И. Ленина хранятся многочисленные документальные материалы, относящиеся к симбирскому периоду жизни семьи Ульяновых, к детству и юности В. И. Ленина. Среди них особую ценность представляют рукописи воспоминаний Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой, Дмитрия Ильича и Марии Ильиничны Ульяновых. В сентябре 1977 года фонды музея пополнились материалами, собранными когда-то А. Г. Медведевой, первым научным сотрудником Дома-музея В. И. Ленина. В их числе — подлинные рукописи воспоминаний В. В. Кашкадамовой и М. Ф. Кузнецова, современников Владимира Ильича, лично знакомых с ним, а также фотографии А. И. Ульяновой-Елизаровой, сделанные во время ее посещения Дома-музея В. И. Ленина в 1929 и 1931 годах. На второй странице обложки воспроизведены эти фотографии и страницы из рукописей. На цветных фото: старший научный сотрудник музея А. Д. Дернова занимается обработкой новых поступлений; в залах музея.

Фото А. Карзанова.

12 апреля — День космонавтики. Этой знаменательной дате посвящены подборка в номере «У нас в гостях «Земля и Вселенная», а также фотографии на третьей странице обложки. Вверху показан один из этапов подготовки космонавтов на Земле — путешествие в горах. Внизу: в кабине-тренажере космонавты П. Климук и В. Лебедев; экипаж космического корабля «Союз-26» Ю. Романенко и Г. Гречко после очередной тренировки.

Дважды Герой Советского Союза Г. Береговой беседует с летчиками-космонавтами СССР А. Губаревым и Г. Гречко.

Фото Ал. Моклецова.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. С. ИВАНОВ (главный редактор),
А. В. БЕЛОВ,
М. М. ДАНИЛОВА,
Е. В. ДУБРОВСКИЙ (ответственный секретарь),
И. М. КИЧАНОВА,
Э. И. ЛИСАВЦЕВ,
Р. Р. МАВЛЮТОВ,
Б. М. МАРЬЯНОВ (зам. главного редактора),
М. Н. МАСЛИНА,
В. П. МАСЛИН,
М. П. НОВИКОВ,
А. Ф. ОКУЛОВ,
И. Д. ПАНЦХАВА,
И. К. ПАНТИН,
В. Е. РОЖНОВ,
В. Ф. ТЕНДРЯКОВ,
В. В. ШЕВЕЛЕВ.

Художественный редактор
С. И. Мартемьянова.
Технический редактор
С. В. Сегаль.
Корректор
Р. Ю. Грошева.
Макет
С. А. Виноградовой.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Адрес редакции:
109004. Москва,
Ульяновская, 43, корп. 4
Телефоны
297-02-51, 297-10-89

Рукописи и фото не возвращаются
© *Журнал «Наука и религия», 1978.*

ПУБЛИКУЕМЫЕ ВПЕРВЫЕ ...

Борис ЯКОВЛЕВ

Всего сорок строк

«Публикуется впервые...» В этой сугубо справочной пометке, предназначенной, казалось бы, лишь ученым библиографам, таится нечто необыкновенно притягательное, особенно когда речь идет о наследии классиков политической или философской, экономической или художественной мысли. Публикуемые подчас много десятилетий спустя, их записки или надписи на документах и книгах всегда дополняют уже сложившийся в нашем сознании образ мыслителя новыми штрихами и деталями. Делают его ближе и роднее потомкам. Подсказывают исследователям новые темы.

Как увлекательны такие ленинские документы, нетрудно убедиться, обратившись к вышедшему недавно уже восьмому по счету тому «Биографической хроники» ленинского жизненного и политического пути [1].

Мне не раз уже доводилось рассказывать читателям «Науки и религии» [2] о содержащихся в ранее изданных томах «Хроники» новых материалах, характеризующих Ленина—теоретика и публициста, пропагандиста и агитатора. Однако рецензируемый том, пожалуй, превосходит все предыдущие по объему и многогранности впервые публикуемых — полностью или частично — ленинских документов, да еще относящихся к такому историческому периоду, как полугодие гражданской войны с ноября 1919-го по июнь 1920 года.

В те трудные дни страна стала осажденным военным лагерем. Крепостью Революции. Советское государство отстаивало завоевания Октября в кровопролитных и опустошительных битвах с интервентами и белогвардейцами. Дни тогда и впрямь равнялись годам по плотности и масштабности исторических событий, а недели порой — десятилетиям. И всей — решительно всей! — деятельностью Коммунистической партии и Советского государства проницательно, неутомимо и последовательно, самоотреченно сжигая себя, подобно горьковскому Данко, руководил Председатель Совета Народных Комиссаров и Совета Обороны — стратегических центров сражающегося Социалистического Отечества.

Как сообщает в предисловии к тому Институт марксизма-ленинизма, книга содержит более 900 новых ленинских документов, впервые входящих в арсенал коммунистической пропаганды и — что немаловажно для читателей «Науки и религии» — в школу социалистической этики и морали.

Ограничимся в кратких журнальных заметках лишь десятью документами из почти тысячи и посмотрим, как в лаконичных, порой «телеграфных», по любимому ленинскому выражению, мгновенных и «высоковольтных», словно разряд молнии, образных и выразительных, то чутких и деликатных, а подчас и гневных саркастических строках запечатлены черты нравственного облика Владимира Ильича, в котором Луначарский видел законченный тип Человека Нового Коммунистического Мира.

Всего 40 строк, впервые появившихся в печати 58 лет спустя после того, как они были написаны в кремлевском кабинете Председателя Совнаркома, мы приведем ниже. Они — малая капля в необозримом ленинском литературном и документальном

---

[1] «Владимир Ильич Ленин». Биографическая хроника, т. 8. Ноябрь 1919 — июнь 1920. Под общ. ред. Д. И. Антонюка, Г. Н. Голикова, М. П. Мчедлова, Г. Д. Обичкина. М., Политиздат, 1977, 704 стр. с илл., 36 000 экз., 1 руб. 50 коп.

[2] См.: «Наука и религия», 1971, № 4; 1972, № 4; 1973, № 4; 1975, № 11; 1976, № 4.

В. И. Ленин и Н. К. Крупская после заседания I Всероссийского съезда по внешкольному образованию. Кинонадр.

наследии, которое когда-нибудь составит не 55, а по крайней мере втрое больше томов, материал для примерно 10 из которых уже опубликован за 1967—1977 годы. Я имею в виду три дополнительных тома к 5-му изданию Сочинений. Два — XXXVII и XXXVIII — Ленинских сборника. Новые ленинские материалы в I—VIII томах монументального издания «Декреты Советской власти», давно уже ждущего своих исследователей и популяризаторов. 8 томов «Биографической хроники» содержат сотни, пусть лаконичных, но зато новых, никогда еще не публиковавшихся ленинских документов. Строки-капли. Но ведь по так любимому Лениным державинскому сравнению и «в малой капле вод» отражается солнце гения. Вчитаемся в ленинские тексты, известные дотоле лишь специалистам.

«Утверждайте сами...»

Едва ли не первое место среди духовных, нравственных прежде всего, требований к товарищам по партии ее основоположник ставит честность и правдивость, отличающие весь его личный революционный путь. В одном из спектаклей столичного Театра драмы и комедии на Таганке, расположенного в здании, где выступал 13 мая 1920 года Ленин, ему — устами Владимира Маяковского — присваивается афоризм: «Партийность это — порядочность».

Да, настоящие, не на словах, а на деле коммунисты в общественном и личном поведении безупречно порядочны. Далеко не всегда, однако, всякий безусловно порядочный в быту человек может считаться «человеком партии», по известному ленинскому выражению. Ведь коммунистическая партийность предполагает самоотверженное служение коммунистов народу. Людям труда. Их политике и экономике, идеологии и культуре, науке и искусству. Порядочность коммуниста — нечто само собой разумеющееся, и Ленин поэтому видит, по его характерной терминологии, «архинадежность» коммунистов в их непоколебимой честности. В ноябре 1919-го Владимир Ильич пишет, пересылая Михаилу Владимирскому — заместителю народного комиссара внутренних дел — тревожную жалобу на грубое нарушение продовольственной политики Советской власти:

— Товарищ Владимирский! Дело, кажись, вопиющее в смысле нарушения, ради кулаков, всей линии Советской политики. Прошу назначить проверку на месте из архинадежных честных коммунистов, — прислать мне имена назначенных Вами на это лиц, поторопить их работу, прислать мне итоги их работ. (Не привлечь ли к работе статистиков?) Оригинал прилагаемой бумаги прошу мне вернуть с Вашим ответом. 27/XI-19 г. **Ленин.**

Итак, для Ленина «архинадежна» только честность, которая в политике представляет собой единство слова и дела. Столь же поучителен тон решительно всех впервые опубликованных в книге ленинских документов.

Глава Советского правительства наделен не только всей полнотой государственной власти, но и интеллектуальным и нравственным авторитетом («Он управлял теченьем мыслей и только потому страной»,—метко сказал об этом поэт). Ленину органически чужд, если воспользоваться современной терминологией, какой бы то ни было «волюнтаризм». Вот записка, переданная 16 ноября 1919 года члену Советского правительства Украины Владимиру Затонскому по неотложному поводу военных действий против деникинской армии, которую Красная Армия гнала необратимо на юг:

— С Невским поговорю. Что касается документа, то советую подождать вступления в Белгород и отложить до завтра, когда приедет Сталин. Ему я передам Ваше сообщение. **Ленин.**

Братски заботлив Ленин-интернационалист к бывшим «инородцам» Российской империи — представителям бесчисленных национальных меньшинств нашей страны. Вот в конце ноября все того же во множестве отношений и впрямь «незабываемого 1919-го» он пишет попросившему побеседовать с ним Хусаину Ибрагимову, делегату II Всероссийского съезда коммунистических организаций народов тогда еще чуть ли ни феодального Востока:

— Тов. Хусаин Ибрагимов... Позвоните мне завтра 12—4—в Кремль, прямой провод или по городскому. **Ленин.**

За каждым коммунистом — узбеком или татарином, башкиром или киргизом — Ленин в те годы всегда видел сотни миллионов трудящихся мусульман всех «Востоков» — Ближнего, Среднего и Дальнего, составлявших гигантский резерв мирового освободительного движения.

Председатель Совета Обороны сражающегося социалистического государства, разумеется, имел решительно все права приказать незамедлительно выполнить его распоряжение любому работнику советского аппарата. Но Ленин предпочитал воспитывать людей в духе самостоятельной и личной ответственности при решении любых — больших и малых, нередко чрезвычайно острых вопросов.

В том же 1919 году к Владимиру Ильичу обратился комиссар по снабжению одного из фронтов. Настойчиво просил он помочь добыть для красноармейцев фронта насущно необходимые предметы вооружения и обмундирования. Вместо приказа Ленин пишет Ивану Ежову, начальнику Центрального управления государственных складов (ЦУГС—на сжатом, точно боевая пружина затвора винтовки, языке той эпохи):

— Я выслушал товарища. Нужда необычная. Не отступите ли от своих планов и не дадите ли, хотя не все, но больше, чем у Вас полагается. **Ленин.**

Иные современники Владимира Ильича предпочитали опираться, если не на пресловутые «винтики», покорные и безгласные, то на более массивные «болты» и «костыли», ретиво, но совершенно безынициативно «энергично функционировали» они, — по выражению одного из первых художников-летописцев гражданской войны в духе печально знаменитого принципа: «Исполнение донести». В противоположность «немогузнайкам» Ленин высоко ценил именно инициативных самостоятельных работников, способных к почину — и Великому, как Коммунистические субботники, и самому малому, в бою и в труде.

Осенью 1919-го Сибревком

направил на утверждение Ленину состав учетных комиссий по подсчету брошенного разгромленными колчаковцами немалого трофейного имущества, главным образом франко-английского (а то и американского или японского) происхождения. Ленин тотчас телеграфирует в Омск Предсибревкома Ивану Смирнову:

— Утверждайте сами учетную комиссию. Сообщите имена. Мы же изменим лишь в случае надобности. Предсовобороны Ленин.

«Утверждайте сами» — означало, конечно, и «Решайте сами»! «Размышляйте сами»! «Думайте сами»! «Поступайте сами»! Сами! В духе революционной законности и целесообразности, по революционной совести и революционной справедливости.

Многие ленинские телеграммы и телефонограммы — не только исторические документы летописи Революции, но и предметные уроки социалистической морали. Морали дела, а не фразы. Поступка, а не крикливой декларации.

«Мириться с «Николой» глупо...»

Немало впервые публикуемых документов содержат разнообразные ленинские указания, связанные с Декретом об отделении церкви от государства. Так, в декабре 1919 года Ленин подписывает решение Малого Совнаркома, поддержавшего ходатайство Московского губисполкома об отмене одного из тогдашних циркуляров Наркомвнудела об использовании «зданий религиозных культов», то есть церквей и мечетей, синагог и молитвенных домов, «для школьных занятий».

Советская власть никогда не покушалась на юридические или материальные права верующих, к каким бы религиям они ни принадлежали. С другой стороны, Ленин еще в годы гражданской войны, когда решались исторические и национальные судьбы всех без исключения больших и малых советских народов, считал недопустимым примиряться с религиозными предрассудками. Ведь они губительно влияли на решение неотложных хозяйственно-политических задач, кровно важных для миллионов трудящихся — и верующих, и неверующих. Ознакомившись с недельными сводками погрузки дров с 25 ноября по 23 декабря 1919 года, Ленин пишет особоуполномоченному Совета Обороны по топливным главкам:

— Сведения о погрузке дров говорят:

За неделю 16—22/XII — 17 779 ваг.

9—15/XII 24,3
2—8/XII 23,4
25/XI—1/XII 19,5
за 23/XII — 2846 вагон.

Имея в виду праздновавшегося в те дни «Николу», то есть «Николины дни» с их пьянством и разгулом «в честь» православного «святителя», Председатель Совета Обороны заявляет далее:

— Это пахнет катастрофой. Сваливать на «Николу» нельзя, ибо:

1) целых 4 дня (19—22/XII) погрузка была дьявольски мала...

2) ссылаться на недавших сведения нельзя, ибо все данные за все недели включают пробелы, ибо всегда были недавшие сведения железные дороги;

3) мириться с «Николой» глупо...

Немедленно нужны экстренные меры: 1) чтобы поднять погрузку, 2) чтобы предупредить прогулы на рождество и новый год.

Сообщите мне, сегодня же, какие экстренные меры принимаете. Ленин.

В 1919 году «Никола» не составлял какого-либо исключения. Важнейшие хозяйственные, особенно сельскохозяйственные кампании, когда и впрямь «день год кормит», тогда частенько если не срывались, то уж во всяком случае затруднялись многодневными «гуляниями» на «рождество Христово» и «святую пасху». Недаром 25 декабря того же года Ленин пишет Дзержинскому о необходимости принять «строгие меры контроля» для безостановочной погрузки дров в предстоявшие рождественские дни...

Примечательно, что в тот же день — 25 декабря, — когда Ленина так встревожили необратимые экономические последствия православного рождества, он изучает доклад Наримана Нариманова, тогда заведующего отделом мусульманского Ближнего Востока при Наркоминделе, и пишет на конверте для своего оперативного архива:

— Протокол заседания ответственных работников-коммунистов **мусульман**.

На равных правах с коммунистами «христианских» народов они были призваны тактично и бережно относиться к религиозным чувствам верующих. Это, однако, не исключает продуманной и последовательной борьбы против всех и всяческих религиозных предрассудков.

А несколько ранее — 4 декабря — Ленин беседует с делегацией Туркестанской Республики, впоследствии разделившейся на Узбекскую, Таджикскую и Туркменскую. Владимира Ильича, как всегда, интересует все: военное, политическое и хозяйственное положение Туркестана, его национальный состав, сведения о вступлении в Коммунистическую партию лучших представителей трудящихся масс «коренного населения». Затрагивается в беседе, сообщает «Хроника» на основании все еще, к сожалению, неопубликованных воспоминаний о Ленине, и «вопрос о религии».

Живо занимают Ленина и стихийно возникавшие тогда первые советские народные обряды. В них он видел еще одно действенное средство атеистической пропаганды и коммунистического воспитания трудящихся, считал, что им суждено вытеснить отработанный веками и отнюдь не лишенный эмоциональной привлекательности церемониал церковных венчаний, крестин, отпеваний и т. д. Зимой 1919 года председатель СНК читает (и, судя по пометкам, очень внимательно) «Церемониал народного торжества», объявленный в специальной листовке Советом алтайского города Камень. Праздник этот состоялся 4 декабря по поводу свержения в городе колчаковской власти.

Из почти тысячи новых публикаций ленинских документов, увидевших свет впервые на страницах 8-го тома «Биографической хроники», в этих заметках удалось конспективно рассмотреть лишь одну сотую их часть. Ничуть не менее интересны и документы первой половины 1920 года. Но о них — особый рассказ.

В полдень весеннего дня

Александр ШАМАРО

О Московском Кремле

МОСКВА — сердце Родины. Кремль — сердце Москвы. Более того, в ранние века своей истории Москва была, по существу, Кремлем, а Кремль — Москвою, и историческая завязь одного из величайших городов мира долгие времена почти целиком умещалась в кремлевских стенах. За шесть советских десятилетий краткое и звучное название древней русской крепости проникло во все языки мира, во все уголки Земли, став символом первой в истории социалистической революции, символом могучей Советской страны, новой эры во всемирной истории. И контуры зубчатых стен и островерхих башен Московского Кремля давно и нерасторжимо слиты в представлении миллионов людей с алыми пятиконечными звездами над этими башнями, с красными флагами над кремлевскими дворцами, с эмблемой серпа и молота на этих флагах. Необозрим и неисчислим постоянно разрастающийся мир памятников нашей истории, нашей культуры. О многих из них говорилось в журнале «Наука и религия». Теперь журнал думает рассказать и о Московском Кремле — уникальном памятнике отечественной истории, величайшей сокровищнице национальной культуры, национального искусства, уникальном архитектурном ансамбле. О нем можно с полным правом сказать: всем памятникам — памятник!

Сказать о его прошлом — далеком и недавнем, революционном, советском; о его роли и значении в исторических судьбах русского народа, народов России, народов Советского Союза, народов мира; о национальных святынях, завещанных нам и безвестными пращурами, и отцами и дедами нашими; о сохранении и восстановлении Советским государством его памятников; о роли кремлевских памятников и музеев в коммунистическом воспитании, в пропаганде материалистического, марксистско-ленинского мировоззрения. С этого номера журнала мы начинаем публиковать цикл историко-публицистических очерков, посвященных Московскому Кремлю.

● «Была весна, светило московское солнце»... Таким на всю жизнь запомнился Надежде Константиновне Крупской знаменательный день 1918 года — первый день по приезде в Москву. Уже — в **советскую** Москву!

Весна в тот год выдалась ранняя и дружная. Над древним городом торжествующе и победно сияло солнце. Прохладный воздух был насыщен пьянящим ароматом тающего снега. Волнующим ощущением весны — ощущением бодрости, оптимизма, жажды деятельности пронизаны были, как вспоминала потом Надежда Константиновна, первые дни жизни в новой советской столице. «Хотелось поскорее и покрепче взяться за работу» [1]. Наверное, таким же настроением охвачен был и В. И. Ленин. Утром первого дня московской жизни он попросил показать ему кремлевские здания, предназначенные для Совета Народных Комиссаров и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

В полдень 12 марта 1918 года автомашина с Лениным и Владимиром Дмитриевичем Бонч-Бруевичем, управляющим делами Совнаркома, въехала в ворота Кутафьей башни и стала подниматься по каменному мосту, который некогда перекинут был через речку Неглинку. В воротах Троицкой башни машину остановили часовые:

— Кто едет?

— Председатель Совета Народных Комиссаров Владимир Ильич Ленин,— ответил Бонч-Бруевич.

> «Командир, сделав два шага назад, вытянулся в струнку, глядя изумленными от неожиданности глазами на Владимира Ильича. Часовые подтянулись вслед за своим командиром. Владимир Ильич улыбнулся, отдал честь, приложив «под козырек» руку к круглой барашковой шапке.
>
> — Трогай,— сказал я шоферу, и мы въехали в старинные ворота.
>
> — Вот он и Кремль! Как давно я не видел его! — тихо сказал Владимир Ильич» [2].

Не видел он его по меньшей мере 12 лет — с марта 1906 года, когда, скрываясь от сыщиков охранки, вынужден был покинуть Москву, а потом и Россию. В тот день Ленин пробыл в Кремле около трех часов: осмотрел «здание судебных установлений», расспросил о сохранности дворцов, теремов, сокровищ Оружейной палаты, распорядился усилить их охрану.

12 марта 1918 года... В течение многих веков история не раз переворачивала страницы судьбы Московского Кремля. В этот день был открыт новый ее том.

Чувство поистине ни с чем не сравнимое охватывает вас, когда вы входите в Московский Кремль

[1] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1968, стр. 384.
[2] В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине. М., 1969, стр. 228.

И внутри многих кремлевских зданий картина была почти такая же. По словам Крупской, в здании судебных установлений, где должен был начать работу Совет Народных Комиссаров, «была невероятная грязь, печи были поломаны, потолки протекали. Особенная грязь царила в нашей будущей квартире» [4].

За четыре месяца до этого над сокровищами Московского Кремля нависла опасность гибели и расхищения. Во время Октябрьских боев Кремль несколько дней находился во власти контрреволюционных юнкеров, захвативших его с помощью провокации, обмана, вероломства и заливших камни кремлевских площадей кровью верных революции

[3] В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, стр. 285, 230.

[4] Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, стр. 385.

В. И. Ленин с В. Д. Бонч-Бруевичем во дворе Кремля в октябре 1918 года.

(сколько бы раз вы ни бывали в нем прежде!) и видите его древние соборы, терема и дворцы, его стены и башни, панораму Замоскворечья вдали за ними. Вас охватывает горячее чувство гордости за нашу великую Родину, восхищения шедеврами древнерусского зодчества, чувство волнующего соприкосновения с великими событиями истории — отечественной и всемирной... В немалой мере настроению этому способствует безупречный порядок и исключительная чистота, царящие в Кремле... Да иначе и быть не может: ведь это же — Кремль! Московский Кремль!..

А ведь всего лишь немногим более шести десятилетий назад, когда Россия Советская приняла в наследство от России старой, царской, первейшую национальную святыню, она была в ужасающем состоянии.

«В то время Кремль был чрезвычайно запущен,..— вспоминал Бонч-Бруевич. — Достаточно сказать, что некоторые дворы были сплошь завалены утрамбованным на полтора аршина навозом. В некоторых дворах стояла такая ужасная вонь, что трудно было через них проходить...» «На дворах, у стен, в углах и закоулках была непролазная грязь, остатки сена, соломы, конского навоза, нагромождение повозок, поломанных фур, брошенные пушки, всякое имущество, мешки, кули, рогожи. Я думаю, что Наполеон оставил Кремль в 1812 г. не более засоренным, разрушенным, загрязненным, чем господа юнкера со своими начальниками, когда они запросили пощады у Московского Совета...» [3].

солдат и рабочих-красногвардейцев [5]... Следует напомнить, что, помимо исключительных ценностей Оружейной палаты, патриаршей ризницы, дворцов и соборов, в кремлевских подвалах тогда хранились сотни ящиков с музейными экспонатами, вывезенными из Петрограда в сентябре 1917 года. И все это национальное достояние удалось все же сохранить благодаря подвигу самоотверженных людей. Об этом стоит рассказать подробнее....

Начать надо с рядовых кремлевских сторожей. Сорок лет назад, в марте 1938 года, П. П. Малиновский, бывший гражданским комиссаром Кремля в 1917 году, обратился в Моссовет с письмом, в котором рассказал об этих людях, оставшихся в Кремле еще со старых времен, об их заслугах перед народом, об их патриотическом подвиге. После крушения самодержавия кремлевские сторожа вступили в профсоюз, невзирая на гнев начальства, угрозы уволить и даже привлечь к суду.

Московский Кремль в наши дни.

Фото В. Егорова и А. Стужина. Фотохроника ТАСС.

Теперь они «установили твердую дисциплину среди членов союза, — писал Малиновский, — взяли на себя организованно за круговой порукой полную ответственность за сохранность кремлевских ценностей, и в октябрьские дни они еще больше сплотились между собой и ввели железную дисциплину, и, несмотря на аресты, угрозы белогвардейцев расстрелом отдельных товарищей и затем повальным расстрелом, — не сдали белогвардейцам ключей от хранилищ ценностей, бессменно оставались в течение недели, полуголодные и под обстрелом, на своих постах, причем часть товарищей были ранены... сумели противостоять белогвардейской провокации на разграбление ценностей и удержать несознательных... силой убеждения». И далее: «Они были квалифицированными техническими хранителями кремлевских ценностей и настолько сознательными, дисциплинированными и активными, что в октябрьские дни, будучи предоставленными бежавшим начальством самим себе, сумели дать организованный отпор провокаторски занявшей Кремль белогвардейщине, спасти все его ценности и передать их в полной сохранности Советской власти» [6].

По словам Малиновского, Ленин дважды благодарил кремлевских сторожей.

Надо, однако, сказать, что некоторая часть сокровищ — ценности культового назначения, хранившиеся в монастырях, соборах и церквах,— все-таки были позднее похищены. Отличились в этом позорном деле монахи находившегося на территории Кремля Чудова монастыря. При выезде чудовских иноков через Троицкие ворота комендант Кремля Павел Дмитриевич Мальков, бывший балтийский матрос, назначенный на этот ответственный пост в первые дни пребывания Советского правительства в Москве,— хотел было обыскать их. Но Председатель ВЦИК Я. М. Свердлов распорядился отменить обыск, чтобы не давать повода контрреволюционерам и фанатикам поднять крик о «преследованиях», «притеснениях», «надругательствах»...

«Пришлось отпустить монахов восвояси, — рассказывал много лет спустя Мальков. — Только через день после их отъезда являются ко мне члены комиссии и выкладывают длиннющий список: любуйтесь, мол, чего не хватает. А в списке и митра золотая с бриллиантами, патриаршья, изготовленная в древние времена, и пятнадцать золотых панагий... и кресты золотые, большие и малые, и прочее, и прочее. В описях значится, а на месте нет — украли-таки «святые отцы» [7].

Коменданту Кремля пришлось пустить в ход всю свою смекалку, энергию и выдержку. Поиски увенчались успехом: сундук, наполненный похищенными панагиями, митрами, крестами, он вместе с двумя чекистами обнаружил в подвале Троицкого подворья в Москве — резиденции патриарха Тихона.

Сразу же после изгнания белогвардейцев из Кремля комендантом его Военно-революционный комитет назначил Ивана Петрякова, члена большевистской партии с февраля семнадцатого (его подпись, кстати сказать, стоит на временном пропуске, выданном Ленину 18 марта 1918 года с разрешением на «вход и выход из Кремля с 7 часов утра до 11 часов вечера»). Еще задолго до переезда Советского правительства в Москву Петряков был командирован в Смольный для подробного и обстоятельного доклада Ленину о состоянии Кремля и сохранности его сокровищ [8].

Забота о Кремле, сбережение исторических реликвий и художественных ценностей, реставрация

Кутафья и Троицкая башни после реставрации.

[5] См. об этом: «Москва. 1917. Десять дней» в № 11 нашего журнала за 1977 г.
[6] «Исторический архив», 1961, № 2, стр. 223.
[7] П. Мальков. Записки коменданта Кремля. М., 1967, стр. 117.
[8] См. об этом в очерке Н. Гамова «Пропуск № 80» («Подъем», 1967, № 5, стр. 141—145).

его памятников — все это стало важным государственным делом с первых же дней Советской власти. Одним из первых поручений, полученных Управлением делами Совнаркома от его Председателя, было: «осмотреть все здания Кремля и сообщить ему (Ленину. — А. Ш.), в каком они состоянии, тот час же приняв меры к охране дворцов, соборов, монастырей, церквей, палат и отдельных зданий...»[9]. Минуло всего немногим более двух месяцев после переезда Советского правительства в Москву, и Мальков получил от В. И. Ленина предписание в срочном порядке произвести реставрацию Никольской башни, пострадавшей в дни Октябрьских боев[10].

Изучая ленинское наследие, знакомясь с воспоминаниями людей, близко знавших Владимира Ильича, много лет проработавших рядом с ним, под его руководством, можно увидеть, какую важную роль отводил Ленин памятникам истории и культуры в коммунистическом воспитании народа. Он видел в них не только шедевры искусства — творения зодчих, каменщиков, живописцев, литейщиков и других мастеров, не только воплощенную в камень национальную память о событиях и людях старины, но и в высшей степени действенное средство пропаганды революционных идей, основ революционного мировоззрения. Постоянно напоминая новым поколениям о той России, которая была коренным образом преображена Октябрьской революцией, очищена от мерзости и гнили, присущих старому общественно-государственному устройству, архитектурные памятники прошлого должны были, по мысли Ленина, стать всенародной школой социалистического (а следовательно — научно-атеистического) миропонимания. Бонч-Бруевич писал:

> Владимир Ильич «нередко говорил, что в будущем в Кремле во всех его старинных постройках мы устроим великолепнейший исторический музей, где наши лекторы и экскурсоводы будут давать объяснения и читать лекции в связи со всеми древностями Кремля, где эта история оживится и где мы найдем прекрасные иллюстрации к различным эпохам наших правивших классов, их организации, способов воздействия и одурачивания народных масс, — он подразумевал все религиозные атрибуты Кремля»[11].

Ленин полагал, что с этой целью следует оставить в крупнейших городах и часть памятников российским царям, особенно если такие памятники имеют определенные художественные достоинства. Пускай будущее поколение, сказал он, видит тех, которые угнетали народ, в том изображении, какое им дала эпоха[12].

В частности, в Успенском соборе Ленин видел не только выдающийся памятник древнерусского зодчества и иконописи, но и многовековой и главнейший духовный оплот «богохранимого» самодержавия, первую кафедру верой и правдой служившей ему православной церкви. Ведь именно в этом храме венчались на царство все русские цари, императоры и императрицы. Однажды в беседе с Бонч-Бруевичем Владимир Ильич высказал мысль о том, что следовало бы тут — неподалеку от собора — поставить статую Льва Толстого, которого под этими сводами проклинали после отлучения от церкви[13].

На первых порах, пока приводили в порядок квартиру, предназначенную для семьи Ленина, Владимира Ильича, Надежду Константиновну и Марию Ильиничну поселили в двух комнатах Кавалерского корпуса. Здесь им пришлось прожить полтора месяца. На столе в этой квартире лежала, видимо, забытая прежними жильцами, книга о Кремле. Владимир Ильич сразу же заинтересовался ею и, по словам Надежды Константиновны, читал ее и разглядывал многочисленные иллюстрации. По всей вероятности, это и был тот исторический труд, о котором не раз упоминал в воспоминаниях Бонч-Бруевич: двухтомник С. П. Бартенева «Московский Кремль в старину и теперь», изданный незадолго до революции[14].

В свободные минуты (стоит ли говорить о том, как мало их было у него в то время) Владимир Ильич с карандашом в руках проштудировал оба тома этого основательного исследования и под впечатлением от прочитанного, рассказывает Бонч-Бруевич, «в течение трех дней ... обходил и подробно осматривал здания, дворцы, Грановитую палату, боярские терема и, наконец, дважды прошел по стенам Кремля, подходя к каждой башне и интересуясь их состоянием»[15].

Музей-квартира В. И. Ленина в Кремле: рабочий стол в кабинете Ленина.

В воспоминаниях Бонч-Бруевича приведен эпизод, который не только красноречиво характеризует отношение Ленина к ученым и его заботу о них, но и свидетельствует о том, как высоко он оценил труд Бартенева, с каким уважением относился к маститому историку Кремля. Однажды Ленин услышал от Бонч-Бруевича о том, что автор этой книги, до по-

[9] Вл. Бонч-Бруевич. Кремль в октябре семнадцатого. «Красная новь», 1932, № 11, стр. 208.
[10] См.: «Ленинский сборник», вып. XXXV, стр. 21—22.
[11] Вл. Бонч-Бруевич. Кремль в октябре семнадцатого, стр. 208.
[12] См.: В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, стр. 238.
[13] См.: там же, стр. 404.
[14] Об этом историке и его дневнике, случайно найденном в Кремле, шла речь в статье «Москва. 1917. Десять дней». «Наука и религия», 1977, № 11.
[15] В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, стр. 403.

следнего времени проживавший в Кремле, собирается переезжать в город, на другую квартиру. Владимир Ильич был удивлен:

— Зачем это? Его нужно было бы оставить здесь, в Кремле.

Бонч-Бруевич пояснил, что историк уезжает по собственному желанию. Он дает уроки музыки, и приходить его ученикам в Кремль теперь затруднительно. Тогда Ленин распорядился:

— Пойдите сейчас же и посмотрите, как он переезжает, есть ли у него перевозочные средства, и организуйте ему помощь в переезде.

«Я сейчас же отправился на квартиру ныне покойного С. П. Бартенева, — рассказывает Бонч-Бруевич, — передал ему привет от Владимира Ильича, сообщил ему, что книга его Владимиру Ильичу очень понравилась и что он просил меня позаботиться о его переезде.

...Бартенев был тронут этим буквально до слез, и, когда из комендатуры пришли красноармейцы и стали помогать ему упаковывать вещи, причем главная его поклажа состояла из книг, картин, нот и рояля, к которому он особенно бережно

Столовая в квартире Ленина в Кремле.

относился, он просто растерялся от этого неожиданного внимания. Через некоторое время ему был подан грузовик...

Владимир Ильич был очень удовлетворен, что мы помогли этому ученому, и, сказав, что даст ему охранную грамоту, немедленно ее написал, и я вручил ее С. П. Бартеневу» [16].

Книга Бартенева, изданная совсем незначительным — по нашим нынешним понятиям — тиражом, давно уже стала библиографической редкостью. Но фундаментальные научные библиотеки сберегли несколько ее экземпляров, и мы теперь можем прочитать труд, с которым шесть десятилетий тому назад «так пристально знакомился Владимир Ильич» [17]

И эту книгу мы решили использовать в качестве своеобразного путеводителя по Московскому Кремлю теперь — 60 лет спустя.

---

[16] В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине, стр. 402.
[17] Вл. Бонч-Бруевич. Кремль в октябре семнадцатого. стр. 212.

Читайте в следующем номере:

В НАШЕЙ ПАМЯТИ НАВЕЧНО

Очерки, корреспонденции, зарисовки к Празднику Победы

●

Т. САМСОНОВА

ТРУД ВОЗВЫШАЮЩИЙ

●

Н. АНИСИМОВА

КТО ТАКИЕ МОНОФИЗИТЫ?

●

Б. ВОЛОДИН

КАК МИКРОСКОП РАССЕЯЛ ТЬМУ

●

Е. СЕРГИЕНКО

ШТРАФНОЙ БАТАЛЬОН

Роман

●

А. МАТВЕЕВ

ГОЙЯ, ВЗЫВАЮЩИЙ К РАЗУМУ

Важная сторона ленинского идейного наследия

А. ИВАНОВ,
кандидат философских наук

В ТЕЗИСАХ ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина подчеркивается, что «для марксистов-ленинцев, для всех подлинных революционеров ленинизм — это методология революционного мышления и революционного действия». Данное положение имеет огромное значение для решения всех вопросов, связанных с теорией и практикой революционного преобразования мира, как глобальных, так и более узких, относящихся к той или иной отрасли знаний или деятельности.

С этой точки зрения ленинское атеистическое наследие ценно для нас не только своей содержательностью, глубиной анализа и обоснованностью выводов, но и методологией, принципами подхода к вопросам критики религии, теории и практики атеизма. Обратимся в связи с этим к некоторым положениям ленинской статьи «Об отношении рабочей партии к религии», которые, на наш взгляд, имеют не только большое теоретическое, но и методологическое значение для разработки теории научного атеизма, практики атеистического воспитания, а также для критики буржуазных фальсификаций политики Коммунистической партии и Советского государства по отношению к религии и церкви.

«Философской основой марксизма, как неоднократно заявляли и Маркс и Энгельс, — писал Ленин, — является диалектический материализм, вполне воспринявший исторические традиции материализма XVIII века во Франции и Фейербаха (1-ая половина XIX века) в Германии,— материализма безусловно атеистического, решительно враждебного всякой религии». Далее, критикуя анархических фразеров, людей неряшливо относившихся к марксизму, к его положениям в отношении религии, Ленин указывал, что атеизм марксистов «есть прямой и неизбежный вывод из диалектического материализма», что политическая линия марксизма по отношению к религии «неразрывно связана с его философскими основами». Сюда примыкает еще одно высказывание: «Мы должны бороться с религией. Это — азбука всего материализма и, следовательно, марксизма. Но марксизм не есть материализм, остановившийся на азбуке. Марксизм идет дальше. Он говорит: надо **уметь** бороться с религией, а для этого надо **материалистически** объяснить источник веры и религии у масс»[1].

Как видим, Ленин обращает внимание на три важнейших положения: на органическое единство, неразрывность марксистской философии, научного, материалистического мировоззрения и атеизма; на необходимость научного, материалистического анализа и объяснения вопросов, связанных с религией и атеизмом; на теоретические, философские основы политического, практического отношения марксистов к религии.

Философия. Мировоззрение. Атеизм

Рассмотрим эти ленинские положения вначале применительно к атеизму как к отрасли знаний в целом, к его соотношению с марксистско-ленинской философией, к его месту в системе научного, материалистического мировоззрения.

«Марксизм, — писал Ленин, — есть материализм. В качестве такового, он так же беспощадно враждебен религии, как материализм энциклопедистов XVIII века или материализм Фейербаха»[2]. Следовательно, марксистская философия как наука о наиболее общих законах развития природы, общества и человеческого мышления, как основа научного мировоззрения не может не быть направлена против религии — антинаучного миропонимания, не может не быть атеистической. При этом она не просто имеет антирелигиозный, атеистический характер, но и включает в себя атеизм как необходимый элемент. В свою очередь атеизм как важнейший компонент духовной жизни человеческого общества становится научным и последовательным в силу того, что получает свое обоснование и развитие в научной философии — диалектическом и историческом материализме.

Органическое единство философии марксизма и научного атеизма — один из центральных марксистско-ленинских методологических принципов, который лежит в основе всех ленинских атеистических работ. Практика показывает, что плодотворное развитие научного атеизма возможно лишь в тесном, органическом единстве со всем содержанием марксистской философии. Только при этом условии можно успешно развивать атеистическую теорию на основе обобщения всех достижений человечества в познании мира, в развитии общественных наук, естествознания и культуры, активно противодействовать догматизму и формализму в атеистической теории и практике, аргументированно разоблачать фальсификации идейных противников.

Буржуазные идеологи, различного толка ревизионисты, теологи прежде всего стремятся подорвать философские основы атеизма как науки и практики. Они утверждают, будто атеизм не только не обусловлен философской системой марксизма, но и просто не связан с нею. Отсюда делаются выводы о теоретической несостоятельности марксистского атеизма, отрицаются его научная ценность и социальная значимость. Из этого же исходит и концепция так называемого политического атеизма, утверждающая, будто марксистский атеизм всецело обусловлен политическими целями, необходимостью политической борьбы.

Логика фальсификаторов предельно ясна. Оторвав атеизм от его философского фундамента, лишив его научных

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 415, 418.
[2] Там же, стр. 418.

основ, им легче извращать политику Коммунистической партии и Советского государства по отношению к религии и церкви, а также практику атеистической работы.

Научный атеизм не только органически связан с марксистской философией как фундаментом материалистического мировоззрения, но и является характерной, неотъемлемой стороной мировоззрения в целом, важнейшим его аспектом. Научное, марксистско-ленинское мировоззрение также не может не быть атеистическим, ибо оно противостоит антинаучному миропониманию во всех его разновидностях, в том числе и религиозной. Поэтому атеистический взгляд на мир, атеистическое истолкование явлений действительности составляют неотъемлемое содержание научного мировоззрения.

Все это говорит о том, что атеизм должен занимать и занимает большое место в господствующем при социализме научном мировоззрении, в его духовной культуре, в коммунистическом воспитании нового человека. История развития Советского государства, опыт работы по коммунистическому воспитанию трудящихся убедительно свидетельствуют об огромной созидательной роли теории и практики атеизма, о благотворном его влиянии на различные стороны духовной жизни человека и общества.

Атеизм занимает большое место в нашей жизни прежде всего потому, что активно способствует формированию научного мировоззрения. Духовное развитие человека сильно затруднено, деформировано, если он руководствуется в своей жизни религиозным миропониманием, уводящим его в мир иллюзий. Разрушая его и содействуя формированию научного мировоззрения, атеизм, таким образом, занимает важное место и в воспитательном процессе. Велика роль научного атеизма в критике религиозной морали и утверждении коммунистической, в трудовом, интернациональном, патриотическом, идейно-политическом воспитании, в формировании коммунистической идейности, расширении общего культурного кругозора людей. Он благотворно влияет на возрастание трудовой и социальной активности человека, на развитие у него потребности овладевать научными знаниями, достижениями культуры.

Органическое единство марксистской философии и научного атеизма, место его в системе материалистического мировоззрения в нашей литературе освещаются в последнее время довольно часто. Вместе с тем эти важнейшие проблемы не получили еще, на наш взгляд, достаточно глубокого анализа на основе исторического и особенно современного материала.

В связи с закономерным выделением атеизма в самостоятельную отрасль научных знаний основное внимание, вполне естественно, сосредоточивается на характеристике его предмета. В литературе нередко подчеркивается, что предметом научного атеизма является не только критика религии как ложного отражения действительности, научное объяснение причин ее возникновения, закономерностей эволюции и отмирания, изучение объективных и субъективных условий ее преодоления, но и формирование научно-атеистического миропонимания.

С последней частью такого определения вряд ли можно полностью согласиться. Правильно ли будет говорить о самостоятельном атеистическом миропонимании — наряду с материалистическим мировоззрением? Не вернее ли вести речь об атеистической стороне материалистического мировоззрения? Ведь понятием «научный атеизм» обозначают систему взглядов и убеждений, характерную для людей с материалистическим мировоззрением.

Безусловно, атеизм имеет большое значение в формировании научного мировоззрения. Но эта его роль полностью совпадает с ролью других отраслей знаний. Правильнее, вероятно, говорить, что научный атеизм, атеистическая пропаганда содействуют выработке, формированию последовательного диалектико-материалистического мировоззрения, активно способствуют этому процессу.

В итоге следует сделать вывод, что в научных исследованиях и в атеистической пропаганде нам необходимо постоянно показывать органическую и разностороннюю связь атеизма с марксистской философией, раскрывать его как существенный элемент, как характерную черту научного, материалистического мировоззрения, а марксистско-ленинскую философию — как методологический, теоретический фундамент атеизма.

Свобода. Атеизм. Религия

С позиций этих ленинских принципов подойдем к проблеме свободы совести. Построение в нашей стране общества развитого социализма, принятие новой Конституции (где более широко и углубленно формулируется принцип свободы совести), совершенствование советского законодательства о религиозных культах, а также фальсификация враждебной западной пропагандой положения религии и церкви в СССР делают актуальными многие проблемы, связанные со свободой совести, требуют их научного анализа и освещения. Затронем здесь в постановочном плане лишь вопрос о сущности свободы (как одной из центральных проблем в учении о человеке и человеческом обществе) и ее соотношении с атеизмом и религией.

Надо заметить, что понятие свободы в целом по своему содержанию многообразно и многогранно, ибо отражает всю сложную гамму взаимосвязей и взаимоотношений между различными явлениями объективной (реальной) действительности и субъективным миром человека. Многообразны и формы проявления свободы. Вполне понятно, что это сложное понятие анализируется в марксистской литературе с разных сторон и в различных планах — экономическом, политическом, философском, нравственном, историческом, юридическом и т. д. И со всеми указанными сторонами тесно связана проблема свободы совести. Поэтому при исследовании ее нужно эту связь не только учитывать и анализировать, но и опираться на этот анализ как на теоретическую и методологическую основу.

Возьмем, к примеру, философское определение свободы, в котором отражаются наиболее общие связи и отношения между окружающим миром и сознанием человека, и посмотрим, как оно соотносится с религией и атеизмом.

Известно, что окружающий нас мир развивается на основе действия объективных законов, господствующих в природе и обществе. Исходя из этого, марксистская философия рассматривает категорию свободы в единстве с категорией необходимости. В них с научных позиций отражаются взаимоотношения между деятельностью людей и объективными законами: законы выступают как необходимость, обусловливающая деятельность людей, а категория свободы отражает степень их познанности. Диалектика же здесь такова: незнание законов окружающего нас мира делает человека их рабом, а их познание ведет к осознанной и свободной деятельности. При этом чем глубже люди познают действие этих законов и чем активнее их используют, тем свободнее, осознаннее становится их деятельность во всех жизненных сферах. Следовательно, деятельность людей свободна в пределах совокупного действия познанных объективных законов природы и общества. Степень свободы зависит от степени познания. В этом и проявляется детерминированность человеческой деятельности в самом общем смысле.

Существо диалектики превращения необходимости в свободу емко и сжато выражено в следующих словах Энгельса: «Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей. Это относится как к законам внешней природы, так и к законам, управляющим телесным и духовным бытием самого человека»[3].

Таково понимание свободы в общетеоретическом, философском плане. Если бы мы взяли другие ее аспекты, то увидели бы, что в них также отражаются познание и осознание различных внешних необходимостей в виде экономических объективных законов, юридических законодательных актов, нравственных норм и т. д. Сошлемся еще на нравственное понимание свободы, потому что оно непосредственно связано со свободой совести.

Если философское определение свободы отражает степень познания людьми объективных законов природы и общества и использования их в практике, то свобода в нравственном понимании есть такое осознание человеком моральных требований общества, в которых отражаются общественные потребности, когда он следует им без принуждения, когда они из внешней нравственной необходимости превращаются во внутреннюю, субъективную необхо-

---

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 116.

димость, когда они становятся личной, внутренней потребностью человека.

Марксистский анализ диалектики свободы и необходимости в различных жизненных сферах и формах проявления раскрывает несостоятельность их противопоставления и абсолютизации, волюнтаризм практических и реакционность политических выводов, которые делаются из этого буржуазными идеологами и политиками. Нет и не может быть абсолютной свободы, как нет и не может быть абсолютной необходимости.

Различные попытки обосновать абсолютность свободы, исходя из какой-либо сверхприродной, сверхчеловеческой реальности или из абсолютизации свободы воли человека, — антинаучны. На них основываются волюнтаристские рассуждения о неограниченной, безусловной свободе человека в обществе. Они служат как бы «теоретическим» подспорьем в той грязной клевете о «нарушениях прав человека, прав верующих», о «преследовании инакомыслия» в нашей стране и в других странах социалистического содружества, которую ведет буржуазная пропаганда.

Столь же антинаучны и рассуждения об абсолютной необходимости, тотальное действие которой, обрекая человека на пассивное существование, вольно или невольно ведет его к конструированию идеи бога. Человек — разумное, деятельное существо. На основе знания законов существования и развития окружающего нас мира он преобразует его, достигает господства над ним. И моральные нормы, долг и ответственность также фатально не обусловливают поведение человека, не исключают его свободы выбирать свои поступки и отвечать за их последствия. Ленин в сжатом виде так выразил это марксистское положение: «Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю»[4]. Поэтому осознание своей свободы, ее реальных рамок и границ является важнейшим фактором развития личности.

А теперь выясним соотношение свободы с религией и атеизмом.

Сопоставляя свободу и религию, не трудно заметить, что свобода во всех ее видах и формах и религия во всех ее разновидностях и верованиях по причинам возникновения и условиям существования, по содержанию и характеру, по той роли, которую они играют в обществе, являются крайними, полярными антиподами.

Как исторически развивающаяся духовная ценность свобода — необходимый продукт прогрессивного развития общества, высвобождения его из-под гнета стихийных природных и общественных сил. Религия же, наоборот, — продукт зависимости людей от стихийных сил природы и общества, продукт несвободы. Антинаучные, иллюзорные представления о мире, как известно, возникают в сознании людей потому, что над ними господствуют внешние силы, подлинной природы которых люди не знают и не понимают. Религиозные представления возникают как результат практического бессилия людей, как фантастическое восполнение этого бессилия.

Свобода по своему содержанию и характеру является показателем степени господства людей над силами природы, над общественными отношениями и над собственной деятельностью. А существование религии как иллюзорного миропонимания на современном этапе развития человеческого общества свидетельствует о том, что в силу ряда объективных и субъективных причин в сознании и поведении людей еще сохраняются представления, порожденные в далеком прошлом.

Свобода играет прогрессивную роль в развитии общества и личности. Чем больше обеспечено действительных свобод для деятельности людей, проявления их творческих способностей, тем быстрее идет развитие общества. Роль религии прямо противоположна. Выражение Маркса — «Религия есть опиум народа» — Ленин назвал краеугольным камнем всего миросозерцания марксизма в вопросе о религии. Будучи порождением несвободы, религия сама является таким социальным явлением, которое препятствует развитию свободы. Поэтому действительная свобода личности во всех сферах жизни общества возможна лишь в условиях полного преодоления религии.

Эти важные положения нужно учитывать при анализе свободы в целом и применительно к религии в частности.

Свобода и атеизм тесно между собой связаны, дополняют друг друга: свобода и ее прогресс способствуют развитию и совершенствованию атеизма; в свою очередь атеизм стимулирует развитие свободы. Как и свобода, атеизм — продукт прогрессивного развития общества во всех его сферах — экономической, социальной и духовной. Его возникновение имеет глубокие социально-экономические, идейные и гносеологические корни. Как и свобода, атеизм играет прогрессивную роль в жизни общества и личности. Он реализует в своем развитии — прямо или косвенно — прогрессивные социально-экономические, политические, познавательные, эстетические, морально-психологические потребности и интересы классов, социальных групп, отдельных личностей.

Эти важные моменты также нужно учитывать, когда рассматривается свобода совести применительно к религии и атеизму.

Свобода совести

Ленинские теоретические и методологические принципы, о которых говорилось в начале статьи, обеспечивают научный подход и при рассмотрении содержания свободы совести применительно к религии и атеизму. Они требуют, чтобы такое рассмотрение шло на теоретической основе диалектического и исторического материализма и в связи со всей совокупностью социально-экономических, политических и духовных факторов.

Философское и нравственное понимание свободы не только тесно связаны между собой, но и с совестью как этической категорией, ибо нравственная свобода, как говорилось выше, предполагает такое осознание человеком нравственных предписаний, когда оно превращается в добровольное следование голосу его совести. В свою очередь известно, что совесть как категория этики представляет собой такое осознание личностью своего долга перед обществом, такое осознание ответственности за свои действия и поступки перед ним, когда они выступают как долг и ответственность перед самим собой.

При таком осознании человек способен самостоятельно формулировать для себя нравственные установки, исходя из обязанностей и ответственности перед обществом, требовать от себя их выполнения, осуществлять моральный самоконтроль поведения и производить самооценку совершаемых поступков. Следовательно, можно сделать вывод: когда человек поступает по совести, он поступает и как подлинно нравственно свободная личность, а действуя как нравственно свободная личность, он следует голосу своей совести, так как и то и другое предполагает превращение действующих в обществе нравственных норм из внешней необходимости во внутреннюю нравственную потребность человека, в глубокие личные убеждения, в установку к действиям.

Свобода в самом широком, философском смысле означает свободу понимать окружающий мир таким, каков он есть в действительности, знать законы его развития, иметь научное мировоззрение и действовать в соответствии с ним. Нравственная же свобода и свобода совести означают возможность и способность человека как активного и свободного субъекта морали самому выбирать линию своего поведения, быть самостоятельной творческой личностью в своей моральной деятельности, поступать по совести, без внешнего принуждения осуществлять деятельность целесообразную, нужную и с позиций общества, и с его личной точки зрения. Как видим, свобода совести не сводится и не может быть сведена только к вопросу о религии и атеизме. Ее содержание значительно шире.

Для формирования правильного понимания у людей свободы как социальной категории в целом, а также всех ее видов и форм, для формирования сознания и чувства совести, как и других этических категорий и принципов, и особенно для их проявления должны быть созданы необходимые условия. Таких условий не было и не могло быть до возникновения социалистического общества. С победой социализма создаются экономические, социальные, политические и идеологические условия для проявления подлинной свободы личности во всех сферах жизни, в том числе и для проявления свободы совести. Ликвидация частной собственности, уничтожение эксплуатации человека человеком, переход всей власти в руки народа, обеспечение всем свободного доступа к овладению духовной культурой и ее развитию обеспечили трудящимся нашей страны «такую фактическую возможность пользоваться демо-

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч, т. 1, стр. 159.

кратическими правами и свободами, которой никогда не было, даже приблизительно, в самых лучших и демократических буржуазных республиках»[5].

Как же решается вопрос свободы совести применительно к религии и атеизму в условиях социализма?

Если свобода совести включает в себя свободу от всего, что препятствует ее формированию и проявлению, то она предполагает прежде всего свободу от религии как иллюзорного, антинаучного миропонимания и как социального явления в целом, с ее моралью, культом, обрядностью. На это обращал внимание еще Маркс в «Критике Готской программы», указывая, что если буржуазная «свобода совести» не представляет собой ничего большего, как терпимость ко всем возможным видам религиозной свободы совести, то рабочая партия стремится освободить совесть от религии[6].

Исходя из этого, свобода совести органически включает в себя свободу научного миропонимания, в том числе и свободу атеизма как его существенного элемента. Более того, свобода совести предполагает не только свободу атеизма, но и свободу пропагандировать его. «Наша программа, — писал Ленин, — вся построена на научном и, притом, именно материалистическом мировоззрении. Разъяснение нашей программы необходимо включает поэтому и разъяснение истинных исторических и экономических корней религиозного тумана. Наша пропаганда необходимо включает и пропаганду атеизма...»[7]

Выше говорилось, что атеизм вытекает из философии марксизма, является ее неотъемлемой стороной, важным фактором формирования научного мировоззрения. Теперь мы видим, что пропаганда его не только не противоречит свободе совести, как это часто пытаются представить наши идейные противники, но и составляет ее органическое содержание.

Преодоление религии, освобождение от нее сознания и поведения людей обусловлено самим ходом развития человечества. Экономический, социальный и культурный прогресс общества закономерно и неотвратимо ведут к преодолению религии и становлению научного мировоззрения. Прогресс общества немыслим без преодоления религии. Более того, чем быстрее будет преодолеваться религия, тем быстрее будет идти поступательное развитие общества, особенно его духовный прогресс — развитие науки, нравственности, культуры, приобщение к ним широких слоев трудящихся. Способствовать этому процессу — важная и благородная задача. Поэтому атеистическая пропаганда — это не ущемление свободы совести, не насилие над ней, а, наоборот, условие ее раскрепощения и наиболее полного проявления. Она ведется и для пользы верующих. Вот почему право вести атеистическую пропаганду юридически закреплено и в Основном Законе нашей страны — Конституции СССР.

Так обстоит дело с атеизмом. Что касается религии, то Ленин указывал: «...Социал-демократия борется за полную свободу совести и относится с полным уважением ко всякому искреннему убеждению в делах веры, раз это убеждение не проводится в жизнь путем насилия или обмана»[8]. Это ленинское положение и лежит в основе теоретического и практического подхода к религии.

Рассматривая с научных позиций свободу совести по отношению к религии как существующему социальному явлению, марксистско-ленинская теория прежде всего говорит о необходимости равенства в обществе всех религиозных течений, направлений и организаций. Не может быть ни господствующих вероисповеданий, ни гонимых. При равенстве всех религий каждому человеку предоставляются и равные возможности свободно выбирать любую веру без какого-либо вмешательства со стороны власти, свободно менять ее или отказываться от веры в бога, быть атеистом. Существенным и важным дополнением к этому является создание условий для свободного, беспрепятственного удовлетворения верующими своих религиозных потребностей, отправления религиозных обрядов, если они, повторим еще раз ленинские слова, «не проводятся в жизнь путем насилия или обмана».

Все эти основные положения находят при социализме свое юридическое оформление, о чем свидетельствуют принятый в нашей стране сразу после Октябрьской революции Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», Конституция СССР, а также законодательство о религиозных культах, которые обеспечивают верующим свободу удовлетворения религиозных потребностей на практике. Эти основные положения характеризуют и марксистский атеизм и всю нашу атеистическую работу, которая строится на полном уважении убеждений в делах веры, на уважении религиозных чувств верующих.

Буржуазные идеологи, реформисты и ревизионисты, извращая теорию и практику атеизма, обвиняют нашу страну в отсутствии свободы совести вообще или одностороннем ее понимании. При этом они ссылаются на то, что в нашем обществе гарантируется свобода атеистической пропаганды, а свобода религиозной пропаганды якобы подменяется свободой удовлетворения верующими своих религиозных потребностей. В действительности в этом нет никакой односторонности, тем более подмены.

Прежде всего надо указать на ложность самого утверждения об отсутствии религиозной пропаганды. Она осуществляется в нашей стране для верующих, и не видеть этого могут только люди, относящиеся предвзято или враждебно к нашему обществу. Разве могут без нее удовлетворяться религиозные потребности верующих, отправляться религиозные культы? Для каких же целей Советское государство передает религиозным объединениям в бесплатное пользование являющиеся общенародным достоянием церковные здания и предметы культа? Что же происходит во время богослужений, если не религиозная пропаганда? Что же тогда представляют собой проповеди? Для чего религиозным центрам в нашей стране предоставлена возможность издавать религиозную литературу, начиная от священных книг, периодических изданий и кончая трудами богословов?

Естественно и закономерно, однако, что религиозная пропаганда осуществляется в рамках свободы отправления религиозных культов, удовлетворения религиозных потребностей верующих, ибо она вызывается этими потребностями. Не будет потребностей — отпадет и необходимость в религиозной пропаганде. Отсюда вполне понятно, что религиозная пропаганда не может быть выведена за рамки свободы отправления религиозных потребностей верующих. Такое расширение ее рамок в обществе массового атеизма, где господствует научное мировоззрение, было бы уже не свободой совести, а ее ущемлением, так как подавляющее большинство населения нашей страны — люди неверующие — не испытывают потребности в такой пропаганде.

Вот почему свобода совести в ее действительном содержании и полном объеме предполагает как свободу религиозной пропаганды в рамках удовлетворения религиозных потребностей, так и свободу пропаганды атеизма, атеистического воспитания в самом широком смысле, которое является неотъемлемой составной частью коммунистического воспитания.

Свобода совести и государство

Буржуазные идеологи, пропагандисты антикоммунизма в подтверждение своих домыслов об ограничениях и нарушениях свободы совести в нашей стране часто ссылаются на следующее: в СССР церковь отделена от государства, религия объявлена частным делом, но вместе с тем школы, вузы, государственные культурно-просветительные учреждения и идеологические ведомства занимаются атеистической пропагандой. Это, по их мнению, якобы противоречит ленинским положениям об отношении государства к религии и церкви.

Прежде всего нужно заметить, что все эти рассуждения идут или от полного непонимания вопроса об отношении социалистического государства к религии и церкви, или, что более правдоподобно, от его сознательного пропагандистского извращения. Если внимательно вдуматься в этот вопрос и честно в нем разобраться, то нельзя не увидеть, что воспитательная деятельность, в том числе и атеистическая, государственных ведомств и учреждений не только не противоречит ленинским принципам, а, наоборот, является подтверждением проведения их в жизнь. Обратимся к тому, как ставил этот вопрос Ленин, и выделим три, на наш взгляд, основополагающих момента.

Первый — ленинские научные принципы отношения государства и религии и церкви, которые составляют теорети-

[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 499.

[6] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 30.

[7] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 145.

[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 157.

ческую основу этих отношений. Главное требование, на которое обращал внимание Ленин, — полное отделение церкви от государства. Известно, что религия и церковь в эксплуататорских обществах были тесно связаны с государственной властью. Они использовались правящими классами как средство оправдания и укрепления своего господства, как средство духовного угнетения народа. За неверие или за исповедание неугодной веры государство преследовало людей, и, естественно, ни о какой свободе совести речи быть не могло. Поэтому, указывал Ленин, религиозные общества должны быть свободными, не зависимыми от власти союзами граждан-единомышленников, а религия — частным делом по отношению к государству. Всякое упоминание о вероисповедании граждан в официальных документах должно быть уничтожено, а какие бы то ни было различия между гражданами в правах в зависимости от религиозных верований совершенно недопустимы. Полное отделение церкви от государства Ленин считал необходимой составной частью политической свободы, одним из условий осуществления свободы совести.

Второе, на что обращал внимание Ленин, — необходимость законодательного проведения в жизнь выдвинутых научных принципов взаимоотношения между церковью и государством, юридической гарантии свободы совести. Еще в Программе партии, принятой II съездом в 1903 году, говорилось, что конституция демократической республики, которая будет создана в результате свержения царского самодержавия, должна обеспечить неограниченную свободу совести, полную равноправность всех граждан независимо от отношения к религии, осуществить отделение церкви от государства и школы от церкви. Позднее Ленин неоднократно возвращался к этим вопросам. Они нашли свое отражение во многих государственных актах первых лет Советской власти, а наиболее полное воплощение — в Декрете «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Все ленинские принципиальные положения нашли свое дальнейшее развитие в недавно принятой Конституции СССР и в ныне действующем законодательстве о религиозных культах. Они обеспечивают реальное, полное и подлинное осуществление свободы совести, учитывают интересы как верующих, так и неверующих граждан.

Третье. Ленин нигде и никогда из того факта, что религия является частным делом по отношению к государству, не делал вывода, будто его учреждения не должны вести антирелигиозную пропаганду. В своем учении о диктатуре пролетариата и социалистическом государстве он всемерно подчеркивал, что они нужны пролетариату для того, чтобы довести революцию до конца, до построения социалистического общества, а построить его нельзя без проведения огромной воспитательной работы. Вот почему наше государство с самого начала осуществляло свою деятельность внутри страны в трех направлениях: подавляло сопротивление социалистическим преобразованиям со стороны свергнутых эксплуататорских классов, руководило строительством новой, социалистической экономики, вело большую культурно-воспитательную работу. Оно занималось развитием образования, науки и культуры, коммунистическим воспитанием трудящихся, формированием у них научного мировоззрения.

Отмечая в статье «О значении воинствующего материализма», что журнал «Под знаменем марксизма» должен быть не только органом воинствующего материализма, но и органом воинствующего атеизма, Ленин писал: «У нас есть ведомства или, по крайней мере, государственные учреждения, которые этой работой ведают. Но ведется эта работа крайне вяло, крайне неудовлетворительно, испытывая, видимо, на себе гнет общих условий нашего истинно русского (хотя и советского) бюрократизма. Чрезвычайно существенно поэтому, чтобы в дополнение к работе соответствующих государственных учреждений, в исправление ее и оживление ее, журнал, посвящающий себя задаче — стать органом воинствующего материализма, вел неутомимую атеистическую пропаганду и борьбу»[9].

И когда Ленин в статье «Социализм и религия» говорил о необходимости полного отделения церкви от государства, чтобы бороться с религией чисто идейным и только идейным оружием, нашей прессой, нашим словом, и называл идейную борьбу с религией общепролетарским делом, когда в статье «Об отношении рабочей партии к религии» говорил, что религия не может быть частным делом по отношению к марксизму, то вполне естественно он имел в виду, что эту идейную работу должны вести и государственные учреждения, занимающиеся образованием, наукой, культурой.

Как величайший теоретик Ленин видел живую диалектику отношений государства, с одной стороны, религии и церкви — с другой. Да, наше социалистическое общенародное государство, выражающее волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны, стоит на страже всех прав и свобод граждан, в том числе и свободы совести. Оно разрабатывает законодательство о свободе совести, обеспечивает контроль за его проведением в жизнь, строго наказывает за все его нарушения — независимо от того, исходят ли они от верующих или совершаются представителями органов власти.

Но то, что государство охраняет права религиозных объединений, верующих и служителей культа, отнюдь не означает, что оно берет под защиту религию как иллюзорное мистическое миропонимание. Государство пресекает попытки преодолеть религию административным нажимом, но, выполняя свою культурно-воспитательную функцию, ведет через свои учреждения большую воспитательную работу, в том числе и атеистическую.

Сошлемся на Конституцию СССР. В ее преамбуле записано: «Высшая цель Советского государства — построение бесклассового коммунистического общества, в котором получит развитие общественное коммунистическое самоуправление. Главные задачи социалистического общенародного государства: создание материально-технический базы коммунизма, совершенствование социалистических общественных отношений и их преобразование в коммунистические, воспитание человека коммунистического общества, повышение материального и культурного уровня жизни трудящихся, обеспечение безопасности страны, содействие укреплению мира и развитию международного сотрудничества».

Как видим, Основным Законом нашего общества перед государством ставится задача воспитания человека коммунистического общества. Иначе и быть не может. Для каких же целей Советское государство отделяет школу от церкви и придает народному образованию светский характер, исключающий влияние религии и церкви, если не для формирования научного миропонимания у учащейся молодежи? То же самое относится и к средним специальным и высшим учебным заведениям. Как же государственные учреждения и ведомства, занимающиеся образованием, наукой, культурой и культурно-просветительной работой, могут не касаться проблем коммунистического воспитания, формирования гармонически развитого человека? Общественные организации и государственные учреждения не понуждают граждан ни к религии, ни к атеизму, а ведут планомерную работу по их идейно-политическому воспитанию, формированию у них коммунистического мировоззрения. В этом проявляется гуманистическая сущность социалистического государства, важнейшая сторона социалистической демократии.

Обращая внимание на необходимость сказать более подробно в новой Конституции о принципах руководства народным хозяйством, Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии указывал также на целесообразность отразить в ней «роль государства в духовной жизни общества, в обеспечении условий для развития науки, народного образования, культуры. Тем самым мы подчеркнем,— говорил Леонид Ильич — гуманистический характер социалистического государства, как государства, ставящего перед собой цель строительства коммунизма во имя интересов трудящегося человека, во имя интересов всего народа»[10].

Таково, по нашему мнению, методологическое значение приведенных в начале положений из ленинской статьи «Об отношении рабочей партии к религии» для анализа проблем теории и практики атеизма. Такова в общих чертах с позиций этих принципов взаимосвязь марксистской философии и мировоззрения с атеизмом, свободы совести с общим пониманием свободы, с совестью как категорией нравственности, с религией и атеизмом, а также с деятельностью государственных учреждений и организаций, занимающихся воспитательной работой. Однако эти вопросы только поставлены в статье. Они нуждаются в глубоком научном анализе и освещении в нашей атеистической литературе. Их разработка на базе идейного наследия классиков марксизма с использованием современного практического материала принесет большую пользу атеистическому воспитанию трудящихся.

---

[9] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 25.

[10] «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, стр. 86.

Уроки нравственного прозрения

„Чтобы человеческому обществу подняться выше"

Л. АЙЗЕРМАН

1

«Часто представляют дело таким образом, — говорил В. И. Ленин на III съезде комсомола, — что у нас нет своей морали, и очень часто буржуазия обвиняет нас в том, что мы, коммунисты, отрицаем всякую мораль. Это — способ подменять понятия, бросать песок в глаза рабочим и крестьянам. В каком смысле отрицаем мы мораль, отрицаем нравственность? В том смысле, в каком проповедовала ее буржуазия, которая выводила эту нравственность из велений бога. Мы на этот счет, конечно, говорим, что в бога не верим, и очень хорошо знаем, что от имени бога говорило духовенство, говорили помещики, говорила буржуазия, чтобы проводить свои эксплуататорские интересы» [1].

Отрицание религиозной морали вовсе не является отрицанием морали вообще. Я не просто рассказал об этом своим ученикам, а попытался сделать так, чтобы они сами пришли к пониманию этой важнейшей мысли.

Изучая в девятом классе «Грозу» Островского, мы обратили внимание на то, как часто Катерина говорит о грехе. «Ведь это нехорошо, ведь это страшный грех, Варенька, что я другого люблю?» «Коли я для тебя греха не побоялась, побоюсь ли я людского суда?» «Грешна я перед богом и перед вами»... Катерина не может не думать о грехе. «Глубокая и цельная натура, она наполняет христианские каноны живым смыслом, религия для нее есть выражение высокой нравственности. Вот почему, полюбив Бориса и нарушив тем самым свои собственные представления о нравственном долге, Катерина испытала тяжелое потрясение, пережила трагедию» [2]. Потому так гнетет ее сознание греховности и страх перед расплатой. «Я и не знала, что ты так грозы боишься», — говорит ей Варвара. И вот что отвечает Катерина: «Как, девушка, не бояться! Всякий должен бояться. Не то страшно, что убьет тебя, а то, что смерть тебя вдруг застанет, как ты есть, со всеми твоими грехами, со всеми помыслами лукавыми. Мне умереть не страшно, а как подумаю, что вдруг я явлюсь перед богом такая, какая я здесь с тобой после этого разговору-то,—вот что страшно. Что у меня на уме-то! Какой грех-то! страшно вымолвить!»

И все же, как ни велика сила страха над душой Катерины, она преодолевает его и не смиряется с жизнью, выпавшей на ее долю. «Грех!» — останавливает себя Катерина в последнее мгновение перед тем, как броситься в Волгу. Но мысль эта уже не может остановить ее. «Если ей нельзя наслаждаться своим чувством, своей волей вполне законно, при свете белого дня, перед всем народом, если у нее вырывают то, что нашла она и что ей так дорого, — писал Добролюбов, — она ничего тогда не хочет в жизни, она и жизни не хочет. Пятый акт «Грозы» составляет апофеозу этого характера, столь простого, глубокого и так близкого к положению и сердцу каждого порядочного человека в нашем обществе». В гибели Катерины вместе с тем и апофеоз подлинной нравственности, которая проявляет себя в свободном волеизъявлении и непринужденном выборе.

Так подошли мы на уроке к вопросу более широкому и принципиальному, чем рассмотрение характера Катерины. Что заставляет человека быть нравственным? Религия отвечает: вера в существование загробной жизни, в воздаяние за грехи и добродетели, страх перед этим воздаянием. Отнимите у человека веру в загробную жизнь, в божий суд — и вы лишите его единственной гарантии нравственного образа жизни на земле. Эта вера —

Продолжаем публикацию статей учителя школы № 232 Москвы Л. С. Айзермана. Предыдущие статьи этого цикла напечатаны в № 2, 3 и 4 за 1977 г.

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 298—318.
[2] А. Анастасьев. «Гроза» А. Н. Островского. М., 1975, стр. 57.

единственно возможный фундамент нравственности. Ну, а неверие, мол, неминуемо ведет к девальвации морали, к вседозволенности.

Является ли религиозная вера гарантией и фундаментом нравственности? Предлагаю десятиклассникам и девятиклассникам ответить на этот вопрос. Трое написали, что вера благотворно влияет на совесть. Двое — о том, что вера не служит основанием для морали сейчас, но она определяла нравственность прежде, и в этом отношении «религия была полезна». Все остальные отвечали отрицательно. Как доказывали старшеклассники свою позицию?

«Вера не спасает от безнравственности, а атеизм не приводит к разгулу безнравственности и духовной низости»,—так рассуждали три старшеклассника и ссылались при этом на исторические примеры: какими были люди прошлых эпох и каковы они сегодня. Большинство выдвигали аргументы иного рода:

— Вся религиозная идеология построена на страхе. Значит, нравственным человек должен быть не потому, что преступление ему претит, а потому, что будет наказан.

— Если нужна только видимая нравственность, то для этого достаточно запугать человека, а если нравственность настоящая, то тут на одном страхе не построишь.

— Гуманизм, основанный на религии,— это не совсем высоконравственно. Это гуманизм под палкой: сделаю хорошо, но из боязни наказания или же в ожидании благодарности.

— Можно ли человека, который не совершает аморальные поступки только из-за того, что боится попасть в ад и вечно жариться на медленном огне или хочет очутиться в раю, назвать высоконравственным? Религия не искореняет в людях зло, а хочет прикрыть его розовым покровом. Для того, чтобы быть нравственным, надо верить не в бога, а в людей, надо делать благо своим ближним не ради своего будущего загробного блаженства, а бескорыстно, повинуясь голосу собственной совести.

— Это какая-то странная, эгоистическая нравственность: делать добро людям только для того, чтобы самому попасть в рай, а не в ад! Да разве это нравственно? Это какое-то добро по расчету, а это уже не добро. Ведь главная движущая сила делать добро здесь корысть, а не искренняя потребность человека сделать добро другому, помочь ему, поддержать его, сделать счастливым.

Так обосновывали свою точку зрения примерно треть писавших. И почти все говорили о том, что подлинной гарантией нравственности является долг и совесть человека, его внутренняя убежденность, сознательный и свободный выбор. Вслушаемся в эти голоса:

— Если в человеке голос совести, голос чувства собственного достоинства, собственной чести звучит, то это уже говорит о нравственности человека. Если у человека нет совести, что ему ад или рай? Верующий человек боится адских мук. Но ведь эти муки ничто по сравнению с душевными муками, которые человек переживает в жизни: мы знаем, что такое угрызения совести.

— Каждый человек должен быть прежде всего в ответе перед собой и людьми, а не перед господом богом. Он должен быть в ответе перед своей совестью, перед обществом.

— Я нахожу, что самый страшный суд — это суд человеческий: осуждение или одобрение поступка здесь, на земле.

— Мы, а не бог контролируем свои собственные убеждения, находим выход из самых трудных положений.

— Божьего суда нет, но есть людской суд. Ответственность за себя и окружающих лежит на человеке. Человек, совершивший безнравственный поступок, чувствует себя виноватым не перед богом, а перед всем человечеством.

— С точки зрения социалистической морали, нравственность — это не страх перед грехом и адом, а ответственность перед окружающими, перед обществом, которая прививается человеку с детства.

Так старшеклассники сами приходили к пониманию того, что марксистское отрицание религиозной морали ничего общего не имеет с утверждением нравственного релятивизма, с проповедью вседозволенности. Морали старого мира, буржуазной морали, религиозной морали коммунисты противопоставляют свою мораль, которая «служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше», и в основе которой «лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма».

Формирование новой нравственности — процесс сложный и трудный. О том, с каким трудом вырабатывается и входит в жизнь новая нравственность, говорил Ленин в речи на III съезде комсомола. «Надо, чтобы все работали по одному общему плану на общей земле, на общих фабриках и заводах и по общему распорядку. Легко ли это делать? Вы видите, что тут нельзя добиться решения так же легко, как прогнать царя, помещиков и капиталистов». «Сразу общего труда не создашь. Этого быть не может. Это с неба не сваливается. Это нужно заработать, выстрадать, создать. Это создается в ходе борьбы».

В этой связи я напоминал ученикам мысль Маркса о том, что атеизм не сводится к отрицанию бога, а посредством этого отрицания он утверждает бытие человека.

2

Нередко приходится слышать: школа дает учащимся знания, но нет в школе предмета, который бы учил, как нужно жить. Не буду говорить о том, что этому призваны учить учителя, вся школа. (Вспомним в этой связи ленинские слова: «Воспитание коммунистической молодежи должно состоять не в том, что ей подносятся всякие усладительные речи и правила нравственности».). Но ведь есть и предмет, который больше других призван учить молодого человека тому, каким ему быть и как жить. Это литература.

Между тем, когда говорят и пишут о современном преподавании литературы в школе, прежде всего жалуются именно на то, что уроки литературы часто не являются уроками жизни. Говорят и пишут об этом в последние годы много — ведь речь идет о приобщении молодого поколения к духовному наследию, оставленному нам русской и мировой культурой. Как хорошо было сказано во время обсуждения преподавания литературы на страницах «Комсомольской правды»: уроки без духовности — это уроки бездуховности.

Передо мной сочинение девятиклассницы на тему: «Искусство в моей жизни».

— Меня в искусстве привлекает именно его назначение — отражение жизни. И жизни разной, именно самой жизни. Когда вполне понимаешь и чувствуешь то, что хотел донести автор, испытываешь ко всему прочему и радость. По-

тому что это замечательно — видеть до самых корней и понимать жизнь.

Где, как не в искусстве, сталкиваешься с тем, что пережила, с подобными чувствами, мыслями, вопросами, жизненными загадками, и, наоборот, с тем, что не испытала, иногда с тем, что никогда не испытаешь. Всегда при этом волнуют вопросы: как можно? как надо? как бывает? почему и зачем? и в то же время такие вопросы: как не надо? как не должно? как не может быть? Все это раскрывает искусство.

Человека волнуют разные мысли, человек испытывает и переживает разные чувства. Случается, мы заблуждаемся сами в себе, в своих чувствах. Но случается так, что только чувствуешь, а дать объяснения своим чувствам не можешь. И объяснение всему происходящему в человеке может дать искусство.

Когда я читаю очень хорошую книгу, я уже не отличаю, не делаю границы между реальностью, тем, чем живу я лично, и тем, что происходит на страницах книги. В то время я живу одной общей жизнью с героями этой книги, переживаю так же, как если бы это происходило со мной.

Искусства бы не было, если бы через него перед нами не ставили очень серьезные жизненные вопросы, которые мы иногда обходим стороной или вовсе не замечаем и не задумываемся о них. Для меня искусство не имело бы никакого значения, если бы не заставляло грустить, радоваться, смеяться, плакать. А происходит это потому, что в искусстве раскрывается то, что близко человеческой душе.

Я процитировал лишь одно сочинение. Но в нем хорошо выражено то, о чем писали и другие, большинство. Совершенно очевидно, что с этих позиций подходят старшеклассники и к урокам литературы. Они ждут от них размышлений над жизнью, ответа на волнующие их вопросы, хотят на этих уроках лучше познать себя в мире и мир в себе. И бывают очень разочарованы, если получают на наших уроках лишь какую-то «сумму знаний». Конечно, не может быть и речи о постижении литературы, о воспитании литературой без изучения литературы. Однако нет ничего более страшного для искусства, как сведение художественных образов к холодным понятиям и суждениям, не волнующим, не зовущим, не ведущим...

Размышляя о роли лучших писателей в человеческой жизни, Чингиз Айтматов говорил: «Они как мосты пролегают на нашем жизненном пути. Это мосты мысли и духа. Мосты, связующие поколения людей, связующие мир в главных нравственных вопросах общежития на земле, мосты, по которым идет накопление культурных ценностей и духовных познаний. Мосты, по которым мы с вами ходим каждый день, где мы встречаемся с прошлым и настоящим, где мы ищем ответы на сложнейшие проблемы общественной и личной жизни, где мы учимся мечтать и любить, различать добро и зло, ложь и истину, где в мировом потоке мы сталкиваемся и вступаем в борьбу с теми, кто хотел бы расшатать основания этих мостов, кто хотел бы закрыть многолюдию доступ к ним, кто хотел бы тем самым посеять в нас недоверие к убеждениям, к поискам, тревогам и раздумьям этих всегда живых, всегда борющихся художников»[3].

Вернувшись через несколько лет к этим размышлениям, Чингиз Айтматов говорил: «Литература во все времена должна быть духовной опорой человека. Если она не может быть такой, то она недостаточно, не в полную меру выполняет свою миссию»[4]. Но ведь и уроки литературы в школе не выполняют свою миссию, изменяют своему назначению, если изучаемые произведения становятся для учеников не духовной опорой, а всего лишь учебным материалом, суммой сведений о литературе, писателях, книгах, которые нужно выучить, ответить, изложить в сочинении. Однако дело здесь не только в уровне школьного преподавания литературы...

Месяца за три до экзаменов ученица десятого класса попросила меня остаться после уроков: ей нужно поговорить. И вот слушаю ее:

— Вы неправильно ведете уроки литературы.

— ?

— Вы все время стараетесь, чтобы мы самостоятельно размышляли, сопоставляли, анализировали. А это сейчас никому не нужно. Нужно, чтобы вы подробно рассказали, как отвечать по каждому билету, тренировали нас, имея в виду возможные темы экзаменационных сочинений.

Я сказал, что Пушкин и Достоевский, Толстой и Блок писали для того, чтобы передать читателю свои мысли, чувства, и главная задача учителя литературы, как я ее понимаю, — донести до своих учеников тревоги и надежды, сомнения и веру русских писателей. Сказал, что иначе преподавать литературу не могу и не буду.

— Вам хорошо рассуждать, — услышал я в ответ. — Вы остаетесь в школе, а нам выходить в жизнь, сдавать экзамены на аттестат зрелости и вступительные в институт.

За 25 лет работы в школе мне впервые пришлось вести вот такой разговор. Но мысли, мною услышанные, не были для меня неожиданностью: я довольно часто встречаюсь с ними в последние годы.

Вот прошел урок внеклассного чтения, посвященный повестям Федора Абрамова «Пелагея» и «Алька»[5]. Прошел, как мне показалось, живо, интересно. Судьба Пелагеи Амосовой, судьба ее дочери Альки заставили учеников задуматься над жизненно важными проблемами. Об этом с волнением говорили и сами старшеклассники. Однако пришлось услышать и такое: «Зачем мы тратим время на Пелагею Амосову, когда на экзамене будет Пелагея Власова?»

О том, что многие школьники подходят к урокам литературы с излишним прагматизмом и расчетливостью, шла речь во время дискуссии о преподавании литературы на страницах «Комсомольской правды». При анализе писем, присланных в газету, отмечалось, что часть их свидетельствует о «чисто утилитарном подходе некоторых молодых людей к образованию, о прагматизме там, где он

[3] «Портреты и проблемы». Л., 1977, стр. 50.
[4] «Дружба народов», 1977, № 10, стр. 242.
[5] См.: «Наука и религия», 1977, № 4.

особенно вреден, о непонимании того, что знания — это и социальная и нравственная ценность». Добавлю: с утилитаризмом и практицизмом в отношении к образованию, к преподаванию литературы в частности (вернее будет сказать: в особенности), все чаще встречаешься не только среди школьников, но и среди взрослых.

Никогда не думал, что мне придется выступать на родительском собрании и убеждать родителей, почти половина которых, кстати, люди с высшим образованием, в том, что, как ни важны отметки в аттестате, средний балл, итоги вступительных экзаменов в вузе и т. п., невозможно только этим измерить сделанное учителем и учениками на уроках литературы.

— Уроки литературы, — говорил я, — это формирование личности, воспитание человека. Итоги, результаты этого сложного процесса проверяются не только, да и не столько на уроке или экзамене. То, что заложено в человеке на уроке литературы, не может быть полностью измерено ни его устными ответами, ни письменными сочинениями, жатва тут бывает отделена многими годами от посева, идет в течение всей жизни.

Вроде бы убедил. И все же знаю: не так уж редко родителей больше волнует тот след, который уроки литературы оставят в аттестате их ребенка, нежели в его душе.

Каждый раз весной, перед экзаменом в школе, и летом, накануне экзаменов в вуз, слышу одни и те же просьбы товарищей, знакомых: «Тут у меня сын (дочь, племянница, сын хороших друзей) кончает школу и поступает в институт. Сочинение по народности Некрасова мы уже достали. У тебя, наверное, есть патриотизм Маяковского и гуманизм Горького. Дай переписать». Да и для самого школьника подчас план к сочинению о творчестве Чехова становится важнее нравственных уроков Чехова. А само сочинение по литературе превращается в разменную монету, которой оплачивается выезд из школы и въезд в институт.

Взволнованно, страстно писали об опасности одностороннего, утилитарно-прагматического подхода к духовным ценностям, о недооценке великой воспитательной роли искусства авторы писем, присланных в журнал «Коммунист», после того как на его страницах была опубликована статья Ю. Азарова «Гражданственность и человечность». Процитирую лишь два из них.

«Все мы, представители среднего и старшего поколения, — пишет секретарь правления Союза художников СССР Б. Неменский,—встревожены некоторыми срывами и сбивами в формировании идейно-нравственных критериев у молодежи, а соответственно им — в поведении. Казалось бы, сегодня ничего подобного не только не должно и не может быть. Но есть... Фетишизация предметов естественнонаучного цикла (как же: век атома, космоса, кибернетики!) заслонила сугубо человеческий аспект образования, включающий в себя высокие эстетические ценности. Прав был Лев Толстой, говоря: науки доказывают истину, а искусство заражает ею. Когда речь идет об отношении к миру природы, к обществу, к человеку, сила образного, художественного мышления в формировании этого отношения часто превосходит силу доказательств, силу логики».

Об этом же писал композитор, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда Д. Б. Кабалевский: «Этический заряд есть в любом произведении искусства, но нельзя забывать, что заряд этот может быть не только положительным, но и отрицательным. Вот почему воспитание высокого эстетического вкуса, выработка «иммунитета против пошлости» — важнейшая задача не только эстетического, но прежде всего нравственного воспитания. И тут ничем заменить искусство нельзя. Один вальс Прокофьева из «Войны и мира», под музыку которого знакомится Наташа Ростова с Андреем Болконским, может дать девушкам и юношам неизмеримо больше, чем десятки пресных докладов и собеседований на темы душевной чистоты, любви и нравственности...» [6].

Добавлю: дело не только в том, что необходимо «гармонизировать», как писал Б. Неменский, «структуру содержания обучения, в котором наука и искусство должны быть признаны равноважными составляющими». Дело в том, чтобы само искусство в школе изучалось как искусство.

4

Думая о том, что есть истинное образование, каким должно быть обучение в советской школе, мы вновь и вновь перечитываем речь Ленина на третьем съезде комсомола. «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество», — мы часто цитируем эти слова. Не будем забывать о том контексте, в котором они сказаны.

«Чему учиться и как учиться» — Ленин в речи на III съезде комсомола рассматривает эти «главные и самые существенные вопросы» в их связи, единстве. Суть ленинского подхода к проблеме в том, что здесь нет «чему учиться» без «как учиться». С одной стороны, нельзя «стать коммунистом, не усвоив того, что накоплено человеческим знанием»: «только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру», обогатить ум «знанием всех фактов, без которых не может быть современного образованного человека». С другой стороны, «нам не нужно зубрежки», необходимо не только усвоить знания, «но усвоить так, чтобы отнестись к ним критически»; «если коммунист вздумал бы хвастаться коммунизмом на основании полученных им готовых выводов, не производя серьезнейшей, труднейшей, большой работы, не разобравшись в фактах, к которым он обязан критически отнестись, такой коммунист был бы очень печален».

[6] «Коммунист», 1977, № 13, стр. 84, 92.

И самое главное: «Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали». Как основной, определяющий критерий Ленин выдвигает критерий воспитательной действенности. Именно с таких позиций и должны мы подходить к преподаванию литературы в школе.

Несколько лет назад в журнале «Юность» была напечатана повесть А. Тоболяка «История одной любви». Во время ее обсуждения десятиклассница обратила внимание на любопытную сцену. Сергей, главный герой повести, экзаменует Катю, читала ли она Достоевского, Михаила Булгакова, Леонова, Фолкнера, Стерна, Марио Варгаса, Льосу, Лема, Бредбери, Стругацких. Оказывается, что она читала не всех. «Печально», — комментирует по ходу разговора Сергей. Между тем, говорила ученица на обсуждении, «внутри у него самого мало от этих книг», а не читавшая их Катя «душевно тоньше».

Это и есть самое главное, когда речь идет о чтении: а что берет человек от книги? Что у него остается, как это хорошо сказано, там, внутри?

— Говорят, что бывают люди, которые прекрасно разбираются в искусстве, но это не мешает им оставаться черствыми и недобрыми,— пишет в сочинении «Искусство в моей жизни» ученица девятого класса.— Но я уверена, что разбираться в тонкостях — это еще не главное. Искусство прежде всего должно затронуть душу, оказать эмоциональное воздействие на человека. А те, которые «с ученым видом знатока» небрежно рассуждают о тонкостях, нюансах художественного произведения, но при этом не испытывают никаких чувств, не могут считаться ценителями искусства. Это кощунство — говорить о каких-то тонкостях, не чувствуя и не понимая самого главного. Потому что любое настоящее произведение искусства — это прежде всего призыв к человечности и гуманности.

И с этим нельзя не согласиться.

«Чувства добрые я лирой пробуждал». Можно знать Пушкина, разбираться в его творчестве, писать о нем сочинения, даже статьи и книги, больше того — любить Пушкина. Но всего этого мало. Главное — быть пробужденным Пушкиным. «Глаголом жги сердца людей», — так кончается пушкинский «Пророк». «Воспламенял бойца для битвы», — это из стихотворения Лермонтова о поэте. «Иди в огонь за честь отчизны, за убежденья, за любовь», — вот сердцевина некрасовского «Поэта и гражданина». «Как испепеляюще слов этих жжение», — пишет Маяковский, размышляя о роли поэзии и назначении поэта.

Как же донести неостывающий жар русской классики, советской классики до ума и сердца наших учеников — вот над чем прежде всего думает сегодня учитель-словесник, призванный, утоляя духовную жажду, в то же время и пробуждать ее.

Речь идет не просто об одном из предметов школьного курса. «Государство заботится об охране, приумножении и широком использовании духовных ценностей для нравственного и эстетического воспитания советских людей, повышения их культурного уровня» (Конституция СССР, статья 27). Об этом — об использовании духовных ценностей для нравственного и эстетического воспитания подрастающего поколения — и идет речь. О тех идеях, идеалах, духовных ценностях, которые мы противопоставляем религиозным идеям, идеалам, духовным ценностям.

Учитель Данилов

Он только что вернулся из леса — разрумянившийся, оживленный.

— Рано к нам постучалась зима нынче. Середина октября, а уже снежком сыплет. Вот два опенка нашел. Бедняжки: показались из земли, а на дворе мороз! Не будет, видно, опят...

Много лет я знаю Дмитрия Ивановича Данилова, и при каждой встрече поражаюсь тому, как на седьмом десятке сохранил он молодость духа, умение чувствовать красоту природы. Мы проходим в его домашний кабинет. Стол завален исписанными листами бумаги. На одной из страниц заголовок: «Атеистическое воспитание учащихся».

...Три десятилетия минуло с той поры, как в небольшую приволжскую деревню Отважное приехал новый учитель биологии. Трудны были первые послевоенные годы. Дети, многие из которых остались без родителей. Взрослые, не отошедшие еще от трагедии войны, почти в каждом доме горе, живая память о погибших близких. Но начиналась мирная жизнь. После фронта смог вернуться к своей любимой профессии и Дмитрий Иванович. С его приходом словно раздвинулись школьные стены. После уроков ребята спешили с учителем на Волгу, отправлялись в лес. Он учил детей слушать музыку леса, узнавать звериные следы, различать голоса птиц. Отвыкшие от отцовской заботы, а то и вовсе лишенные ее, ребятишки тянулись к учителю, отдававшему им все свободное время, душевную теплоту. Общими силами построили теплицу, отремонтировали старый брошенный сарай и устроили в нем живой уголок. В школе появился большой отряд любителей природы — «зеленый патруль».

Бывая в домах своих учеников, Дмитрий Иванович нередко видел лампадки, горящие у иконы, да и крестик порой замечал в разрезе ребячьей рубашки. Тому было много причин; немалую роль сыграли трудные годы войны, разруха. Но разве не его это забота — учителя, коммуниста — воспитывать у людей правильный взгляд на вещи?

В кружке юных атеистов начали с подготовки химических опытов, подтверждающих земное происхождение всего того, в чем верующие видели сверхъестественное, божественное. Затем в деревенском клубе при большом стечении народа члены кружка демонстрировали «чудеса» — превращали воду в вино, зажигали свечи без спичек, а потом рассказывали, как это получается. Начала выходить стенная газета, постепенно собиралась неплохая библиотека антирелигиозной литературы — ею до сих пор пользуются местные жители. В те годы Дмитрий Иванович начал читать атеистические лекции.

Много лет Д. И. Данилов выступает на страницах местной печати. Органично сочетаются в нем два вида общественной деятельности — натуралист и пропагандист атеизма: любовь к природе, воспитание бережного отношения к ней оказываются тесно связаны с проблемами нравственного воспитания человека.

Давно уже нет той деревни Отважное, нет и маленькой деревянной школы, в которой начинал свою учительскую работу Дмитрий Иванович, на этом месте теперь плещется Жигулевское море. На берегу его — современный город Жигулевск с новыми домами, дворцами культуры, школами. Д. И. Данилов до ухода на пенсию был директором одной из них — школы № 12.

— Когда меня назначили директором, — рассказывает Дмитрий Иванович, — работы прибавилось, но и тогда я находил время для атеистических лекций. Ездить приходилось в деревни, где старики да вдовы порой еще тянулись к богу. Нередко настоящая борьба за душу человека начиналась после лекций.

Как-то в перерыве к нему подошла пожилая женщина и попросила побывать у ее соседа.

— Знаете, товарищ учитель, внуков-то своих он скоро совсем от мира людского отгородит. Сам молится и их заставляет. Старший в школу должен идти, так не пускает.

В тот же вечер Дмитрий Иванович сидел в просторной комнате деревенского дома. Лампадка освещала лики святых. Женщина с замкнутым лицом скупо отвечала на его вопросы, поглядывая то на сидящих рядом детей, то в окно. В сенях послышались шаги, и в комнату вошел крепкий высокий старик с пышной седой бородой.

— Наверно, ругать пришел, что внуков в школу не отдаю, — сказал он, обращаясь к учителю. — И не отдам! Сам выучу с божьей помощью.

— Зачем ругать? Я поговорить пришел.

Не один час отняли эти разговоры. Прямо скажем, перевоспитать старика учителю не удалось, да он и не рассчитывал на это. Но убедить его в том, что жизнь внуков должна идти в другом, открытом мире, с людьми и для людей, и что иного пути для молодых нет, кажется, удалось.

Таких эпизодов в жизни учителя было немало. И сейчас, после ухода на пенсию, он не остается в стороне, когда видит, что человеку нужны помощь, участие, сочувствие. Завтра, например, Дмитрию Ивановичу надо съездить в поселок, куда недавно приехала многодетная семья — мать посещает собрания в баптистской общине. Здесь явно нужна его помощь. А послезавтра надо побывать с мальчишками из «зеленого патруля» в лесу, проверить исправность кормушек для лосей. На письменном столе ждет незаконченная статья, нужно подготовиться к лекции. А в городской организации общества «Знание» уверены: лекция Данилова соберет, как всегда, полный зал.

И. СТАРОДУБЦЕВ

г. Жигулевск
Куйбышевской области

Ожившая мечта

В. ДОЛГОВА,
специальный корреспондент
журнала «Наука и религия»

В ТОТ ДЕНЬ, когда состоялась наша первая беседа, он готовился к поездке в Смоленск. Говорил по телефону с множеством людей, готовил папку с фотографиями для художника. Хлопотал, чтобы туда отправили фильм «Гарни» — надо его показать на месте.

Дважды в истории большие сооружения были восстановлены методом склеивания их частей: египетский храм Абу-Симбел, распиленный при строительстве Асуанской плотины на огромные блоки и перенесенный на новое место, и древний армянский храм в селе Гарни. Теперь известный архитектор-реставратор Петр Дмитриевич Барановский мечтает таким же способом восстановить колокольню Болдинского монастыря под Дорогобужем, памятник XVI века. Взорванная фашистами при отступлении в 1943 году, она распалась на огромные глыбы. Смелый замысел был поддержан Министерством культуры СССР.

Дивясь неукротимой энергии моего собеседника, вспоминаю телефонные разговоры перед нашей встречей: болен, плохи стали глаза, нет сил... Да и то сказать — 86 лет, можно и угомониться. Но куда там! Столько еще надо успеть сделать!.. После Смоленска поедет в Киев на научную сессию, посвященную музеям под открытым небом.

Он поистине неутомим, когда хлопочет о Болдинском монастыре! Не потому ли, что этот древний памятник, возможно, определил его жизненный путь? Через всю жизнь пронес Петр Дмитриевич восторг перед созданием своего земляка - дорогобужца зодчего Федора Коня — с того времени, как 13-летним подростком впервые увидел в 1905 году монастырь и облазил снизу до верху уже ветхие постройки. Не тогда ли родилась мечта вернуть первозданную крепость древним стенам?

Крестьянский сын, выходец из села Шуйское, он учился в дорогобужской школе, потом окончил Московское строительное училище, позднее — Московский археологический институт. Был приглашен профессором В. А. Городцовым на кафедру археологии в Московский университет. Но его влекло другое — охрана и восстановление памятников старины. Путешествовал, работал помощником у московских архитекторов. Шел 1911 год...

Отечественная реставрация тогда еще не стала наукой. Гибли многие великолепные памятники, иные перестраивались по невежественным указаниям духовных иерархов, обрастали нелепыми, уродливыми пристройками. Нередко восстановление осуществлялось произвольно. Известный пример вольно понятой реставрации — восстановление в Москве палат XVI—XVII веков (так называемый дом Романовых близ Красной площади) архитектором Рихтером в середине прошлого столетия. Скромный памятник был воссоздан в броском псевдорусском стиле, получил несвойственный первоначальному облику богатый декор.

— И остался я по охране рухляди, — так Петр Дмитриевич иронически определяет главное дело своей жизни. Есть в его словах зерно истины. Немало древних памятников лежало тогда в руинах. Только после Октябрьской социалистической революции начала складываться настоящая школа реставрации. Отвергая дилетантство, произвол, фантазию прежних методов, основываясь на строго научном подходе, она получила в дальнейшем мировое признание.

Уже в первые годы после революции Советское государство предприняло ряд мер по сохранению художественных ценностей, ставших достоянием народа. Одной из этих мер была организация Центральных государственных реставрационных мастерских

...Но вверх взгляни, —
над сизыми холмами
Увидишь ты ожившую
мечту, —
Как дым костра
в безветрие, как пламя,
Как песня, храм
струится в высоту.
Он рвется ввысь,
торжественен и строен,
Певучей силой камень
окрылен, —
Для бога он иль не для
бога строен,
Но человеком был
воздвигнут он.

В. Шефнер

под руководством академика И. Э. Грабаря. Здесь и развернулся талант П. Д. Барановского. Сегодня он — живая история, по его работам можно увидеть тот путь, который прошла советская реставрационная наука от своего становления до наших дней.

В Центральных государственных реставрационных мастерских П. Д. Барановский получил ответственнейшее поручение. Во время белогвардейского мятежа 1918 года в Ярославле были сильно повреждены памятники архитектуры. По свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича, распоряжение о немедленном их восстановлении было дано лично В. И. Лениным. Бонч - Бруевич предложил Барановскому возглавить эту работу.

Тяжело представить себе сложность поставленной задачи. Гражданская война, голод, разруха терзали страну. И все же были выделены средства на восстановительные работы. Немало трудностей преодолели молодой ученый и его помощник. И уже тогда проявились его незаурядные способности. Вот как отзывался о нем академик И. Э. Грабарь: «Архитектором-эрудитом является у нас П. Д. Барановский, под непосредственным руководством которого произведены все работы по восстановлению разрушенных зданий Ярославля. Им разработана и вся реставрационная методика, ее теория и практика, вытекающие из открытых им законов древнерусского строительства...»

Еще работая в Ярославле, Петр Дмитриевич мечтал о Болдинском монастыре. Тогда же создал проект укрепления его обветшавших строений. Вместо сгнивших деревянных брусов для поддержки стен он задумал применить железобетонные связи. С 1922 по 1928 год он проводит в Болдине все отпуска. И проект свой осуществил: древние стены получили первозданную крепость. Тогда же он сделал обмеры собора, колокольни, трапезной. Как пригодились они сейчас, когда решается вопрос о восстановлении этого разрушенного фашистами памятника мирового значения!

В Болдинском монастыре организовал Барановский музей. Обнаруженные им при раскопках предметы легли в основу его экспозиции, воссоздавшей историю края.

П. Д. Барановский.

В реставрационных мастерских Крутицкого подворья в Москве, куда я приехала вместе с Барановским, стоит макет колокольни Болдинского монастыря — любимое детище старого мастера. Ему отдал и продолжает отдавать он и силы, и время.

После Болдина в те далекие годы было Коломенское. Работа по восстановлению построек древней подмосковной царской резиденции захватила его надолго. Еще в 1922 году он — старший научный сотрудник Академии истории материальной культуры — предложил организовать в Коломенском музей архитектуры под открытым небом. Предложение было принято, и Барановского назначили директором. Но музея не было, его надо было создать. Началась реставрация храма Вознесения (XVI в.), храма Иоанна Предтечи (XVII в.) в селе Дьяково близ Коломенского, Дворцовых палат (XVII в.).

Кто хоть раз побывал в Коломенском, не забудет взметнувшийся ввысь шатер церкви Вознесения, предшественницы собора Василия Блаженного. Надолго останется в благодарной памяти и все остальное — стараниями Петра Дмитриевича перевезенные с Севера памятники русского деревянного зодчества, домик Петра I из Архангельска, медоварня, Николо-Карельская башня и другие.

Теперь такие музеи созданы в Кижах и в Риге, в Новгороде и Костроме, в Иркутске и Львове, Киеве и Переяславе-Хмельницком *. А тогда музей под открытым небом создавался в нашей стране впервые. Побродив по аллеям парка Коломенского, подивившись на старые дубы (им более шестисот лет и они — одна из местных достопримечательностей), посетитель попадает в Приказную палату. В ней воссоздана обстановка приказа XVII века. В музее можно познакомиться с выставкой техники древнерусского строительства. Это тоже заслуга Барановского. Он же привез сюда иконы из соловецких обителей, подарил собственную коллекцию меди. Его трудами превратилось Коломенское в одну из богатых сокровищниц древнерусской культуры. Не иссякает здесь поток туристов, оставляющих восторженные записи об этом дивном уголке Москвы.

Шла к концу Великая Отечественная война. Барановский был назначен научным экспертом Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний фашистской армии на временно оккупированной территории СССР. Его опыт, знания помогли определить ущерб, нанесенный многим памятникам русской старины. Он приехал в освобожденный Чернигов. Лежал в развалинах уникальный храм Параскевы Пятницы, взорванный фашистами в 1943 году. Постройку памятника ученые относили к XVII веку. Но интуиция подсказывала Петру Дмитриевичу, что храм возведен раньше. Он остался в Чернигове, поселился в палатке возле развалин. Один, без чьей-либо помощи взялся за дело. Высоченная гора кирпича, щебня, мусора... Карабкаясь на ее вершину, рассмотрел многослойную структуру кладки: памятник перестраивали много раз. Разлом стен позволил установить, что первоначальная кладка вся сделана из плинфы — особых кирпичей, применявшихся еще в домонгольский период, — значит храм по меньшей мере на четыре столетия старше, чем считалось до сих пор. Это было большое открытие.

Проект реставрации храма Параскевы Пятницы, представленный ученым, был утвержден. И Барановский на несколько лет поселился в уцелевшей колокольне начала XIX века возле руин церкви. Принимал участие в их разборке, руководил восстановительными работами. В 1962 году реставрация храма была закончена.

Заманчивая перспектива поехать в Крутицкий митрополичий дворец вместе с Барановским держит меня в тот день в его квартире дольше отпущенного для беседы срока. Сижу, пережидаю его бесконечные телефонные переговоры. Куда ни гляну — всюду книги, бесчисленные папки с проектами, схемами, чертежами. На папках надписи: Коломенское, Смоленск (Болдино), Чернигов, Ленинград, Углич, Путивль, Суздаль, Полоцк, Юрьев-Польский, Ликитский храм в Азербайджане... В папках — история восстановления древних памятников, итоги поразительного трудолюбия и целеустремленности. Но разве только ими исчерпывается его деятельность? Сколько еще открытий, свершений, проектов! Простой перечень работ занимает много страниц, в нем около 300 проектов.

Старый деревянный дом на территории Новодевичьего монастыря, где он живет, знает и ночные бдения хозяина («работал сегодня до четырех утра» — этими словами встретил он меня в тот день), его одержимость, радость озарения — итог долгих, мучительных поисков пути восстановления того или иного памятника.

— Нужны люди, много людей, — знающих, образованных, в чьих руках мог-

* Подробнее об этом см.: В. Война. Музеи под открытым небом. «Наука и религия», 1977, № 6.

Москва, Крутицкое подворье. Успенский собор с колокольней. Крытые переходы соединяют его с митрополичьими покоями.

ло бы достойно продолжаться дело государственной важности — охрана памятников истории и культуры,— говорит Петр Дмитриевич.

Недавно принятым Законом «Об охране и использовании памятников истории и культуры» поставлено на повестку дня расширение и углубление работ, связанных с восстановлением и поддержанием выдающихся сооружений прошлого. В Реставрационных мастерских Общества охраны памятников работают талантливые архитекторы, искусствоведы — энтузиасты этого нелегкого дела. Но озабоченность Барановского можно понять: откуда придут новые, преданные делу, знающие люди? Нет ни одного факультета в университетах и институтах страны, где готовили бы реставраторов.

Вот и сегодня во время телефонных переговоров Барановский узнал, что из реставрационных мастерских в Крутицах уходит специалист, проработавший здесь несколько лет. Кем заменить? Для такого человека, как Барановский, влюбленного в свое дело, этот уход равноценен измене. Он негодует... Но ведь условия работы в реставрационных мастерских, к сожалению, оставляют еще желать лучшего. Общество охраны памятников истории и культуры многое делает, огромное значение имеет новый Закон. Однако тревога старого мастера по поводу нехватки опытных кадров не напрасна.

Поспешая вслед за Петром Дмитриевичем по двору Крутицкого подворья, вспоминаю, что бродила здесь как-то вскоре после окончания войны. Тогда в полной сохранности был только «теремок», одиноко возвышавшийся над въездными воротами. Теперь я поражена открывшейся красотой. А Барановский недоволен: медленно двигаются работы, мало людей, во дворе строительный мусор.

Я любуюсь митрополичьими покоями. Редкий в истории русской архитектуры комплекс гражданского зодчества, искаженный в прошлом многократными перестройками, он приобрел теперь первоначальный высокохудожественный облик. Восстановлена и крытая галерея, соединяющая дворец с Успенским собором XVII века. Каким безошибочным вкусом обладали древние зодчие, чтобы вот так, легко и изящно, связать две разнородные постройки! А теремок-то, оказывается, только часть переходной галереи, он умело вписан в приземистые, но такие уютные опоры.

Крутицкое подворье — теремок.
Воскресенские переходы, примыкающие к теремку.

Деталь теремка. Резьба по камню.

Открытия здесь следовали за открытиями. Под современным неказистым зданием многократно перестраивавшейся Воскресенской церкви XVII века Барановский обнаружил трехэтажный собор XV века — редчайшее открытие для Москвы. Здесь проведены сложные инженерно - реставрационные работы. Вместе с архитектором Н. И. Ивановым Барановский разработал и предложил проект выпрямления посредством металлических тяжей полуразрушенной крепостной стены длиной 30 метров и высотой 6 метров. Успешная эта операция — крупнейшее техническое достижение реставрационной науки и практики. Заинтересованный посетитель увидит старинную кладку и вкрапленные в нее свежие кирпичи и металлические связи. Это — методический прием.

Опять Петр Дмитриевич негодует, возмущается: прораб не совсем точно прочитал его чертеж. Для старого мастера — это не просто проходной эпизод, а событие большой важности. А вся работа в Крутицах — цель и смысл жизни.

Восстановленный Крутицкий митрополичий дворец украсит Москву, откроет еще одну страницу жизни наших предков. На оживленной магистрали близ Новоспасского моста Крутицкое подворье выглядит особенно эффектно. Новое и старое!.. Старое живет рядом, уводит в глубь веков. Новое — возвращает в сегодняшнюю Москву, к огромным жилым домам,

фабричным корпусам. В этом соседстве — связь времен, ощущение глубоких корней, питающих нашу современную культуру.

В истории русской культуры Крутицы известны не только как памятник зодчества, но и как своеобразный центр просветительства. В XVII веке здесь, в резиденции главы церкви, образовалось Крутицкое просветительное общество. В 1649 году для перевода Библии с греческого языка на старославянский был приглашен в Москву с Украины монах Епифаний

Бригадир каменщиков В. М. Горшков.

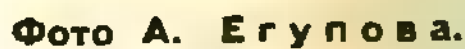

Фото А. Егупова.

Крыльцо Успенского собора после реставрации.

Славинецкий. Он поселился в Крутицах. Человек образованный, владеющий несколькими языками, Епифаний вскоре возглавил группу людей, посвятивших себя просвещению и науке. Труды его далеко выходили за рамки благочестивой деятельности. Он перевел «Анатомию» Андрея Везалия. Ему обязана Россия знакомством с трудами Коперника, хотя и с опозданием более чем на сто лет.

В Крутицах во времена Епифания Славинецкого занимались астрономией. Исследованиями Барановского открыт на территории подворья астрономический столб. Астрономы подтвердили эту догадку.

В приказных палатах (редкий памятник гражданского зодчества, реставрация которого скоро начнется), где Епифаний читал ученые книги и переводил Коперника, в XIX веке отбывал тюремное заключение А. И. Герцен. Интересно совпадение: университетская диссертация Герцена была посвящена защите системы Коперника.

В последней четверти XVIII века приказные палаты были превращены в политическую тюрьму. В книге «Былое и думы», немало страниц которой посвящено разоблачению реакционной роли русской православной церкви, Герцен рассказал о своем крутицком заточении.

— Вот тут была башня, с которой Герцен любовался Москвой, — указывая на развалины, говорит мой провожатый по Крутицам, ведущий архитектор реставрации этого памятника, помощник Барановского М. Н. Гребенков. — А в этом подвале Вознесенской церкви сидел протопоп Аввакум, отсюда его вызывали в митрополичьи покои, где вел он с митрополитом споры о принципах веры...

Экскурсия по Крутицкому подворью оставила глубокое впечатление. Хорошо была видна та огромная работа по восстановлению древнего памятника, которую ведут сотрудники Реставрационных мастерских Общества охраны памятников истории и культуры. Знакомство с М. Н. Гребенковым, В. А. Виноградовым, Н. А. Быковской и другими позволяет думать о них как о людях глубоко увлеченных.

М. Н. Гребенков обращает мое внимание на оконце Вознесенской церкви.

— Это открытие нашего сотрудника, ведущего каменщика-реставратора В. М. Горшкова, — говорит он.— Несколько открытий сделаны им и каменщиком-реставратором В. Н. Киселевым.

А я бы прошла мимо. Оконце, как оконце. Но для воссоздания древнего облика необходимо знание точных пропорций, точных линий, первоначальных форм окна, которые были открыты Горшковым после длительных поисков под многими позднейшими наслоениями. Это открытие позволило реконструировать и другие окна Крутицкого подворья.

Каждый раз, принимаясь за новую работу, заслуженный деятель искусств РСФСР Петр Дмитриевич Барановский мечтает восстановить все, как было изначально. Вот и в Крутицах он хочет воссоздать не только памятник зодчества, но и дивные голландские сады с редкостными породами деревьев, затейливыми фонтанами и беседками — все как было в XVII веке. По его мысли, здесь должен возникнуть еще один очаг культуры, музей древнерусского искусства. В Успенском соборе уже закончен выставочный зал. Деятельная натура старого мастера — залог того, что такой музей будет.

К этому короткому рассказу о Петре Дмитриевиче Барановском остается добавить: все, что делает он в Крутицах, делает бескорыстно. Он — автор проекта восстановления памятника и бессменный научный консультант — все выполняет на добровольных началах, довольствуясь пенсией...

У нас в гостях журнал

„ЗЕМЛЯ И ВСЕЛЕННАЯ"

Научно-популярный журнал Академии наук СССР «Земля и Вселенная» — единственный в нашей стране и, пожалуй, в мире журнал, пропагандирующий комплекс трех обширных отраслей современного знания: астрономию, космонавтику и геофизику. На его страницах обстоятельно и в то же время достаточно популярно разъясняются цели и результаты новых наблюдений и экспериментов, причем Космос тесно связывается с земными проблемами, рассматривается в единстве с ними.

Космонавтика сегодня, как известно, уже не только связывает Землю и Вселенную, но и выступает как область науки и техники, находящаяся на переднем крае научно-технического прогресса. Показать ее и как науку, и как большую и важную область современной техники, раскрыть мировоззренческие аспекты космических исследований, значимость их для будущего человечества — задача нелегкая. Но журнал «Земля и Вселенная» успешно с ней справляется.

Основные рубрики его — «Проблемные статьи», «Люди науки», «Симпозиумы, конференции, съезды», «Астрономическое образование», «Экспедиции», «Из истории науки», «Народные обсерватории и планетарии», «Фантастика», «Книги о Земле и небе», «Рассказы о фильмах», «Легенды о звездном небе» и другие — представляют тематический диапазон журнала.

Кто читает его? Начав издание этого научно-популярного журнала, Академия наук страны проявила прежде всего заботу об ученых других специальностей, интересующихся этими проблемами, а также о тех, кто несет знания в массы. Ученые, лекторы, выступающие перед различными аудиториями, преподаватели высших учебных заведений, учителя средних школ, студенты, школьники — основной круг читателей журнала.

Кто его авторы? Ведущие советские и зарубежные специалисты в освещаемых областях науки. Это буквально информация из «первых рук». Вот почему большинство материалов журнала можно прямо положить в основу содержательных лекций.

Таковы, например, статьи по астрономии академиков А. А. Михайлова «Исследование Луны», А. Б. Северного «Магнитные поля Солнца и звезд», Я. Б. Зельдовича «Горячая Вселенная», В. Л. Гинзбурга «Что такое пульсары», голландского астронома Яна Оорта «Строение и эволюция галактической системы» и многие другие.

Внимание тех, кто интересуется космонавтикой, несомненно должны были привлечь статьи академиков В. П. Глушко «Из истории космонавтики», А. П. Виноградова «О происхождении лунных пород», Б. Н. Петрова «Интеркосмос — программа мира и прогресса», О. Г. Газенко и доктора медицинских наук А. С. Ушакова «Космическая биология и медицина». На его страницах выступали летчик-космонавт СССР профессор К. П. Феоктистов — «Развитие советских космических кораблей», американский астронавт Н. Армстронг — человек, впервые ступивший на поверхность Луны, — «Исследование лунной поверхности» и т. д.

Большой интерес вызвали публикации, посвященные физике Земли, океанологии, метеорологии, физике атмосферы. Вот некоторые из них: академик М. А. Садовский — «Сейсмичность и возможности прогнозирования землетрясений»; доктор физико-математических наук Н. В. Шебалин — «Землетрясения и вулканы»; профессор С. П. Хромов — «Погода завтра»; профессор М. А. Петросянц — «Спутники службы погоды»; член-корреспондент АН СССР А. С. Монин — «Открытия в океанах» и другие.

Постоянно обращение журнала к мировоззренческим вопросам астрономии, космонавтики и проблемам научного атеизма. Так, профессор Р. В. Куницкий выступил на его страницах со статьей «Астрономия в атеистической пропаганде», профессор П. Н. Чирвинский — автор работы «Метеориты как объекты религиозного почитания», тема статьи кандидата философских наук В. В. Казютинского «Современная астрономия и диалектика». Журнал широко освещал судьбы первооткрывателей науки — Галилео Галилея, Николая Коперника, Джордано Бруно, Иоганна Кеплера.

Сегодня мы знакомим наших читателей с некоторыми материалами (в сокращенном виде), опубликованными в журнале «Земля и Вселенная». Принцип отбора их в основном определялся славной датой апреля — Днем космонавтики. Публикацию подготовил сотрудник журнала Е. И. Баланов.

БАЙКОНУР

Б. ВЛАДИМИРОВ,
профессор

◆ Дайте мне точку опоры, будто бы говорил Архимед, и я переверну земной шар. Но точка опоры нужна и для прыжка в Космос, — реальная, прочная точка опоры, своя космическая гавань. Название ее в нашей стране знает весь мир. Целая флотилия космических кораблей и аппаратов уходила отсюда на космические трассы — ближние и дальние, околоземные и лунные, к Венере и Марсу. Уходили с космодрома Байконур.

КОСМОДРОМ — это земное творение человека XX столетия — сочетание уникальных агрегатов, устройств, автоматических систем и инженерных сооружений, сложное, многообразное хозяйство, раскинувшееся на обширной площади. Создателям его приходилось решать множество проблем, начиная от транспортировки отдельных блоков ракеты и сборки ее и кончая теоретическими и экспериментальными исследованиями тепловых, газодинамических и акустических процессов, протекающих во время стартов. Все это невозможно окинуть взглядом или вместить в рамки одного кинокадра. Космодром трудно увидеть целиком даже с вертолета. Густая сеть железнодорожных путей и автомобильных магистралей связывает все его службы в единое целое.

«ТЮЛЬПАН»

Главное на космодроме — стартовые площадки. А центральное звено каждой из них — стартовое сооружение. Сюда сходятся все нити подготовки ракеты к запуску. Отсюда берут начало космические трассы.

Мощные колонны поддерживают основную часть стартового сооружения — козырек с 16-метровым проемом для «хвоста» ракеты. Под ним расположен газоотводный канал, по которому уходят продукты сгорания двигательных установок. На козырьке смонтирована стартовая система. В этом и других сооружениях размещены свои системы — заправки и термостатирования топлива, компрессорная, емкости для топлива, оборудование для управления подготовкой ракеты к пуску и самим пуском.

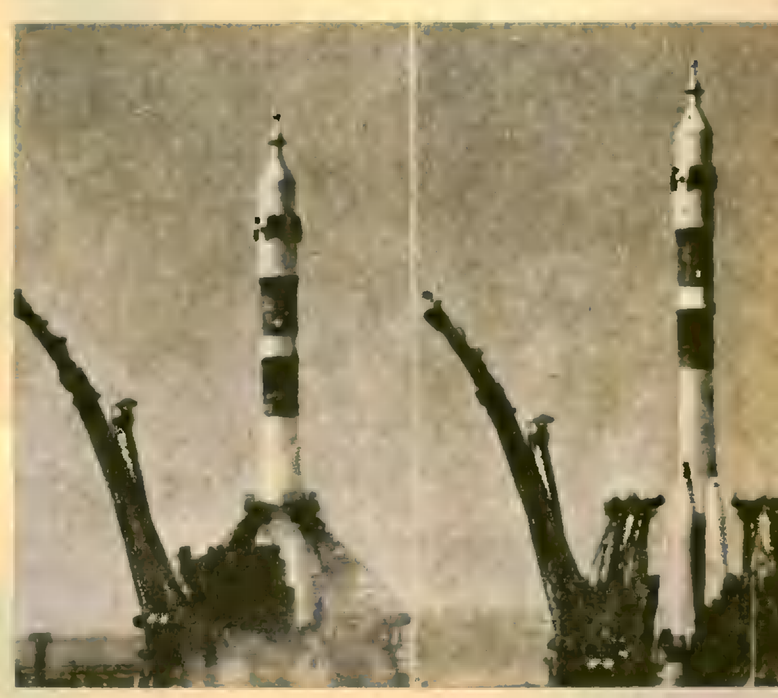
За откосом газоотводного канала находится бункер командного пункта, соединенный кабелями со всеми оперативными службами космодрома, наблюдательными и командно-измерительными пунктами. Немного поодаль — монтажно-испытательный корпус, связанный железнодорожной колеей со стартовой площадкой.

Основной агрегат стартового комплекса — стартовая система. Выглядит она довольно оригинально из-за необычной формы ракеты-носителя. Конструкция ракеты — пакет с поперечным делением ступеней — напоминает знаменитую русскую тройку. Центральный блок — «коренник» — первая и одновременно вторая ступень, а с двух сторон к нему симметрично по кругу — «пристегнуты» четыре боковых — блоки первой ступени.

Эти боковые блоки имеют конусообразную форму и как бы подпирают центральный примерно на расстоянии 20 метров (общая длина ракеты-носителя с космическим кораблем около 50 метров) от основания. За «верхушки» боковых блоков ракета подвешивается на стартовую систему, углубляясь примерно на семь метров в проем стартового сооружения. Вся она покоится всего на четырех опорных точках.

Как правило, на начальных участках движения ракета еще не обладает достаточной стабилизацией, и сильный ветер или неравномерная тяга двигателей могут отклонить ее от строго вертикального подъема. Поэтому для каждого типа ракеты существуют свои границы безопасной зоны старта. Ракете необходим «коридор» для безопасного старта. Это и диктует требование расположения всех элементов стартового сооружения строго за пределами такого коридора. Опоры, на которых ракете

Байконур. К месту старта ракеты.

Старт и начало полета.

предстоит «висеть» до старта, нужно отводить, когда мимо них «проплывет» ее хвостовая часть. Подобные ограничения определили диаметр проема в стартовом сооружении для «хвоста» ракеты и внутренний диаметр основания стартовой системы.

Опорная конструкция стартовой системы выглядит так: в плоскости опор подвески тело ракеты свободно охватывает силовой пояс, состоящий из четырех опорных ферм, шарнирно закрепленных на основании стартовой системы. Когда силовой пояс сомкнут, — из этих отдельных четырех частей образуется жесткая конструкция, надежно удерживающая многотонную покорительницу неба. В сомкнутом положении конструкция напоминает усеченную пирамиду. Ракета, свободно висящая на стартовой системе, способна раскачиваться под действием ветра или неравномерной тяги двигателей. А это может вызвать возникновение недопустимых перегрузок в опорных элементах и даже нарушение первоначальной ориентации ракеты в пространстве. Чтобы избежать этого, ее фиксируют у основания — возле стабилизаторов — в четырех точках.

Пирамида поддерживает ракету до тех пор, пока ее двигательные установки не наберут достаточную тягу, способную поднять ее и придать ей уверенное начальное движение. Как только ракета начнет подъем, пирамида размыкается и четыре опорных фермы за несколько секунд отходят за пределы стартового «коридора», освобождая путь. При старте хорошо видно, как отбрасываются опорные фермы и ракета в клубах огня отрывается от Земли. После первых испытаний на раскрытие пирамиду назвали «тюльпаном».

Говорят, чем проще конструкция, тем она надежнее. Именно такими качествами и обладает стартовая система. За два десятилетия космической эры создано много различных кораблей и спутников, но «тюльпан» надежно обеспечивал им начало пути на космических трассах.

Когда демонстрируются кадры пуска ракеты, зрители видят, как за несколько секунд до старта отбрасываются в сторону какие-то конструкции. Это кабельная и заправочная мачты. Одна — для предстартового электропитания, другая — для подачи топлива и кабелей телеметрии.

СРЕДСТВА ОБСЛУЖИВАНИЯ

Особое значение в стартовом комплексе имеют средства обслуживания. С них — с фермы и кабины обслуживания — начинается последняя проверка.

Ферма обслуживания — две колонны высотой с ракету, шарнирно закрепленные на основании стартовой системы. В рабочем положении из них получается своеобразный портал с площадками на различных уровнях, внутри которого находится ракета. Площадки свободно охватывают ее, некоторые образуют замкнутое пространство, где создаются зоны микроклимата для работы при больших перепадах температур. С самой верхней площадки космонавты садятся в корабль. Перед пуском портал размыкается и ее половины опускаются.

Громадная платформа, которая перекрывает весь проем стартового сооружения ниже ракеты,— это кабина обслуживания.

ПОСЛЕДНИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Подготовка к пуску начинается с транспортировки блоков ракеты, приборов и аппаратов в специальных железнодорожных вагонах с заводов-изготовителей. На космодроме они поступают в монтажно-испытательный корпус — царство исключительной чистоты. Здесь ракета обретает окончательный вид, знакомый нам по экранам телевизоров, фотографиям, кинорепортажам. С помощью контрольно-испытательной аппаратуры и различных приборов проходит доскональная проверка «жизнедеятельности» всех ее систем.

Наконец все блоки ракеты проверены. Проведена и последняя операция — пристыковка космического корабля. После этого испытывается ракетно-космическая система уже в целом. Затем раскрывается проем монтажно-испытательного корпуса, агрегат-установщик с ракетой и кораблем медленно направляется на стартовую площадку, где все готово к приему ракеты с кораблем. Кажется, будто какое-то фантастическое сооружение будущего плывет по степным просторам.

Последние метры установщик проходит по калиброванному пути. Самоходные тележки подтягивают его с миллиметровой точностью. Рама — основание установщика — подвешивается на домкратах и жестко крепится к фундаменту. Затем — подъем. На пульте установщика нажата кнопка управления насосной станцией гидравлической системы. И вот гигантское серебристо-белое тело ракеты поплыло вверх. Через несколько минут она уже стоит вертикально в проеме стартового сооружения. Поистине надо обладать стальными мышцами, чтобы держать ее в таком положении с точностью до миллиметра.

На стартовую систему подано напряжение. Включаются насосные установки подъема опорных ферм. Их четыре, и они одновременно поднимаются, приближаясь своими секторами к ракете. Следящие системы строго синхронизируют их движение. Силовой пояс охватывает тело ракеты, «лепестки тюльпана» смыкаются. Теперь можно передать ракету и корабль с установщика на стартовую систему. Размыкаются связи ракеты со стрелой установщика, стрела опускается в исходное положение, сам он возвращается в монтажно-испытательный корпус.

Проверяется «вертикальность» ракеты. Если обнаружатся отклонения, включается система стабилизации, которая установит почти тысячетонное сооружение с точностью до нескольких угловых секунд в нужное положение. Это облегчается тем, что стартовая система как бы «плавает» на гидравлических подвесках.

Очень ответственный этап подготовки — заправка топливом и сжатыми газами. С этого момента все подчинено строгой технологической последовательности. Основную роль играет здесь логичес-

кая схема, заложенная в систему управления заправкой. Она строго следит за тем, чтобы каждая машина, агрегат, механизм и прибор точно выполняли свои функции. Измерительные приборы в разных местах заправочных коммуникаций контролируют параметры подаваемых компонентов: температуру и давление в различных точках топливных магистралей, скорость подачи, уровень и объем.

ПЕРЕД СТАРТОМ

Закончена заправка ракеты. На стартовой площадке выполняются последние операции. От ракеты отсоединяются заправочные коммуникации, убирается в нишу кабина обслуживания, опускаются колонны фермы обслуживания. Объявляется 15-минутная готовность. Обслуживающий персонал покидает стартовую площадку. Приблизительно за пять минут до старта подается первая команда, эхом разносящаяся внутренней связью по космодрому:

— Ключ на старт!

В бункере, на центральном пункте контроля и управления поворачивается ключ в положение «Старт». Начинается автоматизированный цикл предпусковых и пусковых операций. Вторая команда:

— Протяжка один!

Телеметрическая система «опрашивает» тысячи датчиков, установленных во всех уголках ракеты.

— Продувка!

Каналы системы подачи горючего и двигатели продуваются азотом. Примерно за минуту до старта подается команда:

— Ключ на дренаж!

Закрываются все дренажные устройства на борту ракеты. Прекращается питание топливных баков из наземных систем заправки.

— Пуск!..

Но это еще не пуск ракеты, а только полная готовность к нему. С этого мгновения включаются бортовые системы управления.

— Протяжка два!

Записывается состояние всех бортовых систем уже в режиме автономной работы — последний контроль.

— Контакт Земля — борт!

На экранах телевизоров видно, как отходят заправочная, а затем кабельная мачты. Бортовые системы космического корабля и ракеты переводятся на автономное управление и бортовое питание. В микрофонах и репродукторах слышны сигналы отсчета времени. Последние секунды перед стартом!

Включается временной механизм пульта управления. С этого момента время старта соответствует расчетному с точностью до сотых долей секунды.

— Зажигание! — разносится по связи.

Огромное пламя вспыхивает у подножия ракеты. Лавина огня заполняет проем стартового сооружения. Она с грохотом обрушивается в газоотводный канал. Невероятной силы шум нарастает — начала работать двигательная установка. И наконец, самая волнующая команда:

— Старт!

Мгновение — и стартовая система, словно почувствовав, что ракета набрала достаточно сил, чтобы устремиться в Космос, легко размыкает свои объятия, освобождая ей дорогу. Окутанная облаками дыма, ракета отрывается от Земли. Двадцать миллионов лошадиных сил несут ее в Космос.

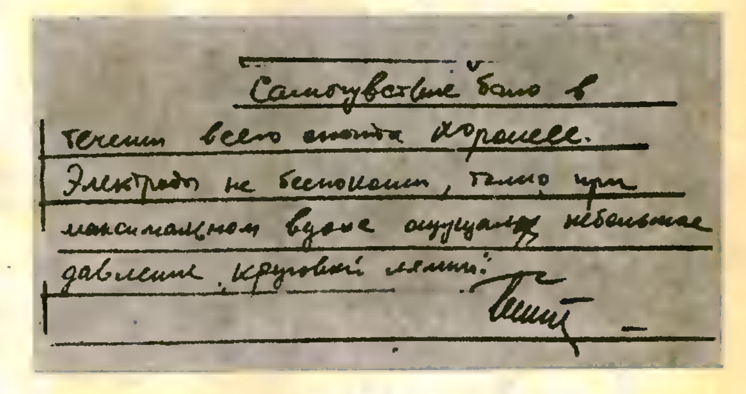
КОСМОНАВТОВ ГОТОВЯТ НА ЗЕМЛЕ

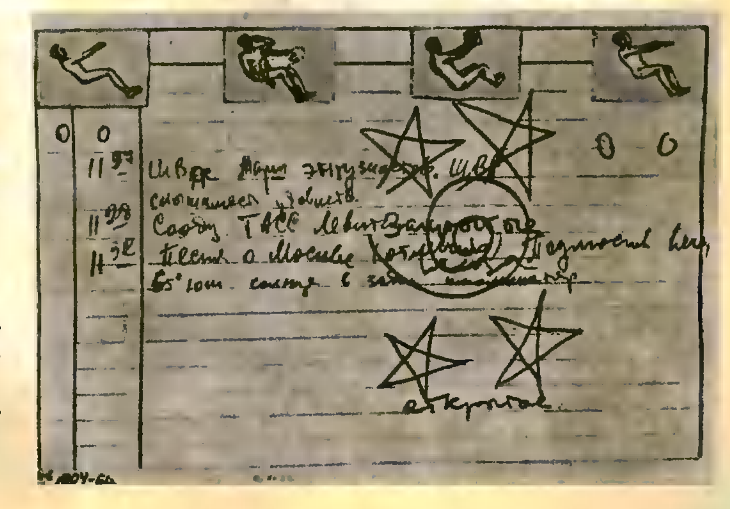
Н. ГУРОВСКИЙ,
А. ЕГОРОВ,
доктора медицинских наук

◆ 17 лет назад человек, преодолев земное тяготение, вышел за пределы родной планеты. Так началось реальное освоение космического пространства. В древних мифах и легендах, созданных человеческой фантазией много веков назад, бессмертные боги и титаны, существа, обладающие сверхъестественными возможностями и способностями, уже — в мечтах человеческих — покоряли Космос. Теперь это делают земные, смертные люди. Но труд их исключительно сложен и опасен. Как определить заранее, способен ли человек на такое, какими качествами он должен обладать, чтобы выполнить свою задачу — осуществить программу полета, и какими методами эти качества можно выявить заранее, привести в действие скрытые резервы организма?

ЭТАПЫ ОТБОРА

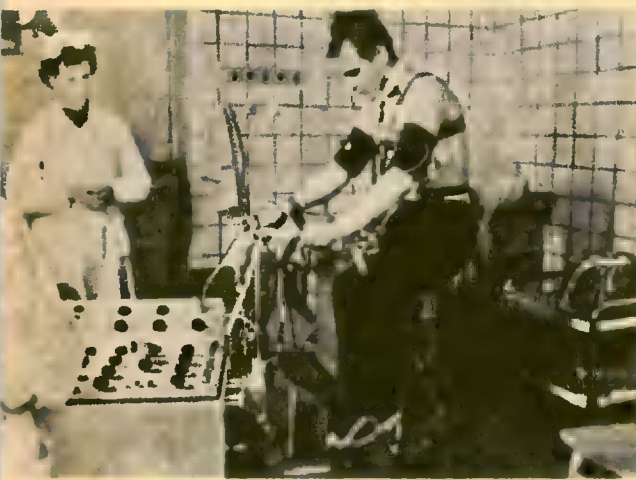
С чего бы ни начинался разговор о космонавтике, он так или иначе возвращается к 12 апреля 1961 года. В этот день Ю. А. Гагарин совершил свой исторический полет. Почему именно он? Как готовили его и других космонавтов к полету?

Самочувствие было в течении всего опыта хорошее. Электроды не беспокоили, только при максимальном вдохе ощущалось небольшое давление круговой ленты.

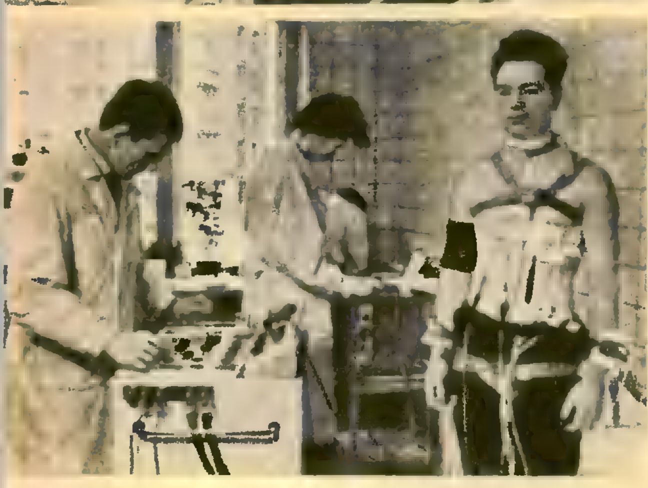

Вверху: Почерк Г. С. Титова во время пребывания в макете корабля «Восток».

Внизу: Первое выполнение вестибулярных проб Г. С. Титовым в космическом полете. Две верхние звезды нарисованы с закрытыми глазами.

В. Н. Кубасов тренируется на велоэргометре.

Полеты — составная часть подготовки космонавтов. А. С. Елисеев в кабине самолета.

Г. М. Гречко проходит медицинское обследование.

Сталевар, шахтер, моряк, космонавт... — любая профессия предъявляет определенные, совершенно конкретные требования к людям. Теория да и практика профессионального отбора необычайно молоды, особенно в области космонавтики. Мы почти не представляли, как вести подготовку космонавтов. Первые программы отбора космонавтов основывались на хорошо разработанной и опробованной методике медицинского отбора и обследования летчиков. С каждым космическим полетом врачи приобретали опыт, совершенствовалась система отбора и подготовки специалистов этой новой профессии.

Как известно, кандидатов в космонавты сначала отбирали исключительно из числа летчиков. Всем было ясно, что для космического полета, помимо хорошего здоровья, человек должен обладать сильной волей, быстрыми реакциями, способностью принять правильное решение в сложных ситуациях. И, конечно, быть знакомым с воздушным океаном и с действием факторов, близких к тем, которые ожидались в космическом полете. Лучше других это знали летчики-истребители.

Главный принцип, положенный в основу медицинского отбора космонавтов, — непрерывность. Отбор производится на всех стадиях — сначала в амбулатории, затем в стационаре, продолжается в процессе подготовки к полету и кончается допуском космонавта на космодроме.

Мало убедиться, что кандидат в космонавты здоров, необходимо еще определить особенности реакций его организма на различные нагрузки и выявить функциональные резервы. Для этого разработаны нагрузочные пробы, с помощью которых можно оценить работу сердечно-сосудистой системы, вестибулярного аппарата и других физиологических систем. Это — исследования на центрифуге, в барокамере, специальные вестибулярные пробы.

Особое место занимают исследования нервно-психической сферы. Они направлены на решение следующих вопросов: как поведет себя космонавт при необычных воздействиях, какими эмоциями будет отмечено его поведение — положительными или отрицательными. Будет ли он собран и уверен в себе и т. д.

В связи с увеличением длительности полетов очень важно оценить, как поведут себя люди в процессе совместной деятельности. От эффективности этих исследований зависит рациональное комплектование экипажа с учетом психологической совместимости.

Кандидаты в космонавты, успешно преодолевшие «барьеры» стационара, направляются в Центр подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина (ЦПК) для прохождения этапа конкретной подготовки к полету. Главные цели медицинского раздела этого этапа—повышение устойчивости организма к факторам космического полета.

Система медицинского отбора постоянно развивается, накапливая совместные достижения клинической и космической медицины, а также опыт полетов в Космос. При этом учитывается характер программы и продолжительность полета, а также различные обязанности членов экипажа — командира, инженера.

Развитие космонавтики, усложнение космической техники и необходимость ее испытания в полете, разнообразие научных исследований потребовали ввести в состав экипажа космического корабля инженеров и других специалистов высокой квалификации, получивших название космонавтов-исследователей. Это потребовало более гибкого подхода к отбору и подготовке новой категории кандидатов в космонавты. С точки зрения космической медицины, это «немолодые» люди, с несовершенным здоровьем, низким уровнем физической подготовленности. Поэтому окончательному решению предшествовали специальные тренировочные и оздоровительные комплексы, которые помогали им приобрести необходимую для новой профессии «спортивную» форму. Первый и по времени дос-

таточно большой этап подготовки проходит без отрыва от основной работы, а в ЦПК сосредоточена только непосредственная подготовка в составе экипажа. После полета космонавты-исследователи возвращаются на основное место работы.

По такой системе проходили отбор и подготовку Г. М. Гречко, В. Н. Кубасов, Н. Н. Рукавишников, В. И. Севастьянов и другие.

ГОТОВЯТ К ПОЛЕТУ ВРАЧИ

Подготовка космонавтов — непрерывный процесс профессионального обучения и развития высокой физиологической и психической устойчивости к действию ускорений, невесомости, и нервно-психическим напряжениям, связанным с особенностями космического полета.

Как же повысить устойчивость организма человека, сделать его сильнее, мобильнее, выносливее? Медицина знает два таких способа. Первый состоит в повторном воздействии фактора, к которому нужно повысить устойчивость. Второй — в повторном одновременном воздействии двух или даже нескольких неблагоприятных факторов. Если первый способ вырабатывает приспособительную реакцию организма на один какой-то фактор, то применение второго повышает общую тренированность организма. Например, подготовка организма к кислородному голоданию в то же время повышает и его устойчивость к воздействию ионизирующей радиации.

Не нужно думать, что космонавтов готовят какими-то особыми методами. Физкультура, водные процедуры, акклиматизация в определенных условиях и другие тренировки повышают устойчивость организма к любым неблагоприятным воздействиям. Вместе с тем важную роль играют и специальные тренировки, направленные на повышение работоспособности и выносливости в сложных космических условиях.

Принцип построения тренировок космонавтов не несет на себе печать исключительности, он отражает общие законы тренировок: повторное воздействие, постепенное нарастание интенсивности и длительности в зависимости от состояния организма и предстоящего задания. В программу подготовки советских космонавтов включены не только систематические, но и некоторые виды разовых нагрузок, направленных главным образом на изучение индивидуальных особенностей и резервных возможностей организма.

Во время медицинской подготовки космонавта ожидают различные испытания. Мы расскажем о некоторых из них.

Испытания в сурдокамере (звуконепроницаемой камере) необходимы для оценки нервно-психической устойчивости космонавта и для определения его способности точно выполнять задания в условиях длительного одиночества и тишины. Здесь живут и работают по графику будущего полета. Во время первых таких испытаний опробовались методы регистрации медико-биологической информации, а также возможность снятия тех или иных нежелательных эффектов, возникающих во время испытаний.

Специальные тренировки в термокамерах, то есть в камерах с повышенной температурой, которые проходили первые группы космонавтов, имели целью повысить устойчивость организма человека к высокой температуре. Это могло иметь значение в аварийных ситуациях, а также для определения индивидуальной реакции организма на жару в 60°С. Тепловое воздействие в камере осталось в программе, но сейчас оно служит для оценки реакции сердечно-сосудистой системы и выявления скрытых заболеваний.

Полеты на самолетах по параболе Кеплера создают условия кратковременной невесомости, всего на несколько десятков секунд. Такие полеты помогают изучить индивидуальные особенности организма, тренируют и закаляют волю. Несмотря на существенное различие между реакциями на кратковременную и длительную невесомость, такие полеты позволяют оценить предрасположенность к нарушению функции вестибулярного аппарата, знакомят космонавта с этим необычным состоянием.

Вращения на центрифуге дают представление о действии различных по длительности и интенсивности ускорений, определяют, кто и как переносит их на различных участках выведения корабля на орбиту и возвращения его на Землю, повышают устойчивость организма к перегрузкам.

Физическая подготовка — одно из средств повышения устойчивости организма к действию большинства факторов космического полета. Физическая подготовка космонавта не строится по принципу «даешь рекорд», не ставится и задача воспитания мастеров спорта. Она складывается из интенсивной утренней физической зарядки и специальных групповых занятий. Врачи стараются максимально индивидуализировать характер упражнений и строго соблюдать принцип постепенного нарастания нагрузок при тщательном медицинском контроле. Во время групповых занятий космонавты играют в футбол, волейбол, баскетбол, занимаются акробатикой.

Мы лишь вкратце рассказали о медицинской части утомительной и зачастую тяжелой подготовки космонавтов. Сколько раз на любом этапе отбора, подготовки, наконец, перед самым стартом они могли отказаться от полета. Но их не испугали бескрайность и пустота за пределами маленькой кабины, не испугали опасности, возможность неприятных ощущений и даже сама смерть. Они боялись только одного: не обнаружились бы во время подготовки к полету какие-нибудь изъяны в здоровье. Тогда «безжалостные» врачи скажут «Нет!», а их вето непреодолимо — полетят дублеры. Только это и пугает будущих разведчиков Космоса. И нам приятно, что в моральной силе советских космонавтов есть доля труда врачей, готовивших их к полету.

МЕТЕОРИТНЫЙ КРАТЕР В АНТАРКТИДЕ?

Б. ЛЕВИН,
доктор
физико-
математических
наук

ЗЕМЛЯ — космическое тело. Совершая свой бесконечный путь, она ощущала и ощущает на себе различные воздействия Космоса. Космические лучи, метеориты, радиация, гравитация оставляют на теле нашей планеты свои метки. Нередко след от пролетевшего метеорита, как и сам метеорит, суеверные люди связывали со сверхъестественными силами. Но все в мире материально и взаимосвязано. Вполне материальны и следы, оставленные на Земле Космосом, с которым она постоянно взаимодействует. Обнаружить их и объяснить — одна из задач науки.

В разных местах на Земле — на континентах, островах и на дне океана — ученые находят тектиты, стекловидные тела зеленоватого, коричневого или черного цвета и своеобразной формы, за которую они и получили свое название (от греческого «тектос» — оплавленный). Все тектиты имеют сходные химический состав и физические свойства. Они хрупки, тверды и почти не поддаются воздействию воды и воздуха. Их всегда находят на обширных площадях — «полях тектитов». Иногда они лежат на самой поверхности, иногда — на небольшой глубине.

Еще недавно одни исследователи считали тектиты особым типом метеоритов, другие — выбросами из лунных кратеров, третьи — выбросами из земных метеоритных кратеров. Несколько лет назад возраст тектитов был определен калий-аргоновым методом, который подтвердил гипотезу о них как выбросах из метеоритных кратеров Земли. Оказалось, например, что чехословацкие молдавиты, названные так по реке Молдава (теперь Влтава), имеют такой же возраст (15 млн. лет), как и стекла из вала 25-километрового метеоритного кратера Рис, расположенного в нескольких сотнях километров от поля молдавитов, в ФРГ. Возраст американских тектитов (1,2 млн. лет) совпадает с возрастом стекол из находящегося в Гане метеоритного кратера Ашанти поперечником в 15 километров. Однако для полей тектитов в Северной Америке, Азии, Австралии пока не удалось найти метеоритных кратеров, с которыми связано их возникновение.

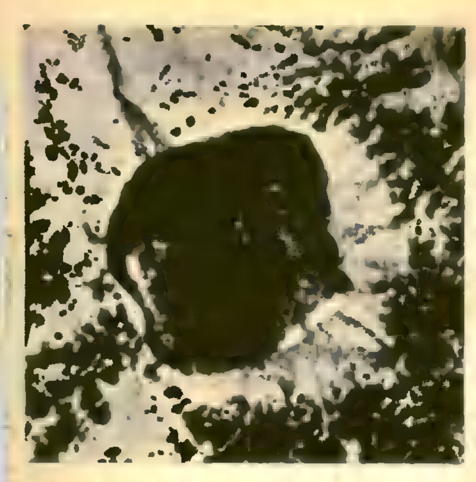
В последние годы установлено, что тектиты коричневого цвета, найденные в Австралии, Индокитае, Индонезии (остров Борнео) и на Филиппинах, имеют одинаковый возраст — около 720 тысяч лет. Это могло означать только одно: области находок представляют собой части гигантского австрало-азиатского тектитного поля протяженностью почти в 10 тысяч километров. Недавно его единство подтвердили находки маленьких кусочков тектитного стекла в колонках грунта, поднятых со дна Индийского океана. Их возраст практически совпал с возрастом тектитов, обнаруженных на суше. Теперь лишь немногие скептики еще сомневаются в возможности образования поля такого масштаба. Однако как же оно могло возникнуть?

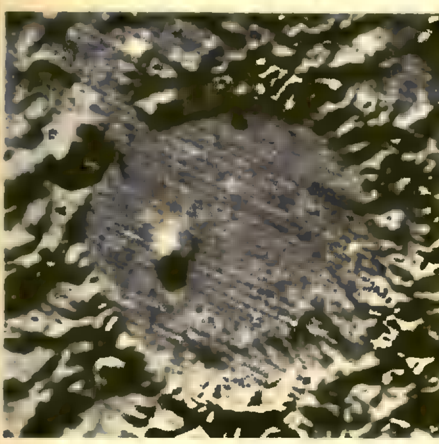
До применения калий-аргонового метода возраст тектитов определяли стратиграфически, то есть по возрасту тех геологических слоев, в которых предположительно располагались тектиты до того, как они очутились на поверхности. Возраст австралитов (тектитов Австралии) оценивался этим методом всего в 5 тысяч лет, то есть оказывался заниженным более чем в 100 раз.

Однако такого рода ошибка породила гипотезу, которая с течением времени приобрела много сторонников. Ее автор — английский ученый В. Барнс в 1961 году, опираясь на стратиграфическую оценку возраста австралитов, пришел к заключению, что кратерообразующий удар, породивший австралиты, должен был произойти на суше. Он не мог произойти в океане, вблизи Австралии, ибо тогда по всей поверхности Австралийского материка, смывая все живое, прокатилось бы гигантское цунами, поднятое этим ударом. Поскольку такого цунами на протяжении последних тысячелетий не было, а метеоритного кратера, способного породить австралиты, в Австралии тоже нет, В. Барнс предположил, что гигантский метеоритный кратер скрыт под ледяным покровом Антарктиды. Отмечая концентрацию австралитов к южному краю Австралийского континента, он выдвинул гипотезу, что кратер расположен на ближнем к Австралии краю Антарктиды, где-нибудь в районе Земли Уилкса. Рассматривая только австралиты, он считал, что они были выброшены из кратера на расстояние свыше пяти тысяч километров. Теперь, учитывая современные данные о возрастах тектитов, приходится заключить, что во время того же кратерообразующего метеоритного удара возникли индошиниты (тектиты Индии) и филиппиниты (тектиты Филиппин). Получается, что дальность выбросов достигла 10—12 тысяч километров.

Через год после появления гипотезы Барнса американский полярный исследователь Р. Шмидт привел геофизические данные в ее пользу. Французская антарктическая экспедиция 1958—1959 годов пересекла Землю Адели, а годом позже американская экспедиция — Землю Виктории. И Земля Адели, и Земля Виктории лежат в восточной части Земли Уилкса. Районы работ этих экспедиций частично перекрывались. Обе они проводили гравитационные наблюдения и сейсмическое зондирование толщи ледяного покрова. Этими экспедициями была зарегистрирована область с пониженной силой тяжести. Она тянется приблизительно на 240 километров. В подледной топографии здесь обнаружена выемка глубиной около километра.

Одна эта выемка не может объяснить обнаруженную отрицательную аномалию силы тяжести. По-видимому, ее бóльшая величина связана с тем, что под выемкой залегают раздробленные горные породы пониженной плотности, как в метеоритных кратерах. Имеются некоторые указания на существование тут небольшого

Снимки кратера на Чукотке: летом (внизу) и зимой (вверху).

Образцы австралоазиатских тектитов.

вала и центрального поднятия, то есть форм рельефа, тоже характерных для ударных кратеров.

Следует, однако, отметить, что карта подледного рельефа этого района, составленная в дальнейшем по радиолокационным наблюдениям с самолета, показывает, что кратер имеет не округлую форму, а вытянутую и простирается преимущественно в меридиональном направлении. Возможно, это объясняется отчасти тем, что он образовался в горной области Антарктиды, а отчасти — очень косым ударом, выбросившим брызги далеко в северном направлении. Горные породы, подстилающие льды в Восточной Антарктиде, представляют собой гранито-гнейсы, состав которых годится для того, чтобы после нагрева и потери летучих элементов породить тектитные стекла.

В 1976 году доклад о предполагаемом гигантском метеоритном кратере в Антарктиде сделал американский полярный исследователь Дж. Вейхаупт на XXV Геологическом конгрессе в Австралии. В докладе, кроме геофизических, приводились данные о строении наружной поверхности льда в этом районе. Подледная депрессия километровой глубины проявляется на поверхности льда в виде выемки со средней глубиной около 60 метров! Поверхность льда неровная: много обрывов высотой до 15 метров, трещин, часто встречаются округлые углубления до пяти километров в поперечнике. Эта картина согласуется с представлением о том, что ледяной покров Антарктиды сползает в океан, окружающий материк. Льды, до краев заполнившие кратер, переползают через него, деформируясь и трескаясь.

Изобилие трещин и обрывов делает этот район труднодоступным для наземных экспедиций. Вот, вероятно, почему с 1960 года там не работала ни одна экспедиция. Неясно, как скоро будут получены новые сведения о предполагаемом метеоритном кратере. Но и уже имеющихся достаточно для того, чтобы считать его существование весьма правдоподобным.

«КАМНЕПАДЫ» НА ЛУНЕ

С тех пор как американские астронавты установили на Луне сеть сейсмометров, способных регистрировать слабые колебания ее грунта, Луна стала для нас постоянно действующим детектором столкновений с разного рода обломками, которые движутся в межпланетном пространстве. По мнению американских ученых, сейсмометры регистрируют падения тел массой от 50 граммов до 50 килограммов, причем наиболее крупных — на площади в сотни квадратных километров. Следует заметить, что сигналы от таких падений не сходны с сигналами лунных «землетрясений» и потому нет опасности спутать их.

Частота сейсмических сигналов от падений тел на Луну позволяет оценить пространственную плотность этих тел в околоземном космическом пространстве.

«Каменные ливни», обнаруженные лунными сейсмометрами, не похожи на земные метеорные потоки. Метеорные потоки на Земле повторяются из года в год, поскольку они вызваны встречей нашей планеты (в одних и тех же участках ее орбиты) с мелкими частицами замкнутых эллиптических роев. «Ливни» на Луне не повторяются ежегодно, поэтому можно предположить, что породившие их тела движутся в межпланетном пространстве в виде огромных облаков.

«Земля и Вселенная», 1977, № 5

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОСМОНАВТИКИ

Е. ЛЕВИТАН,
кандидат педагогических наук, заместитель главного редактора журнала «Земля и Вселенная»

✦ Два десятилетия, прошедшие с начала космической эры, — срок небольшой. Но эти годы были столь насыщены важными событиями в общественной, научной и производственной сферах, что их роль в истории трудно измерять временем. Совершенно новым, качественно особым видом человеческой деятельности стала космонавтика, удивительно быстро вошедшая в нашу повседневную жизнь. В результате «даже полеты в космос стали чем-то привычным и обыденным»[1].

Естественно, что столь уникальное и перспективное направление человеческой деятельности должно было привлечь внимание философов. В этой связи представляет интерес монография доктора философских наук А. Д. Урсула «Человечество, Земля, Вселенная» (М., «Мысль», 1977), посвященная методологическим и мировоззренческим проблемам изучения и освоения Космоса. Этой книге свойственна фундаментальность, широкий и глубокий охват предмета исследования. Она пронизана идеями и выводами XXV съезда КПСС, в ней с позиций марксизма-ленинизма анализируется, оценивается и прогнозируется космическая деятельность человека.

На глазах нашего поколения теоретическая космонавтика превратилась в практическую. Основные результаты этого превращения — осуществление полетов в Космос и «космизация» человеческой деятельности. А. Д. Урсул конкретизирует и развивает само понятие «космизация». Понимая под ним воздействие этого процесса на сознательную земную деятельность людей, автор доказывает, что освоение Космоса не просто касается одной или нескольких сфер человеческой деятельности, а представляет собой «всеобщее и необходимое движение в сторону от традиционного геоцентризма», постепенно охватывающее все области общественной практики. И это действительно так. Даже на первый взгляд отвлеченные от нужд людей космические исследования получают все большее применение в технике, производстве, народном хозяйстве. Сама наука и ее проблемы наполняются космическим содержанием, космизируется вся познавательная деятельность человека, его мышление, мировоззрение, нравственность.

Интерес советских философов к проблемам освоения Космоса неоднократно подвергался критике со стороны наших идеологических противников. Иные даже усматривали в этом «одно из проявлений... отхода от марксизма в сторону религии» (стр. 19). А. Д. Урсул разоблачает попытки подобного рода, показывает их несостоятельность на примере высказываний У. Шелтона (США). В одной из статей этот автор весьма определенно сформулировал свои взгляды: «Мысль о том, что судьба человека находится за пределами его родной планеты, — это нечто такое, о чем никогда не думали Маркс или Ленин, но она сильнейшим образом зачаровывает советские умы. Не означает ли это, что общество, которое мы считаем безбожным, «уверовало» в заманчивый космос?» (стр. 19—20). Справедливо отмечая, что решение вопросов, которыми занимаются философы-марксисты, опирается на основополагающие идеи классиков марксизма-ленинизма, А. Д. Урсул подчеркивает, что они вовсе не ограничиваются чисто земными делами и применимы при анализе и космического прогресса.

Важно, что автор монографии не столько приводит примеры освоения Космоса, сколько показывает роль диалектико-материалистического анализа вообще в проблеме взаимодействия природы и общества. Он отмечает, что «мировоззренческой основой потребительского отношения к природе были метафизические представления» (стр. 109), согласно которым ее процессы не связаны друг с другом, а потому изменение одного из них не должно отражаться на других и вызывать нежелательные для человека последствия. В противоположность этому в основу современной методологии теории взаимодействия природы и общества должен быть положен диалектико-материалистический принцип всеобщей связи явлений.

А. Д. Урсул подчеркивает, что хищническое отношение к природе в полной мере может быть изжито лишь в социалистическом и коммунистическом обществе, хотя выход из экологического кризиса пытаются найти и реально мыслящие буржуазные ученые, сторонники «техницизма» и «абстрактного гуманизма». Немалые возможности для решения экологической проблемы таит в себе космонавтика (организация эффективного контроля за глобальным состоянием окружающей среды из Космоса, вынесение туда основных производственных энергоисточников и вредных отходов производства и т. д.).

Монография содержит немало оригинальных идей. Так, заслуживает внимания концепция «антропогеокосмизма». В ней А. Д. Урсул приводит системный анализ двух взаимосвязанных процессов — экологизации Космоса и космизации экологии, а также исследование отчетливо намечающейся тенденции — поворота космических исследований к земным нуждам человечества («В космос — ради Земли!»).

По мнению А. Д. Урсула, эта концепция как единственно возможный для людей стиль мышления должна прийти на смену геоцентрической и антропоцентрической теориям, представляя собой «новый системный принцип мировоззрения и современной космической деятельности» (стр. 143). По-видимому, потребуются специальные исследования для более глубокой и объективной оценки этой концепции. Неторопливость в данном случае особенно представляется уместной, поскольку речь

[1] «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, стр. 38.

идет об определенной мировоззренческой установке.

Интересно определение мировоззрения, данное в монографии. Автор понимает его весьма широко—как «обобщенную систему взглядов, выражающих **отношение человека к миру,** выработанных как марксистско-ленинской философией, так и частными науками, которые служат исходными принципами человеческой деятельности» (стр. 157). При этом он указывает, что главное здесь — отношение человека к миру, что мировоззрение представляет собой идеальную базу практической деятельности, а практика — материальная основа мировоззрения. К практике, включающей «в себя прежде всего производственную и социально-преобразующую деятельность, а также научный эксперимент и наблюдения» (стр. 159—160), считает А. Д. Урсул, необходимо сейчас отнести и всю космическую деятельность человека. Это не только полностью соответствует ленинской идее о том, что «в практику, служащую нам критерием в теории познания, надо включить также практику астрономических наблюдений, открытий и т. д.» [2], но и учитывает роль космонавтики в современной научно-технической революции.

«Мировоззренческое отношение человека к космосу,— отмечает А. Д. Урсул, — имеет свое... содержание и структуру, которые свидетельствуют о системности этого отношения, возникновении особого рода концептуальной целостности, определяемой не только его отдельными компонентами («Человек» и «Космос»), но и их взаимным отношением» (стр. 162). К сожалению, автор монографии на этом останавливается, хотя, думается, здесь было бы уместно изложить (пусть в самой общей форме) соображения о путях формирования научного мировоззрения, подчеркнув, в частности, роль изучения основ астрономии и космонавтики в средней и высшей школе. Это тем более важно, что, как подробно показано в книге, борьба мировоззрений происходит в сфере социально-философского восприятия процесса освоения Космоса.

Среди буржуазно-апологетических интерпретаций космонавтики можно найти и сторонников «антикосмического пессимизма» (вплоть до откровенных космофобов) и сторонников безудержного «астронавтического оптимизма», усматривающих в освоении Космоса новейшее универсальное средство от всех технических и социальных трудностей, присущих капиталистическому строю. А. Д. Урсул убедительно показывает несостоятельность всех этих буржуазных концепций.

В настоящее время становится очевидным, что, не зная основ астрономии и космонавтики, нельзя иметь цельного научного мировоззрения. Эти дисциплины образуют естественнонаучную основу для определения перспектив развития человеческой цивилизации на огромные промежутки времени, позволяют человеку ощутить свое могущество, способность преобразовать мир, «очеловечить» Вселенную, использовать действующие в ней объективные законы. И прав автор, говоря: «Перед космосом человечество должно выступать как целостная социальная система, и современный международный опыт явно свидетельствует в пользу этого единства» (стр. 200). В дальнейшем контактировать с Космосом предстоит коммунистическому обществу, охватывающему всю нашу планету. Оно будет способно решать многие глобальные задачи, сумеет миновать всякого рода тупиковые ситуации и открыть дорогу к практическому бессмертию человечества.

Книга А. Д. Урсула — обстоятельное исследование философских и мировоззренческих вопросов освоения Космоса. То, что автору удалось осмыслить социально-философскую проблематику космонавтики с позиций теоретических положений, развитых на XXV съезде КПСС, и органически связать теоретические проблемы с решением практических народнохозяйственных задач, позволяет высоко оценить его монографию и рекомендовать ее не только специалистам, но и широкому кругу читателей и в особенности практикам атеистического воспитания.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 143.

КОЛЬЦА ВОКРУГ УРАНА

10 марта 1977 года наблюдалось покрытие планетой Уран звезды 9-й величины SAO 158687 в созвездии Весов. Наблюдения принесли неожиданное открытие: Уран, подобно Сатурну, обладает системой колец, число которых равно пяти. Ширина колец, по-видимому, составляет несколько километров. Кольца разделены промежутками в одну-две тысячи километров. Кольца слишком слабы и близки к планете, чтобы их можно было увидеть непосредственно.

Наблюдения покрытия звезды Ураном выполнялись с борта самолета-обсерватории имени Дж. Койпера (США), летавшего на высоте 12,3 километра над южной частью Индийского океана, а также с наземных обсерваторий в Кейптауне (ЮАР), Кавалуре (Индия), Перте (Австралия), Токио и на острове Маврикия.

Первыми получили результаты астрофизики Корнельского университета, которые находились на борту летающей обсерватории. Покрытие этой звезды одним из колец на 7 секунд наступило за 40 минут до того, как ее закрыл от наблюдателей Уран. Затем последовали еще четыре покрытия, по одной секунде каждое, в течение девяти минут. После выхода звезды из-за диска Урана все повторилось в обратном порядке.

Согласно расчетам доктора Б. Марсдена (США), пояс колец Урана лежит на расстоянии 44 000—51 000 километров от центра планеты, то есть в 20 000 километрах от ее поверхности.

«Земля и Вселенная», 1977, № 6

И. НЕЯЧЕНКО

✦ ДРАКОН

Несметное множество звезд сияет над нами в синей ночи. И за тысячи лет ни одна из них не исчезла. А все потому, утверждает вавилонская легенда, что их зорко охраняет неусыпный страж, жестокий Дракон, поставленный посреди неба верховным богом Мардуком.

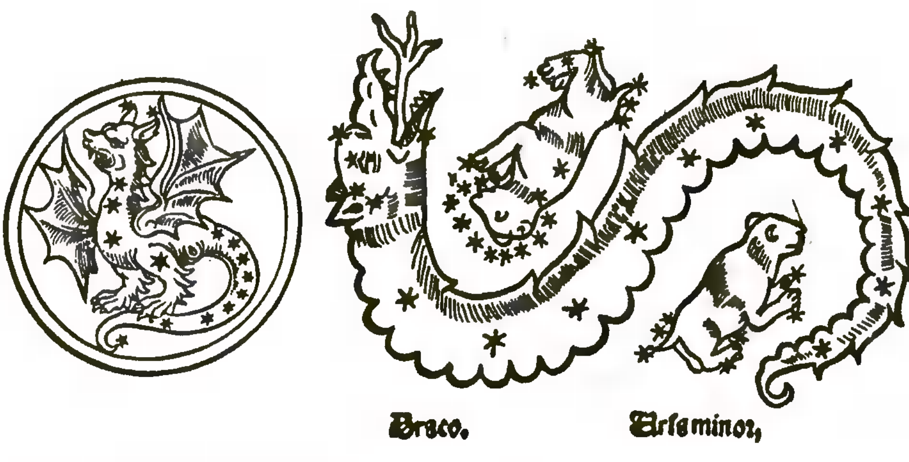
Некогда Мардук вступил в борьбу с чудовищем Тиамат — прародительницей всех злых сил — и победил ее. Из ее тела победитель сотворил Землю, а из кожи, сверкающей алмазами, создал небо со звездами. Небесный свод Мардук укрепил золотым стержнем и посадил возле него Дракона, который ежесуточно обходит свои владения, извиваясь вокруг небесного полюса мира.

Эту древнейшую легенду греческая мифология восприняла в разных вариантах. По одному из них, Дракон — это змей Ладон, потомок титаниды Кето, такого же чудовища, как вавилонская Тиамат. Именно дракону Ладону богиня Гера доверила охрану золотой яблони, которую подарила ей Мать-Земля в день свадьбы с Зевсом. Золотое дерево росло в божественном саду на склонах горы Атлас, где заканчивали свои ежедневные путешествия усталые солнечные кони Гелиоса и паслись несметные стада титана Атласа. Вначале золотые яблони охраняли геспериды, дочери Атласа. Но с некоторых пор Гера перестала им доверять и поставила сторожить дерево всевидящего змея. Ладон бдительно нес свою службу, пока в саду не появился Геркулес. Он убил змея, добыл золотые яблоки и вручил их Эврисфею, царю Тиринфа и Микен.

Гера долго оплакивала гибель Ладона и увековечила его на небе созвездием Дракона. На древних картах рядом с Драконом изображался Геркулес, попирающий ногой голову змея.

Другой миф гласит, что некогда Гея — богиня Земли позавидовала власти богов Олимпа над людьми и, желая зла олимпийцам, из капель крови Урана-Неба сотворила гигантов для борьбы с богами. Это были исполины со змеевидными ногами.

10 лет длилась Гигантомахия. Наконец по велению Зевса в борьбу вступили Геракл и богиня Афина-Паллада. Один за другим перед ними пали гиганты Алкионей, Порфирион, Палант... На исходе борьбы в гневе и ярости Афина подняла одного из исполинов и швырнула в небо. Кольцами змеи закрутился он вокруг Северного полюса, да так и остался там навсегда.

Дракон извивается не только около полюса Мира, но и около Северного полюса эклиптики. Таким он изображался на древних звездных картах. (Кстати, 4700 лет назад самая яркая звезда созвездия Дракона — Тукан—была полярной и находилась на четверть градуса ближе к полюсу, чем сейчас Полярная.)

Известны и другие легенды о Драконе. В античной вазовой живописи популярным был сюжет сражения беотийского героя Кадма, основавшего Фивы, с Драконом. Полагали, что именно этот Дракон увековечен на небе. Христиане же усматривали в созвездии искусителя Евы, дракона ада, которого убил святой Георгий. Индусы видели в созвездии Дракона Крокодила, древние жители Месопотамии — Корону неба. Римляне называли его и Драконом, и Герперидумом — стражем вечерней звезды, а также Эскулапиусом — в честь известного врачевателя, эмблемой которого была змея.

✦ ВОЛОПАС

Три тысячи лет назад Гомер, описывая морское путешествие легендарного Одиссея, упоминает созвездие Боота-Волопаса:

...Сон на его не спускался
 Очи, и их не сводил он с Плеяд,
С нисходящего поздно
В море Боота, с Медведицы, в людях
 еще Колесницы
Имя носящей...

«Боот» в переводе с греческого означает громкий голос, крик. В звездном каталоге Бируни созвездие так и названо — Кричащий или Воющий. В древности загонная охота и действия пастухов сопровождались громкими воинственными или призывными звуками. Охотники и скотоводы возвели на небо одного из своих героев. Позже, с развитием земледелия, Волопас получил еще и атрибуты пахаря. С именами каких легендарных охотников, пастухов и земледельцев древности связано название этого созвездия?

В одном из мифов утверждается, что Волопас не кто иной, как охотник Аркад — сын нимфы Каллисто и бога богов Зевса. Гера — ревнивая супруга Зевса, узнав о рождении Аркада, разгневалась и превратила Каллисто в медведицу. Ее хотел убить на охоте Аркад, не подозревавший, что перед ним — его мать, но Зевс отвратил беду, вознес их на небо, поместив среди звезд Волопаса и Большую Медведицу.

По другой легенде, Волопас — это пастух Икарий. К нему, великодушному и доброму, явился однажды под видом бродяги и нищего бог виноделия Дионис. Тронутый гостеприимством Икария, Дионис подарил ему виноградную лозу и обучил виноделию. Икарий первым в Аттике посадил виноград и хотел открыть людям прелесть сладкой

грозди и напитка, приготовленного из него. Он угостил вином своих товарищей-пастухов. Не ведавшие, что такое опьянение, пастухи подумали, будто Икарий отравил их, и убили его. Дочь Икария Эригона долго искала отца и наконец с помощью собаки Майры нашла его могилу под одинокой сосной. В отчаянии Эригона покончила с собой. Дионис взял Икария, Эригону и собаку Майру на небо. С той поры сияют созвездия Волопаса, Девы и Большого Пса.

Известна легенда, согласно которой созвездие Волопаса названо в честь первого земледельца Триптолема. Богиня плодородия Деметра подарила ему зерна пшеницы, деревянный плуг и посвятила в искусство земледелия. Первое поле, засеянное Триптолемом, дало богатый урожай. По велению Деметры Триптолем обучил людей земледелию, а затем на колеснице, запряженной крылатыми змеями, поднялся высоко в небо и засеял пшеницей всю землю. Да так и остался в небесах Пахарем — созвездием Волопаса.

На звездных картах Волопаса изображали как охотника и земледельца с копьем и серпом или как пастуха и земледельца с пастушьей палкой — герлыгой, составленной из звезд Большой Медведицы, и серпом. На одной из карт нарисован старый крестьянин с дубиной в руках, пасущий быков Севера — семь звезд Большой Медведицы.

В легендах о Волопасе — то охотнике, то пастухе, то пахаре — отразилась разница общественного мировоззрения различных исторических эпох: эпохи присваивающего хозяйства (охотник), затем время появления скотоводческих хозяйств (пастух) и, наконец, земледелия (пахарь).

✦ АНДРОМЕДА

Это созвездие северного неба в наши дни стало особенно популярным благодаря писателям-фантастам. Не менее примечательно оно и своим легендарным названием.

Андромеда — персонаж трогательно поэтического древнегреческого мифа, в котором участвуют и другие античные герои, увековеченные в названиях созвездий, — Персей, Пегас, Цефей, Кассиопея.

Однажды Кассиопея, супруга царя Эфиопии Цефея, похвалялась перед морскими нимфами — нереидами, что она и ее дочь Андромеда прекраснее самой богини Геры. Дочери Нерея, любимицы владыки морей Посейдона, разгневались и попросили могучего покровителя наказать Кассиопею. Посейдон затопил землю Эфиопии и послал морское чудовище в образе Кита опустошить страну и уничтожить людей. Испуганные Цефей и Кассиопея обратились к оракулу святилища Зевса-Аммона за помощью. И тот посоветовал принести в жертву Андромеду.

Андромеду приковали цепями к скале, и она стала ждать своей печальной участи. А в тот час над Эфиопией пролетал на крылатом коне Пегасе Персей — сын Данаи и Зевса. Он возвращался домой после победы над ужасной Медузой Горгоной, от взгляда которой все превращалось в камень. Теперь голова Медузы лежала в сумке Персея. Увидев красавицу, прикованную к скале, Персей ринулся защищать ее от надвигавшегося из морских пучин чудовища. Трижды вонзал он свой меч в тело Кита, но Кит не слабел, а становился сильнее и едва не погубил героя. Уже изнемогая, Персей выхватил из сумки голову Медузы и показал ее Киту. Тот мгновенно окаменел, превратившись в остров. Персей освободил от оков прекрасную пленницу.

И боги, как гласит легенда, в назидание людям вознесли всех героев мифа на небо, превратив их в созвездия. На старинных картах к северу от Андромеды изображена Кассиопея, несколько дальше — Цефей, а у ног Андромеды — ее освободитель Персей. Далее за созвездиями Овна и Рыб распластал свое неуклюжее туловище Кит. И светит блистательная Андромеда тысячелетия, хотя на нее пытались совершить «покушение».

В VIII веке английский церковник Беда и еще несколько теологов хотели убрать богопротивные языческие названия созвездий и предлагали Андромеду именовать Гроб господень, а Персея — созвездием святого Павла. В XVIII веке немецкий астроном И. Боде верноподданнически назвал часть созвездия Андромеды Регалии Фридриха. Как заметил по этому поводу известный немецкий астроном Г. Ольберс, Андромеда, чтобы уступить место Регалиям Фридриха, вынуждена была отодвинуть «левую руку» с места, которое она занимала три тысячи лет. Но астрономы, подобно Персею, защитили небесную красавицу.

✦ ВОЗНИЧИЙ

В древности образ Возничего, восседающего на колеснице и управляющего неукротимыми скакунами, был очень популярен и почитаем. Ему, герою многочисленных мифов и сказаний, посвящено одно из созвездий северного неба.

Много прославленных возниц знала Древняя Греция. Но самым искусным по праву считался Эномай — царь города Писы. Ему было предсказано, что он погибнет от руки жениха своей дочери Гипподамии. И тогда Эномай решил отдать дочь в жены тому, кто победит его в состязании на колеснице. Побежденного ожидала смерть.

Пелопс, царь Пелопоннеса, пленился красотой Гипподамии и принял вызов Эномая. Но Пелопс понимал, что только хитростью сможет одержать победу. Пообещав богатые дары, он уговорил Миртила, возничего Эномая, изменить царю. Тот вынул бронзовую чеку из колесницы Эномая и заменил ее восковой. Пелопс победил царя и взял в жены Гипподамию, но с возничим

обошелся предательски — сбросил его в море. С тех пор над Пелопидами тяготеет вечное проклятие. Миртила, по преданию, его отец Гермес поместил среди звезд Возничего.

Древние авторы — Еврипид, Павсаний утверждали в своих сочинениях, что в созвездии Возничего увековечен Ипполит — сын афинского царя Тесея. Согласно легенде, Федра, жена Тесея, влюбилась в своего пасынка Ипполита. Но юноша отверг эту любовь. Тогда мачеха оклеветала его перед отцом. Тесей поверил клевете и взмолился Посейдону, чтобы тот погубил его сына. Когда Ипполит проезжал на колеснице вдоль берега моря, Посейдон выслал из морской пучины огромного быка. Испуганные кони разбили колесницу, и юноша погиб. Боги вознесли несчастного на небо.

На многих старинных небесных картах созвездие Возничего именуется Эрихтонием. Это, согласно мифам, — сын бога огня и кузнечного ремесла Гефеста и богини Земли Геи. После рождения Эрихтония Гея передала его Афине. Та положила его в ларец и передала ларец Пандросе — дочери первого аттического царя Кекропа, строго наказав ей не открывать крышки ларца. Но сестры Пандросы пренебрегли запретом, открыли ларец и увидели дитя, тело которого оканчивалось змеиным хвостом. Афина жестоко наказала любопытных сестер.

Эрихтоний, возмужав, стал четвертым царем Афин. Чтобы скрыть свое змеиное туловище и как-то передвигаться, он изобрел четырехконную колесницу — квадригу. За это Зевс увековечил его в созвездии Возничего.

При всем различии легенд о Возничем он всегда и везде изображался с козой и козлятами. Это сопровождение досталось ему еще с доантичных времен, когда созвездие представлялось людям в виде пастуха со стадом.

Название созвездия Возничий утвердилось еще и потому, что оно находится рядом с Колесницей, Возом — созвездием Большой Медведицы.

Проблемы решаем в комплексе

И. ПАЛАГНИЙ,
секретарь Бершадского
райкома Компартии Украины

Совершенствуя содержание и формы атеистического воспитания трудящихся, наш райком партии исходит прежде всего из задач, поставленных XXV съездом КПСС, а также документов и материалов, развивающих решения съезда. Естественно, при этом учитываем конкретную обстановку, сложившуюся в районе. У нас людей, мировоззренчески образованных, живет и трудится подавляющее большинство. Это в первую очередь — результат социалистического развития советского общества. Но огромен вклад и воспитательной работы.

Однако когда речь идет об атеистической пропаганде, то нас больше волнуют не столько достигнутые успехи, сколько сознание того, что не все еще сделано на этом сложном идеологическом участке. Поэтому мы стремимся строить свою работу так, чтобы все наши пропагандистские кадры четко сознавали насущную необходимость атеистического воспитания масс.

Большинство первичных партийных организаций района по инициативе райкома партии составили перспективные комплексные планы атеистического воспитания трудящихся, где определены главные направления этой работы в зависимости от конкретных условий. В первую очередь мы используем уже апробированные формы—лекции, беседы, вечера, конференции, индивидуальную работу. При райкоме есть совет по атеизму, в каждой парторганизации — комиссии по атеистическому воспитанию. Имеется у нас и хорошая материальная база для этого: дома культуры, клубы, кабинеты политического просвещения, дома животноводов и механизаторов, библиотеки.

Следуя ленинскому принципу, требующему сочетать идейную борьбу против религиозной идеологии с укреплением единства верующих и неверующих, мы стараемся не выпячивать религиозные вопросы на первый план, а преодолевать религиозные настроения, используя весь арсенал форм коммунистического воспитания. Взять хотя бы широко распространенные в нашей области «Ленинские пятницы». На них приходят все: молодые и старики, верующие и неверующие. Это, по существу, наиболее демократичная форма общения с людьми, когда каждый может прийти с любыми вопросами и получить обстоятельный ответ. О популярности таких встреч говорит тот факт, что на них идут даже те верующие, которые обычно не ходят ни на одно другое мероприятие.

В селе Лесничем недавно нам принесли записку такого содержания: «До прошлого года я посещала пятницы. В этом — не могу, трудно двигаться. Прошу сделать так, чтобы мы могли глубоко ознакомиться с решениями XXV съезда КПСС». Ее написала 73-летняя женщина. К ней, конечно, пошел опытный пропагандист, а на следующей неделе, в четверг, из районного центра в 10 пунктов — на отдаленные хутора, в звенья выехали наши активисты для участия в «вечерницах». И даже те, кто скептически смотрел на эту идею, побывав на этих «вечерницах», когда в домах звеньевых собираются соседи, чтобы послушать беседу, обсудить предстоящие задачи и отдохнуть, убедились в их пользе.

Так постепенно и четверг стал в нашем районе днем массового проведения идейно-политической работы. Это вполне приемлемая форма и атеистической работы, поскольку на «вечерницы» идут домохозяйки, пенсионеры, одинокие, инвалиды, то есть люди, чьи социальные связи нередко сужены как в общественном, так и в семейно-бытовом планах. А общеизвестно, что такая ситуация может при определенных условиях стать причиной обращения к религии. Во всяком случае, она не может способствовать отходу от нее.

Ни для кого не секрет, что наиболее консервативной и живучей остается религиозная обрядность. Поэтому партийные организации района уделяют значительное внимание активному утверждению системы новых гражданских праздников и обрядов. Праздники урожая, Серпа и Молота, цветов и совершеннолетия, песни, духовых оркестров, праздники чествования трудовых династий и наставников — таков далеко не полный перечень новых форм работы, без которых сегодня невозможно представить нашу жизнь.

В последние годы мы, в частности, немало потрудились, чтобы сделать яркой и красочной регистрацию брака. В городе и в селах созданы обрядовые хоры, оборудованы комнаты и Дома бракосочетаний. Мы подключили к этому делу самых авторитетных, уважаемых людей. За год у нас играется около тысячи свадеб, а в церкви венчаются буквально единицы. К сожалению, гораздо хуже проходит регистрация новорожденных. Обряд, посвященный появлению человека на свет, должен быть, безусловно, интереснее, глубже и содержательней. Однако одних наших возможностей тут явно недостаточно. Иногда можно услышать: мы у себя в районе создали новый обряд, внедрили его, всем понравилось. Может быть, временно это — выход из положения. Но вряд ли приживутся обряды, созданные на уровне сельского или даже районного Дома культуры. Нам нужна обрядность, созданная на основе народного творчества с помощью лучших мастеров искусств. Только в этом случае она станет неотъемлемой частью духовного мира наших людей.

Атеистическое воспитание трудящихся мы стремимся вести в комплексе — связывать с идейно-политическим, трудовым, нравственным, патриотическим, интернациональным воспитанием. Например, в каждом селе района есть мемориалы и памятники. Как правило, они расположены в самом красивом месте. В дни регистрации браков, проводов в армию сюда приходят люди, чтобы поклониться праху тех, кто отдал жизнь ради счастья нынешних поколений. Тут принимают в октябрята, в пионеры, вручают комсомольские билеты. В дни празднования 30-летия Победы над фашизмом в ряде сел нашего района — Чернятке, Бырловке, Чапаевке, Устье — люди посадили сады в память тех, кто не вернулся с войны.

Немало внимания партийные организации района уделяют идейной и мировоззренческой закалке учащейся молодежи. И это естественно. Ведь юноши и девушки принимают эстафету от старшего поколения, чтобы в будущем, решая новые задачи, трудиться во имя общей главной цели. Атеистические клубы школьников, лекторские группы старшеклассников, агиткультбригады с атеистическими программами, школьные музеи — таков далеко не полный перечень форм атеистической работы с учащейся молодежью в районе. Особо отмечу, что эта работа проводится в органической связи с атеистическим воспитанием родителей.

Остановлюсь и на такой интересной форме идейного воспитания, как работа с трудовыми династиями и наставниками. У нас — 624 династии рабочих, колхозников, интеллигенции. Ежегодно проводятся слеты, на которых наставники и представители трудовых династий делятся с молодежью секретами своего мастерства, учат быть верными выбранной специальности. Это положительно сказывается не только на трудовой активности трудящихся. Такая работа расширяет социальные связи людей старшего поколения и, естественно, способствует формированию активной жизненной позиции людей.

Помочь труженикам района усвоить марксистско-ленинскую идеологию, достичь высот социалистической культуры, стать активными строителями коммунизма — в этом видят свое призвание и долг наши идеологические работники. В районе читается немало лекций, проводятся беседы, конференции, вечера, экскурсии. В прошлом году прочитано, например, свыше 500 лекций, проведено 2437 бесед, 46 конференций, 162 вечера. Чтобы поднять научно-теоретический уровень лекций, бесед, вечеров, их эмоциональную нагрузку, избежать безразличия, примитивизма, формального подхода к делу, раз в месяц мы проводим семинары лекторов-атеистов, на которых они получают необходимую теоретическую и методическую помощь. Много помогают нам в этом плане лекторская группа обкома партии, областная организация общества «Знание».

И еще об одной новой для нас форме атеистической работы. В центре села Шляхового, в реставрированном здании бывшей церкви, недавно открылся музей истории колхоза и села. Более двух тысяч его экспонатов красноречиво повествуют о становлении и развитии этого рядового в прошлом хозяйства, о его людях, которые своим трудом удостоились чести представлять социалистическое сельское хозяйство на Всемирной выставке в Монреале. Тогда же, в 1967 году, колхоз был награжден орденом Ленина и Красным Знаменем ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС. Здесь же хранится Юбилейная Почетная грамота, которой награждено хозяйство в 1970 году. В музей постоянно идут люди, отдавая дань восхищения Человеку, его разуму, делу его рук.

Винницкая область

Воспитать гражданина

И. СВИСТУНОВ,
заведующий лабораторией Центрального методического кабинета воспитательной работы Министерства просвещения РСФСР

В практику работы школьных комсомольских организаций по формированию у учащихся марксистско-ленинского мировоззрения прочно вошел Ленинский зачет. В методических рекомендациях о проведении Ленинского зачета в школах, разработанных Министерством просвещения СССР и ЦК ВЛКСМ, обращается внимание не только на повышение качества знаний учащихся, но и на их мировоззренческую и идейную зрелость. Педагоги, комитеты комсомола школ должны формировать у школьников материалистическое мировосприятие, правильное понимание закономерностей развития природы и общества, воспитывать непримиримость к религиозным предрассудкам и буржуазной морали.

Вот как, например, проходят уроки обществоведения в средней школе № 38 города Тулы. Учитель Г. И. Ососкова, объясняя, скажем, основной экономический закон социализма, одновременно помогает своим ученикам осмыслить советский образ жизни, наиболее ярко проявляющийся в социалистических производственных отношениях. При этом она показывает коренную противоположность между коммунистическим отношением к труду и тем пониманием труда, какое внушают верующим религиозные проповедники. Педагог старается показать школьникам, каким образом служители культа приспосабливают религиозную мораль к социалистическим условиям и почему пытаются сблизить ее с моральным кодексом строителя коммунизма.

Атеистический аспект присутствует тут и на уроках русского языка и литературы. Кроме того, старшеклассники расширяют и самостоятельно пополняют полученные на уроках мировоззренческие представления в предметных кружках, факультативах, научных обществах.

Педагогический коллектив школы стремится также к тому, чтобы как можно больше учащихся было вовлечено в активную пропагандистскую деятельность. В школе создан клуб юных атеистов, где старшеклассники учатся читать лекции, проводить беседы. Например, в нынешнем учебном году они провели в четвертых и пятых классах беседы: «Возникновение жизни на Земле», «Ученые — борцы против религии», а также диспуты, конференции, посетили планетарий в городском Дворце пионеров, совершили экскурсию в калужский музей космонавтики имени К. Э. Циолковского.

В ходе Ленинского зачета в этой школе проводится разнообразная работа по воспитанию ребят на примере жизни и деятельности В. И. Ленина, революционных, боевых и трудовых традиций советского народа, изучается ленинское наследие. Учащиеся познакомились с работами В. И. Ленина «Задачи союзов молодежи», «Об отношении рабочей партии к религии», «Социализм и религия» и другими, выступали с рассказом о них.

Такой подход педагогов и комсомольской организации школы к воспитанию учащихся, умелое сочетание учебных программ

с изучением ленинского атеистического наследия помогают воспитанию людей мировоззренчески грамотных, уверенных, инициативных, ответственных за порученное дело.

Объединяя усилия пропагандистов

М. БОРОВИКОВ,
директор
Омского областного
Дома научного атеизма

Основой базовой подготовки кадров пропагандистов атеизма в области является Дом научного атеизма, который организован в 1969 году. В настоящее время здесь созданы все условия для учебы атеистов — большая специальная библиотека, фонд диафильмов, наглядных пособий. При Доме действует двухгодичная заочная школа сельских пропагандистов. Дважды в год ее слушатели собираются на шестидневные сессии. По окончании курса проводятся собеседования и выпускникам вручаются удостоверения лектора-атеиста. За шесть лет школу закончили более 200 человек.

Непосредственно для Омска кадры пропагандистов готовит университет марксизма-ленинизма, в котором есть отделение атеизма. За последние пять лет его закончили 476 человек. Кроме того, школы атеистов есть во многих районах области.

В общем, чисто внешне картина, казалось бы, отрадная. Однако анализ лекционной пропаганды показывает, что действовавшая в области система подготовки и использования лекторских кадров была недостаточно эффективной. Набор слушателей в школу и в университет марксизма-ленинизма до недавнего времени проходил формально: лишь бы заполнить места. Только этим можно объяснить тот факт, что из Черлакского, Усть-Ишимского, Кормиловского, Муромцевского районов за последние два выпуска ни один человек не закончил школу. Кроме того, многие выпускники отделения атеизма университета марксизма-ленинизма либо заняты другой общественной работой, либо забыты.

В настоящее время при активном содействии и помощи обкома и горкома КПСС, областной организации общества «Знание» приняты меры к устранению этих недостатков. Набор слушателей в заочную школу осуществляется теперь по персональным анкетам-заявлениям с рекомендацией каждого слушателя райкомом партии. Аналогично проводится набор во вновь открытый факультет лекторов-атеистов при народном университете лекторского мастерства. Внесены и некоторые изменения в программу школы.

Подготовка атеистических кадров — важная, но не единственная сфера деятельности Дома научного атеизма. Он помогает также районным организациям общества «Знание», учреждениям культуры, атеистическим секциям на предприятиях в организации различных мероприятий, оказывает содействие в приобретении наглядных и методических пособий. Совместно с обществом «Знание» мы ежегодно проводим кустовые семинары атеистов, стараясь охватить все районы области.

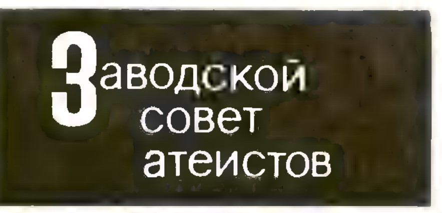
Сейчас в области действует около 200 лекториев, три народных университета, около 30 школ и факультетов, 92 кинолектория. При областном лектории общества «Знание» создан клуб «Молодой атеист». Районные атеистические секции проводят целевые семинары для организаторов атеистической работы на промышленных предприятиях, в школах, учреждениях. Для учащихся средних специальных учебных заведений (а их у нас более 30) центрами атеистической пропаганды в районах становятся кабинеты атеизма, а в учреждениях культуры, школах — клубы атеизма.

При всем этом мы отдаем себе отчет в том, что работы еще предстоит немало. У нас, например, нет пока достаточного контакта с областным отделом народного образования, управлением культуры, Домом санитарного просвещения, Институтом усовершенствования учителей. А ведь с их помощью можно было бы разрабатывать весьма интересные и содержательные темы лекций и бесед по атеизму, причем дифференцированно для школьников, учащихся техникумов, клубов «Юный атеист», кинолекториев, медицинских работников и т. д.

В настоящее время при Доме научного атеизма создается методический кабинет. При его содействии мы надеемся значительно улучшить помощь атеистическим секциям, активнее заниматься изучением и распространением опыта атеистической пропаганды. Наладился у нас контакт с учеными медицинского института. По рекомендации руководства областной организации общества «Знание» ответственные секретари районных организаций, представляя на утверждение планы по массовым формам пропаганды, согласовывают их и с нами.

В общем, работники Дома научного атеизма видят сейчас свою главную задачу в том, чтобы объединить усилия всех организаций, отвечающих за атеистическое воспитание в области, чтобы они вели эту работу в тесном взаимодействии, дополняя друг друга.

г. Омск

П. УЩАПОВСКИЙ

В столице Киргизии городе Фрунзе есть завод сельскохозяйственного машиностроения — одно из крупнейших предприятий в республике. При парткоме завода создан совет по научному атеизму, в состав которого вошли работники многотиражной газеты «Сельмашевец» и библиотеки, представители цехов, активисты местного клуба, учителя близлежащей школы. Совет ведет большую атеистическую работу в коллективе завода. По его инициативе созданы и работают цеховые советы. Все они используют самые различные формы пропаганды атеизма, но все же предпочтение отдается массовым мероприятиям. На первом месте здесь стоят лекции и беседы, которые проводятся в каждом цехе. Кроме того, во многих производственных участках есть би-

блиотечки атеиста, где всегда можно познакомиться с новой литературой. Книги по этой тематике пользуются среди рабочих и служащих большим спросом.

Большую теоретическую и практическую помощь цеховым библиотекам оказывает центральная заводская библиотека. Ее сотрудники во главе с членом заводского совета по атеизму Марией Александровной Дунайцевой помогают оформить «уголки атеизма», книжные выставки. Однако библиотекари не ограничиваются пропагандой произведений, в которых непосредственно критикуется религия и церковь. Так, в книге В. Титова «Всем смертям назло...» ничего не говорится о религии и церкви, и тем не менее это произведение целиком атеистично, так как по самой сути своей направлено против религиозных утверждений, будто человек — существо слабое, зависимое от сверхъестественной воли. На читательских конференциях, которые проходили по этой книге в цехах, мнение было единодушным: только наша действительность, труд и люди помогают человеку преодолеть жизненные невзгоды.

Значительную работу по атеистическому воспитанию проводит в сотрудничестве с советом атеистов и заводская многотиражная газета «Сельмашевец». На ее страницах ведется рубрика «Атеист», в которой освещается опыт атеистической работы в цехах и службах завода. Пропагандировать атеистические знания помогает также заводское радио. Регулярно, два раза в месяц, оно ведет передачи на эти темы в форме вопросов и ответов.

Не остается вне поля зрения совета по атеизму и микрорайон вблизи предприятия. Неоднократно в красных уголках жэков тут проводились собрания, беседы, где заводские атеисты рассказывали о воспитании советского человека, формировании коммунистического мировоззрения.

При заводском клубе работает лекторий юного атеиста, которым руководит член совета А. Ф. Леонова. Небезынтересно отметить, что его посещают и дети верующих. Беседы с ребятами регулярно проводят лучшие пропагандисты общества «Знание», учителя школ, родители, знатные люди республики, ветераны труда. Такие встречи часто сопровождаются показом фильмов.

Особое место занимает на заводе интернациональное воспитание. На вечерах художественной самодеятельности выступают ансамбли, в репертуаре которых песни и пляски народов нашей страны. Заводской комитет профсоюза часто организует коллективные посещения русского и киргизского драматических театров, театра оперы и балета. По местному радио звучат музыкальные произведения русских, киргизских, узбекских, немецких и других композиторов. Плечом к плечу в многочисленном коллективе трудятся Герои Социалистического Труда киргиз У. Макишев, русский В. Слюсарев, украинка Д. Матвиенко и другие.

Немало внимания заводские атеисты уделяют индивидуальной работе с верующими. Дело это долгое, трудное, требующее не только знаний, но и умения найти подход к человеку. И тем более приятно, когда дружеское участие, вовремя сказанное доброе слово, совет, практическая помощь сыграли в судьбе человека положительную роль. Так, несколько лет коммунист П. Г. Гарьковский работает с супругами Руновыми. Знания, большой жизненный опыт, высокие моральные качества этого человека не могут не вызывать уважения и доверия к нему. Но сколько сил, душевного участия нужно было ему приложить, чтобы люди поняли ошибочность избранного ими пути. Немало прошло времени, пока наконец Руновы разрешили своим детям вступить в пионеры и носить галстук, купили телевизор. Их можно видеть сейчас на праздничных демонстрациях, на концертах.

Заводские атеисты не замыкаются в стенах предприятий и микрорайона. Совет наладил связи с другими предприятиями города, обменивается с ними опытом атеистического воспитания. Интересно прошли встречи с руководителями советов атеистов завода электровакуумного машиностроения, фабрики «Чолпон». Все это помогает атеистам находить новые формы работы.

г. Фрунзе
Киргизской ССР

КЛУБ ЕДЕТ В СЕЛО

Организационным и методическим центром атеистической пропаганды в Белореченском районе нашего края стал клуб «Атеист», созданный более десяти лет назад. В настоящее время он объединяет свыше 200 партийных, советских работников, учителей, врачей, юристов. Руководит клубом общественный совет, в составе которого — 32 человека.

Заседания совета проводятся ежемесячно. На них обсуждаются различные вопросы атеистической работы, делятся опытом со своими коллегами лучшие лекторы, намечаются планы на будущее. На базе клуба «Атеист» организован постоянно действующий двухгодичный семинар по научному атеизму, занятия которого посещают не только члены клуба, но и представители сельской интеллигенции, общественники из всех хозяйств района. Работой семинара руководит районный комитет партии.

Эффективному проведению занятий способствует деятельность клубных и библиотечных работников. Так, заведующая районной библиотекой Н. Сеченко и ее сотрудники к каждому занятию готовят библиографические обзоры, списки рекомендованной литературы, оформляют книжные витрины и выставки. Работники районного и зональных домов культуры проводят для слушателей семинара тематические вечера и устные журналы на атеистические темы.

Большую шефскую помощь белореченским атеистам оказывают научные сотрудники Ленинградского педагогического института имени Герцена, преподаватели Краснодарского института культуры и Майкопского педагогического института. Они не только проводят консультации с лекторами, но и выступают перед жителями района. Такие встречи всегда проходят живо и интересно.

Своеобразными центрами, где пропагандисты могут пополнить свои знания, стал и методический кабинет районного Дома культуры, и районная организация общества «Знание». Здесь собраны вся необходимая литература, пособия и рекомендации, примерные сценарии тематических вечеров, устных журналов, торжественных ритуалов, программы агитбригад.

У клуба «Атеист» перспективный комплексный план. Он служит ориентиром для пропагандистов района, которые используют в своей работе самые разнообразные формы: устные журналы — «Наука и религия», «Медицина и религия», тематические вечера — «Мораль коммунистическая — мораль религиозная», «Каждый человек дорог», вечера вопросов и ответов, читательские конференции, кинолектории. Клуб выпускает ежемесячную стенную газету «Атеист». Чтобы вести атеистическую работу в отдаленных станицах и хуторах, где нет квалифицированных культработников, при районном отделе культуры организован автоклуб, который возглавляет комсомолец Александр Реус.

И. СЕЛИХОВА,
методист научно-методического кабинета управления культуры Краснодарского крайисполкома

ПОДАРОК АЛЕКСАНДРА УЛЬЯНОВА

Ж. ТРОФИМОВ,
кандидат
исторических наук

● На книжной полке в комнате Александра Ильича один том экспонируется в развернутом виде — посетители Ульяновского Дома-музея В. И. Ленина могут прочесть фамилию автора и название произведения: «История умственного развития Европы Джона Вильяма Дрэпера, профессора химии и физиологии в Нью-Йоркском университете». На титульном листе указано, что перевод первого тома, вышедшего в Петербурге в 1874 году, осуществлен с английского под редакцией А. Н. Пыпина. Здесь же две надписи черными чернилами: «С. М. Чугунов» и «75 г. фвр. 27», а также небольшой овальный экслибрис — знак владельца книги: «СМЧ» (то есть С. М. Чугунов) и символическое изображение его интересов — судовой якорь, над которым по-немецки начертан девиз: «Больше читай». Точно такие же чернильные записи и сургучный отпечаток сохранились и во втором томе.

Кто такой Чугунов и каким образом его двухтомник попал к Александру Ульянову? Почему «История умственного развития Европы» выделена на книжной полке? Ответы на эти вопросы содержатся в воспоминаниях Анны Ильиничны об Александре Ильиче. Отрицательно характеризуя большинство преподавателей Симбирской классической гимназии, у которых учился брат, она более или менее сочувственно отозвалась об одном из них: «Лучшим, по крайней мере, очень чистым, как личность, был старик С. М. Чугунов, с которого, как говорят, Гончаров списал Козлова в «Обрыве». Идеалист, совершенно ушедший от жизни в науку, обложенный книгами, он преподавал латинский язык с первого и историю с третьего класса»[1].

Когда Чугунов скоропостижно скончался, вдова его стала искать покупателей на его скудное «движимое имущество». Вот при каких обстоятельствах летом 1880 года в квартире своего бывшего учителя появился 14-летний Александр Ульянов. На деньги, заработанные частными уроками, он приобрел для своей домашней лаборатории несколько приборов, а также «не мало книг из распродававшейся дешево библиотеки Чугунова. Так, — вспоминала Анна Ильинична, — там он купил и подарил мне ко дню рождения или именин Дрэпера «Умственное развитие Европы» [2].

Изучение архивных дел показало, что гимназическим учителем Александра Ульянова и прототипом гончаровского Козлова был Михаил Иванович Чугунов, а действительным владельцем лабораторного оборудования и двухтомника Дрэпера был его сын Сергей Михайлович. Этот незаурядный юноша в гимназические годы занимался не столько изучением обязательных схоластических предметов, сколько углубленным и целеустремленным самообразованием. Приобретенная им «История умственного развития Европы» раскрывает круг его интересов в восьмом классе гимназии. Когда он был уже студентом-медиком Казанского университета, жандармы изъяли у него при обыске несколько запрещенных народнических брошюр, а также «Современный материализм в Германии» и первый том «Капитала» К. Маркса на русском языке.

С. М. Чугунов не был революционером в современном понимании этого слова. Он мечтал о просветительстве и считал, что «положение может улучшиться, если каждый в своей сфере — медика, ученого и проч. будет действовать честно и тем самым, своим трудом, облегчит участь народа» [3].

За хранение запрещенных изданий и активное участие в подпольном кружке Сергей Чугунов побывал, хотя и недолго, в казанской тюрьме, затем на пять лет попал в списки политических поднадзорных. Но в 1880 году он все-таки окончил университет и на лето приехал к матери в Симбирск. Наверное, молодой лекарь сам и производил распродажу своего лабораторного имущества и библиотеки.

Анна Ильинична подчеркивала, что Александр Ильич приобрел у Чугуновых «не мало книг», но, кроме монографии Дрэпера, не назвала других произведений. Есть основания полагать, что «История цивилизации в Англии» Г. Т. Бокля, которую она, вслед за братом, прочла летом 1880 года, была куплена из того же собрания.

Думается, что краеведов и библиофилов Ульяновска, Казани и Куйбышева должны заинтересовать книги по естествознанию, физике, химии, физиологии, истории и социологии, а также томики русских классиков, на которых имеются экслибрисы С. М. Чугунова. В них могут оказаться пометки Ульяновых.

Различного рода подчеркивания карандашом в тексте и на полях, уточнения смыслового перевода слов и восклицательные знаки встречаются и на многих страницах «Истории умственного развития Европы». Есть там и несколько засохших колосков степного злака, серебристых листочков дикой маслины, вложенных при перерывах в чтении

[1] А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. М.—Л., 1930, стр. 53.
[2] Там же, стр. 74.
[3] Центральный Государственный архив Октябрьской Революции (ЦГАОР), ф. 109, 1874—1880, д. 144, ч. 93, л. 84.

или в качестве закладок. Кто сделал пометки в книге, кто вкладывал между страницами эти летние закладки? Скорее всего, кто-нибудь из семьи Ульяновых.

Видимо, фамилию автора «Истории умственного развития Европы» Александр Ильич встретил либо в тех трудах по физике и химии, которые рекомендовал ему отец, либо запомнил по роману И. С. Тургенева «Дым», где один из героев называет Дрэпера первым в ряду крупнейших исследователей XIX века. В гимназии не могли рекомендовать произведение, автор которого, будучи деистом, отвергал божественное откровение, богодухновенность священных книг и церковные авторитеты.

Перелистаем «Историю...». Вот формулировка основной идеи труда, на первой странице первого тома: «Одни утверждали, что человеческие дела вполне определяются свободными действиями людей; другие, что нами на каждом шагу руководит Провидение; третьи, что все события предназначены Судьбой. Нам следует определить, насколько верно каждое из этих мнений».

Забегая вперед, отметим, что точка зрения автора сводилась к тому, что главной движущей силой общественного развития являются просвещение, человеческий разум, который, однако, в конечном счете, обусловлен проявлением некоей «божественной силы». Но эти типичные позитивистские представления не помешали Дрэперу дать немало верных картин многострадальной истории цивилизации Европы. Особенно впечатляющи те страницы, где он разоблачал алчность, безнравственность, жестокость высшего духовенства и коронованных властителей. «Беспристрастная история должна признать, — писал Дрэпер о начале христианской эры, — что все эти скандальные и тиранические действия гражданской власти обязаны своим происхождением власти духовенства и что последнее ответственно за них. Оно виновато и во влиянии, каким пользовались у самодержавной власти безнравственные, бессовестные женщины, евнухи, паразиты, грубые солдаты». «Македоний, епископ константинопольский, прошел по трупам трех тысяч людей, чтобы сесть на епископский престол...» И далее: Карл Великий «беспощадно приводил смертную казнь за отказ от крещения, за ложное показание о крещении и даже за употребление мяса во время великого поста».

«Безобразная жизнь, которую вели папы, была побудительною причиною всех движений в Германии, Франции и Англии», — пишет Дрэпер и приводит краткий перечень деяний римских первосвященников «между половиною восьмого и половиною одиннадцатого века». Одни из них взошли на папский престол обманным путем; другие были изгнаны с позором из Рима «за свою развратную, безнравственную жизнь». Жизнь Бенедикта IX «была так постыдна, так безобразна», что ее трудно описать. «Он правил скорее как предводитель бандитов, чем как прелат».

Показывая деградацию римской церкви в последующие столетия, Дрэпер перечисляет характерные для нее пороки: «производство чудес... продажа бенефиций, отпущение грехов за деньги». Папскую инквизицию он назвал «возмутительным учреждением», которое долгие годы было серьезной преградой для «прогрессивного развития человеческого ума».

Но и Реформация, по мнению Дрэпера, после своей победы далеко не отличалась веротерпимостью. Так, суровый Кальвин, воспользовавшись случайным проездом через Женеву ученого-материалиста Сервета, велел схватить его и предать пламени. Нелестен его отзыв также о греческой церкви, о теологических построениях Мухаммеда и практической деятельности мусульманского духовенства. Всю эту критику религиозного ханжества и обскурантизма Дрэпер ведет для того, чтобы доказать необходимость отделения церкви от государства и желательность введения во всех странах свободы верований.

Вдумчивым читателям, в том числе и Александру Ульянову, «История умственного развития Европы» Дрэпера помогла в окончательном разрыве с религией. Уместно в связи с этим привести такой пример. На 307-й странице второго тома своего труда Д. Дрэпер высказывает мысль, что человек отличается от других существ тем, что «обладает бессмертной сознательной душой». Кто-то, наверное С. М. Чугунов или Александр Ильич, сделал на полях около этих строк выразительную помету карандашом: «?метафизика!..»

Несомненным достоинством монографии является умелая пропаганда научных достижений Коперника, Бруно, Галилея, Леонардо да Винчи, Ньютона, Кеплера и других. Безусловно, эти и другие идеи труда Джона Дрэпера оказали свое влияние на Александра, а затем и Анну, Владимира и Ольгу Ульяновых.

г. Ульяновск

О чем писали русские газеты и журналы в апреле 1878 года

В окрестностях Гельсингфорса и в самом городе стали появляться с некоторого времени мормонские проповедники. Так, например, в селе Сино ходили недавно двое из этих апостолов, один — норвежец, другой — швед, у обоих их, однако, есть американские паспорта. В другой деревне мормоны успели даже окрестить несколько десятков человек. Одну больную женщину они, между прочим, убедили, что она выздоровеет, как только окрестится. Женщина сходила к речке, в которой крестили мормоны, и, конечно, схватила жестокий кашель... Своих важнейших учений (о многоженстве, например) мормоны, однако, не осмеливаются еще прямо высказывать, хотя слушателям внушено все-таки, что у ветхозаветных патриархов многоженство допускалось.

«Новое время»

В Ростове, в Авраамском Богоявленском монастыре хранится медный крест от жезла, данного святому Авраамию для сокрушения идола. Конечно, такой крест был только один и однажды дан ростовскому просветителю. Но в Машеозерской церкви хранится чрезвычайно схожий с предыдущим медный посеребренный крест с таковою надписью: сей крест в граде Ростове св. Иоанном Богословом дан преподобному Авраамию.

«Православное обозрение»

А. ЛОКШИН,
И. ОЧЕРЕТ

ПРОПОВЕДЬ ОТЦА СМАРАГДА

Ирония истории наказала самодержавие тем, что даже дружественные по отношению к нему общественные силы, вроде клерикализма, должны организовываться отчасти против него... [1]

В. И. ЛЕНИН

Иллюстрация к ленинским строкам

● Когда началась первая мировая война, Троице-Сергиева лавра, как и все прочие обители, в изобилии отправляла на фронт кресты, ладанки, обыкновенные и «чудотворные» иконы. Из лаврской типографии двигался на запад обильный поток листовок с призывами к православному воинству не щадить живота для защиты царя и святой веры. Гораздо хуже обстояло дело с оружием и боеприпасами, обмундированием и продовольствием — их в русской армии частенько не хватало.

По команде синода лавра направила в армию и на флот некоторых своих иеромонахов. А всего в вооруженных силах России насчитывалось около пяти тысяч военных священников во главе с протопресвитером, приравненным в чине к генерал-лейтенанту, — «его высокопреподобием» Шавельским. Среди обширного духовного воинства в армии в 1915 году оказался и отец Смарагд (Архангельский). Что привело его в армию: нелады с монастырским начальством или искреннее стремление выполнить свой долг перед отечеством и церковью, как он его тогда понимал? Скорее всего обе эти причины.

За два года пребывания в армии отец Смарагд отпустил множество грехов новопреставившимся, немало прочел отходных и заупокойных молитв, вдоволь наслушался предсмертных хрипов, свиста пуль и воя снарядов. И постепенно в нем созрело решение — заявить публично о своем неприятии этой кровавой бойни.

4 декабря 1916 года после утреннего богослужения и проповеди перед командой конных разведчиков, учебной командой, частью запасного батальона и нижними чинами других подразделений 3-го Рижского полка полковой священник «произнес слово, в основу которого было положено колебание авторитета воинской дисциплины и беспрекословного повиновения начальникам» [2].

Отец Смарагд заявил своей пастве, что в России в скором времени произойдет революция. Затем он предупредил: «Вас могут послать на усмирение. Но вы помните, что идете против отцов и братьев, и не употребляйте оружия. Потому что ваши начальники, министры и царь тоже могут ошибаться. Не идите за ними...» Далее последовал прямой призыв к неподчинению, к «измене воинскому долгу перед государем императором». Одна из причин войны — «гордость и тщеславие государей», говорил он. Пусть царь Николай и кайзер Вильгельм померяются силами сами, подобно ветхозаветному Давиду и Голиафу, без участия миллионов подданных. Если же российский самодержец не пожелает прибегнуть к библейскому способу решения политических задач, то его надо, «сойдясь всем миром», убить. Проповедник дал солдатам неплохой совет: «Научиться читать, чтобы вас не могли обманывать». В конце проповеди отец Смарагд упомянул о том, что нижние чины порой недоедают, разуты и раздеты, но «лишения, которые претерпевали святые отцы церкви во спасение душ своих», для воинов совершенно необязательны, потому им следует настойчивее требовать положенное.

Во время этой необычной проповеди никто не решился прервать священника, заставить его замолчать, хотя далеко не всем его слова пришлись по вкусу. Здесь сыграли известную роль и неожиданность, и привитое с детства уважение к сану, и ораторское искусство говорившего. Во всяком случае, отец Смарагд сумел высказать все, что хотел.

Донос последовал незамедлительно, на следующий же день. Штаб-ротмистр Гвинчевский сообщил по начальству, что проповедь «сильно повлияла на солдат и носила явно мятежный характер». Чтобы как-то нейтрализовать «ужасно гнетущее впечатление» от слов священника, расторопный офицер выступил перед разведчиками с «контрпроповедью».

Затем к начальству поступило еще одно сообщение. А на запрос командира полка, кто еще из офицеров был на этой проповеди, добавились докладные двух прапорщиков. Вскоре донесение о происшествии за подписью командира дивизии легло на стол наместника лавры архимандрита Кронида. Был препровожден в лавру и отец Смарагд.

Происшествие это бросило тень на репутацию всей обители, и духовное начальство решило замять скандал. С этой целью было сфабриковано медицинское свидетельство о состоянии здоровья иеромонаха. Три лаврских врача, в том числе один доктор медицины и один действительный статский советник, перечислили множество недугов и зафиксировали возникшее «вследствие душевных потрясений и многочисленного несения клиросного послушания», а также «необычайно тяжелой обстановки войны, почти двухлетнего пребывания вблизи боевой линии» резкое расстройство нервной системы, «результатом коих у о. Смарагда явились вспышки раздражительности и по временам неправильное логическое мышление».

Спустя ровно месяц после произнесения своей проповеди мятежный пастырь предстал перед духовным собором лавры и попросил на основании медицинского заключения предоставить ему «для серьезного лечения своей болезни при благоприятной домашней обстановке» трехмесячный отпуск к брату своему в город Романов-Борисоглебск Ярославской губернии. Духовный собор постановил удовлетворить ходатайство. Однако в глазах духовных судей Смарагд был не столько больным, сколько носителем вредных идей. В другие времена отца Смарагда наверняка лишили бы сана, но обстановка была уже не та — неумолимо приближалась революция, поэтому в решении было сказано: «Принимая во внимание, что оставление его в числе братии

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 10, стр. 218.

[2] Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 1204, оп. 1, ед. хр. 18853. «Дело о перемещении иеромонаха Смарагда в пустынь». Публикуется впервые.

Лавры не желательно, как имеющего задатки вредного настроения, собор полагает перевести его в число братства уединенной и малолюдной пустыни... под строгий надзор. Причем объявить ему, что если он в пустыни будет замечен в распространении каким-либо путем вышеозначенных идей, то будет переведен в отдаленный монастырь...»

На решении собора член синода митрополит московский и коломенский Макарий старческой рукой начертал: «Исполнить».

«...Пустынь Параклит, назначенная для любителей совершенного безмолвия из скитской братии, находящаяся в пяти верстах от скита к востоку, устроена в 1861 году. Церковь в пустыни, построенная на иждивение московского купца Королева, двухэтажная с престолом в честь сошествия святого духа»,— так писал профессор Московской духовной академии Е. Голубинский в труде «Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра». Почтенный автор явно покривил душой, ибо не мог не знать, что пустынь Параклит была предназначена отнюдь не для любителей совершенного безмолвия—отправляли туда провинившихся представителей монастырской братии и вовсе не на добровольных началах. Расположенная на отшибе, среди глухого леса, пустынь отличалась уставом значительно более строгим, чем Троицкая лавра. Богомольцы допускались туда только один день в году. Загорские старожилы до сих пор еще помнят обитателей Параклита, умудрившихся некогда наладить тайное самогоноварение и проносивших спиртное мимо бдительной привратной стражи в плоских кожаных или резиновых мешках.

Еще недавно можно было видеть высокие темные стены Параклита, а церковные строения сохранились и поныне. Сейчас это владение совхоза «Смена» Загорского района. Вот за этими-то стенами и должен был очутиться в явно не подходящей для него компании иеромонах Смарагд.

Между тем в стране совершилась Февральская революция. Она ничего не изменила в ходе ненавистной народу войны. И мало что — в области духовной политики и судьбах духовных политиков. Так, упомянутый выше «главпоп» (как его звали в войсках) протопресвитер Шавельский, арестованный в первые дни революции за близкую связь с отрекшимся царем, уже в начале марта был восстановлен Керенским в прежней должности.

Не настал ли благоприятный момент для отца Смарагда расстаться вовсе с монашеской рясой? Оказывается, нет: проживая у брата, он по-прежнему считал себя приписанным к Параклиту. В марте 1917 года он писал управляющему делами лавры: «Честнейший отец Вячеслав, как вам известно, что новое правительство всех политических из тюрем выпустило на свободу, то я вас покорно прошу известить меня, кого я должен просить, чтобы освободили меня из ссылки на веки вечные в пустыню? Буду ждать вашего милостивого ответа. Ваш богомолец иеромонах Смарагд».

В конце апреля 1917 года игумену Параклита Нифонту был вручен указ о возвращении Смарагда в лавру, где бывший бунтарь вскоре и скончался.

Была ли эта история с отцом Смарагдом единичной? Нет, известны и другие подобные случаи. Тенденцию отметил В. И. Ленин еще за 11 лет до описываемых событий: «Наличность либерального, реформаторского движения среди некоторой части молодого русского духовенства не подлежит сомнению» [3]. А спустя четыре месяца появились ленинские строки, вынесенные в эпиграф этой заметки.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 211.

Глашатай мысли

С. ШЕЙНМАН-ТОПШТЕЙН,
кандидат филологических наук

● В истории человечества, в последовательной и пестрой смене культур и их творцов есть люди, не пользующиеся громкой славой при жизни и остающиеся почти неизвестными будущим поколениям. К ним можно отнести Сезара-Шено Дюмарсе (1676—1756 гг.) — ученого и мыслителя, атеиста и энциклопедиста.

«Французский философ, один из тех, кто в течение полувека молчаливо трудился над раскрепощением человеческого разума», — писал о нем Сильвен Марешаль в своем «Словаре атеистов». Молчаливо... Этим сказано почти все о Дюмарсе. Человек тихого и скромного нрава, он прожил жизнь небогатую внешними событиями, но полную упорного, плодотворного труда. Он ставил перед собой цель: просвещать своих соотечественников в таком актуальном для того времени вопросе, как отношение к религии и церкви. Дюмарсе анализировал эту проблему с глубиной, всесторонностью и точностью ученого, вкладывая в свой анализ несвойственную ему в жизни страстность борца.

Дюмарсе получил юридическое образование, но большую часть своей жизни провел домашним учителем в знатных парижских семействах. Одновременно он занимался научными исследованиями в области логики и лингвистики. Последние годы жизни он был деятельным сотрудником «Энциклопедии» Дидро и Даламбера, что дало ему определенную известность, хотя и не поставило в ряд философов, пользовавшихся милостями двора. Даламбер посвятил ему в 7-м томе «Энциклопедии» обширное и прочувствованное посмертное «Похвальное слово».

В своей первой книге «Изложение доктрины галликанской церкви в связи с притязаниями римского двора» Дюмарсе развил идеи, высказанные Спинозой в «Теолого-политическом трактате» и Гоббсом в «Левиафане». Требование отделения церкви от государства, критика притязания пап, епископов на суверенную власть, разоблачение корыстолюбия церковников, самовольно собирающих дань с паствы, — вот какой комплекс проблем был выдвинут в первом же сочинении тихим и скромным домашним учителем. Труд этот остался неопубликованным при жизни Дюмарсе.

Не был опубликован и задуманный еще молодым Дюмарсе «Ответ критикам «Истории оракулов». В нем шла речь об опровержении знаменитой книги Бернара Фонтенеля, написанном иезуитом Балтусом. Дюмарсе отстаивает главную идею Фонтенеля — о злоупотреблениях священнослужителей (будь то языческих или христианских). Против издания книги Дюмарсе ополчились отцы-ораторианцы. Автора обвинили перед престарелым Людовиком XIV в свободомыслии, в результате чего последовал недвусмысленный запрет публиковать книгу как во Франции, так и за ее пределами.

Дюмарсе продолжал свою научную деятельность. В 1722 году вышло его исследование «Изложение систематического метода изучения латинского языка». Характерным для лингвистико-логического метода Дюмарсе было членение его на две основные части: разум и опыт. Так в специальных лингвистических исследованиях Дюмарсе действовала основная методология просветителей.

За этой лингвистической работой последовали другие, в частности «Трактат о тропах» (1730 г.), «шедевр в своем роде», как характеризовал этот труд Даламбер.

Кроме двух указанных атеистических работ, Дюмарсе принадлежат блестящее эссе «Диссертация о философе», или «Философ» [1], и трактат «О разуме» [2]. Есть еще два фундаментальных труда по критике религии, приписываемых Дюмарсе, — «Опыт о предрассудках» и «Анализ христианской религии», — однако полной уверенности в его авторстве нет, хотя оба сочинения были опубликованы посмертно под его именем: в 1769 году Гольбах издал первое из них, а второе было напечатано в 1797 году в собрании сочинений Дюмарсе.

Умер Дюмарсе 11 июня 1756 года. Описывая его кончину, Даламбер упоминает о том, что Дюмарсе принял на смертном одре причастие. Однако это была, по-видимому, всего лишь дань обычаю, ибо Дюмарсе сделал это «с большим спокойствием и присутствием духа, как мудрец, не боявшийся смерти, и как человек, которому не в чем раскаиваться».

Вольтер часто упоминал в своих сочинениях Дюмарсе, писал, что Дюмарсе принадлежит к числу тех незаметных мудрецов, «которыми полон Париж». Слова великого философа точно характеризуют основную черту того времени — бурный расцвет фило-

[1] Русский перевод С. Я. Шейнман-Топштейн опубликован в «Вопросах истории религии и атеизма», т. V, 1958.

[2] Трактат был опубликован в «Философском сборнике», вышедшем на французском языке в Лондоне в 1770 г.

софской просветительской мысли во Франции. Однако позволим себе сделать поправку: среди тех незаметных мудрецов, которыми был полон Париж, едва ли много было умов столь образованных, глубоких и точных, как Сезар-Шено Дюмарсе.

С.-Ш. ДЮМАРСЕ ФРАГМЕНТЫ ИЗ ТРАКТАТА «О РАЗУМЕ»

Люди называют себя разумными существами; именно обладание разумом позволяет им утверждать свое превосходство над остальными живыми существами; между тем большинство из них никогда не потрудилось составить для себя определение разума: они не имеют никакой достоверной идеи разума и вынуждены терпеть каждодневные напоминания о том, что существуют весьма важные вопросы, по поводу которых им не дозволено обращаться за советом к своему разуму... нам внушают, что человеческий разум настолько помрачен и подвержен заблуждениям, что бог, считающийся его творцом, не желает, чтобы мы им пользовались, и сурово казнит своих тварей, если они имеют дерзость обращать себе на службу единственный светоч, который он сам даровал им для того, чтобы они находили пути в этом мире. В результате духовные пастыри человечества, разрешив людям пользоваться своим разумом в обыденных житейских делах, напрямик запретили применять его для исследования религиозных истин, хотя, по их мнению, эти истины являются в высшей степени существенными для веры и познания.

...Под словом **вера** подразумевается образ мышления, верование или убеждение, подобное тому, какое мы получаем относительно вещей, о которых нам сообщают либо люди, пользующиеся нашим доверием, либо само божество. Таким образом, вера подразделяется на **божественную** и **человеческую.** Божественная вера могла бы иметь место в том случае... если бы бог говорил с нами сам или если бы мы дали веру речам, писаниям и свидетельствам лиц, относительно которых убеждены, что бог с ними беседовал. Вся существующая ныне в мире религия принадлежит к этому второму роду, а следовательно, она может быть основана исключительно на рассуждении. В самом деле, ведь сначала нужно обрести убеждение, что все эти речи, писания и свидетельства действительно принадлежат лицам, которым их приписывают; далее, надо исследовать, каковы были побудительные причины, действия и нравы этих лиц; наконец, нам надо понимать то, что содержится в их речах или писаниях — иначе мы не можем все это ни усвоить, ни судить, соответствуют ли их слова нашей собственной идее бога; еще менее возможно для нас твердо верить во все эти вещи.

Считать себя убежденным в чем-то, чего не понимаешь, не значит обладать действительной верой или убеждением, но значит питать одни лишь предположения, иначе говоря, попасться на удочку предрассудков, энтузиазма или же прямого обмана тех, кто, как предполагается, сумел заставить заговорить бога. Однако чтобы раскрыть, чему надо, а чему не надо верить, следует прибегнуть к разуму и выразить искреннее согласие с тем, что он нам скажет, то есть обрести глубокую убежденность; а это может быть результатом лишь очевидности. Отсюда ясно, что лишь маниакальный бред либо порочная вера способны утверждать, будто разум противен божественному откровению, что откровение это способно поучать нас вещам, стоящим **над разумом,** что бог требует от нас веры во все таинственное, в вещи, противные разуму, в чудеса и дела, противоречащие законам природы, творцом которой предполагается бог.

...Разум никогда не сможет постичь, почему бог — всемогущий, творец всех вещей — вынужден пользоваться помощью человека для просвещения других людей, которых он вполне мог бы сам сотворить, сформировать и просветить наиболее подходящим для его намерений образом. Разум никогда не сумеет постичь и того, что мудрый бог допускает, чтобы человек своим неразумием мог помешать осуществлению намерений бога; что благой и справедливый бог наказывает человека за слабости и невежество, от которых он мог бы его избавить, дав ему больше сил и просвещенности. Разум не постигает и того, что бог, преисполненный справедливости и милосердия, терпит, чтобы человек, которому он желает благополучия, вечно оказывался несчастным из-за злоупотребления дарованной ему богом свободой. Бог, давший человеку разум, не может делать и говорить то, что противно разуму, как не может и внушать человеку веру в вещи, противоречащие этому разуму или стоящие выше него. Бог, пожелавший сделать род человеческий более просвещенным путем откровения, не может изъясняться туманно или же требовать от человека, чтобы он верил в непостижимые для него таинства. Справедливый бог вообще не может гневаться на людей за отсутствие у них убежденности в том, чего они не могут постичь... Наконец, наш разум никогда не постигнет того, что благой, справедливый и мудрый бог может вечно казнить жесточайшими казнями мимолетные прегрешения, совершаемые временами созданиями, которых лишь от него зависело сделать совсем иными.

Нам, без сомнения, скажут: божественные совершенства совсем не такой природы, чтобы их познавали и судили люди; конечные существа вовсе не могут рассуждать о существе, в котором все бесконечно; наш порочный разум не может, не прибегая к откровению, дать нам истинное представление о боге и его неисповедимых путях. На это мы ответим:

1) Мы можем познать бога или составить себе какое-нибудь представление о нем либо с помощью разума, либо через откровение. Если это происходит с помощью разума, то полученные нами при этом идеи должны соответствовать нашему разуму; если же мы получаем их через откровение, то один лишь разум может помочь нам обнаружить, истинно ли это откровение и не является ли оно следствием фанатизма, самообмана или мошенничества. Одним словом, только разуму дано решать, соответствуют ли идеи божества, даваемые нам откровением, реальным и правдоподобным идеям, полученным нашим разумом относительно этого существа, и приписываемым ему атрибутам.

2) Что касается тех, кто нам говорит, будто конечные существа не созданы для того, чтобы судить о существе бесконечном, то мы им ответим, что принцип этот явно уничтожает любые религии, ибо последние могут быть основаны лишь на истинных либо ложных идеях, созданных людьми относительно бога и тех взаимоотношений, какие существуют между конечными существами и существом бесконечным. Говорить, что люди неспособны получить истинные идеи относительно божества, означает, что люди не могут быть убеждены в его существовании и не могут верить в его атрибуты, ибо совершенно невозможно быть истинно уверенным в бытии и качествах существа, относительно которого мы не имеем истинных идей. Отсюда видно, что принцип этот ввергает нас в скептицизм и даже в абсолютнейший атеизм.

3) Что касается тех, кто нам говорит, будто разум человека порочен, то мы ответим им: во-первых, принцип этот имеет ту же тенденцию, как и только что разобранный, и если разум человека извращен, то мы не можем быть уверены ни в существовании, ни в качествах божества. Кроме того, мы скажем: невозможно постичь, каким образом всемогущий, милосердный и справедливый бог мог допустить, чтобы разум, дарованный им людям в качестве проводника, извратился до такой степени, что лишь сбивает их с толку.

Таким образом, ясно, что те, кто обесценивает человеческий разум, кто изображает его ненадежным проводником, кто указывает, что он порочен, и утверждает, что религия вовсе не по его ведомству, кто без конца твердит, что мы должны подчинить его вере, кто повелевает нам предпочитать ему веру в сверхразумные чудеса, — люди, старающиеся утвердить подобные принципы, очевиднейшим образом, говорю я, подрывают, сами того не замечая, основы всякой религии. Они делают сомнительным, проблематичным и неустановимым бытие бога, говоря нам, что существо это непостижимо для разума; они делают людей безразличными к божеству, заявляя им, что ум их не создан для постижения бога; они превращают бога в чистейшую химеру, приписывая ему несуразные качества. Наконец, они делают невозможной проповедуемую ими веру, поскольку нельзя твердо верить в то, относительно чего у нас нет идей, и еще меньше — в то, что содержит противоречия. Таким образом, враги человеческого разума разрушают свою собственную империю, которую они стремятся воздвигнуть на обломках разума. Закончим же вместе с величайшим из философов (Гоббсом. — **С. Ш.-Т**) следующими словами: «Люди противостоят разуму только тогда, когда они видят, что разум против них».

Перевела с французского
С. ШЕЙНМАН-ТОПШТЕЙН.

Публикуется впервые

Олисей Гречин — священник

В № 4 нашего журнала за 1977 год опубликована статья Е. Рыбиной «Берестяная библиотека». В ней говорилось о находках археологами новых берестяных грамот в Новгороде, об исследовании усадьбы на Троицком раскопе, где, как предполагалось, в XII—XIII веках жил священник. Наш корреспондент В. Зыбковец встретился с руководителем Новгородской археологической экспедиции членом-корреспондентом АН СССР Валентином Лаврентьевичем ЯНИНЫМ и попросил его рассказать подробнее о том, что дают берестяные грамоты науке

В. Л. Янин.

— Минуло более 25 лет с того времени, как была обнаружена первая берестяная грамота новгородцев, сейчас их найдено уже 563. Не возникает ли в связи с этим новая отрасль исторической науки — берестология?

— Мысль о берестологии как об особой исторической дисциплине возникла, вероятно, по подобию с папирологией. И в этом есть некоторый резон. У берестяных грамот много общего с папирусами и прежде всего в существе самих текстов. Однако отличие здесь более существенно. Оно заключается в том, что по условиям находок папирусы с самого начала составили как бы раздел самостоятельных письменных источников. А берестяные грамоты, хотя являются также письменными историческими источниками, в то же время остаются и вещественными археологическими памятниками старины — ведь мы находим их обычно в окружении многочисленных древних предметов, в точно фиксированных по времени прослойках культурного слоя. Более того, они органично входят в состав комплекса таких находок, локально привязанных к какой-то определенной усадьбе или постройке, отражают принадлежность к конкретной семье или отдельному человеку.

Отсюда вывод: анализ текстов этих документов нельзя проводить без соотнесения их со всем комплексом археологических находок, а также других исторических источников (например, летописей), которые в свою очередь осмысливаются через данные текстов берестяных грамот.

— Как практически сопоставляются берестяные грамоты с другими источниками? Что дает такое сопоставление?

— Возьмем, к примеру, комплекс исследований, который позволил нам установить имя (обратите внимание — точное имя) человека, хозяина усадьбы, жившего в Новгороде примерно восемь веков назад. Итак, грамота № 502, найденная в 1973 году на Троицком раскопе, на глубине 2,8 метра и относящаяся к началу XIII века.

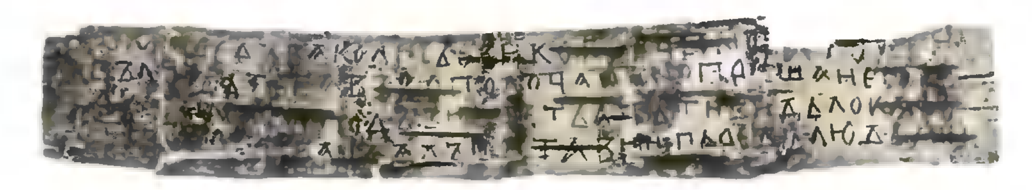
Это грамота от Мирослава (имя довольно распространенное как в Новгороде, так и вообще в Древней Руси) к Олисею (Елисею) Гречину (так обычно называли выходцев из Греции). Она связана с судебным разбирательством некоего Гавки Полочанина. Мирослав просит Олисея Гречина: «Когда войдет Гавка Полочанин, спросить его, где тот (в Новгороде) остановился». По-видимому, от его ответа зависел дальнейший ход следствия. В этой связи автор записки напоминает Олисею Гречину какой-то другой случай: «Ведь ты видел, как получилось, когда я точно так же поставил перед свидетелями Ивана»[1]. Надо полагать, эта грамота была написана и передана адресату во время судебного заседания перед вызовом Гавки на допрос.

Чрезвычайно интересно для исследователей было выяснить, кто же автор этого документа и его адресат. Для успеха такой попытки важны три обстоятельства: место находки грамоты, действующие лица

Остатки усадьбы на Троицком раскопе (1977 г.).

[1] Грамота дана в переводе.

502

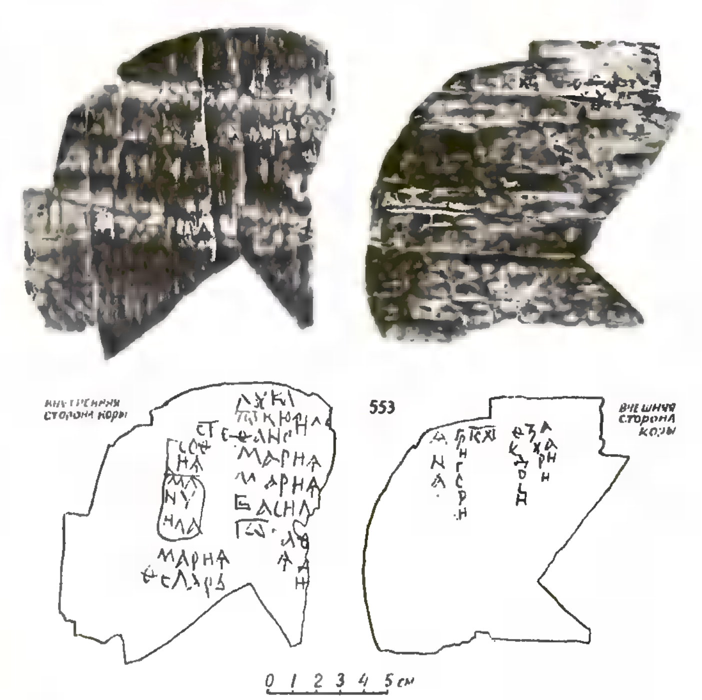
0 1 2 3 4 5 см

Грамота № 502 и ее прорись.

и причастность участников переписки к судебному следствию.

Грамота найдена на усадьбе, тесно связанной с духовенством. Это подтверждается тем, что здесь в числе находок, относящихся к слоям второй половины XII — начала XIII века, имеются обрывки парчи от церковных облачений, обломки ризы храмовой иконы и многое другое, а в комплексе обнаруженных тут берестяных грамот преобладают документы церковного содержания. Вот почему в поисках адресата следовало наибольшее внимание обратить на имена духовных лиц.

Впрочем, уже само прозвище «Гречин» свидетельствовало о принадлежности его носителя к духовенству. Это подтверждается уже летописными источниками. Так, в Новгородской 1-й летописи под 1193 годом имеется рассказ о событиях, последовавших за смертью новгородского архиепископа Гавриила. Гречин в этом тексте не назван христианским именем, что уже само по себе важно: если бы среди новгородского духовенства конца XII века было несколько Гречинов — это заставило бы летописца быть более точным, конкретизировать свое сообщение. Привлекает внимание в этом летописном рассказе и слово «пакы». В контексте «а и сии хотяху пакы Гречина» оно могло быть переведено как «в свою очередь», если бы в следующей фразе не стояло: «в них пакы распря бысть не мала». Очевидно, это слово нужно переводить иначе, а именно «опять». Следовательно, Гречин не впервые в 1193 году домогался святительской кафедры, а участвовал в подобном состязании еще в 1186 году, когда умер предшественник Гавриила Иоанн.

Внутренняя и внешняя стороны грамоты № 553 и прорись их.

Кто же такой Гавка Полочанин, о судебном разбирательстве которого говорится в этой берестяной грамоте? Как историческое лицо он не известен, однако, судя по имени, он был жителем Полоцка, отношения с которым Новгорода в конце XII века были крайне неустойчивы. В 1185 году новгородцы в союзе со смолянами воевали с Полоцком и «взяли с ним мир». В 1191 году новгородцы осуществили в союзе с полочанами удачный поход на чудь, заключив перед этим между собой «любовь», а в 1198 году новгородцы уже снова враждуют с Полоцком, избежав, однако, кровопролития и снова «взяв мир». Таким образом, в грамоте идет речь о конфликте с полоцким гражданином, то есть о столкновении, затрагивающем как бы сферу международной политики.

Что касается самого этого судебного разбирательства, то в рассматриваемое время тут еще не произошел раздел юрисдикции между властью посадника (или князя) и феодальной республикой. Значит, дело Гавки Полочанина, имеющее, очевидно, весьма щекотливый, политический характер, могло разбираться только в местном суде посадника и князя. Самый стиль записки, лишенной традиционных фраз о поклоне, и характер просьбы демонстрируют иерархическое старшинство автора над адресатом. Если отождествление адресата с Гречином летописного рассказа 1193 года справедливо, то в авторе грамоты надо предполагать лицо, имеющее весьма высокий сан в структуре новгородского общества конца XII века. Единственный человек того времени, который мог бы претендовать на авторство такого документа, — знаменитый боярин Мирошка Незденич. Его имя составители указателя к летописям обычно производят (ничем это не аргументируя) от Мирона, однако оно могло быть и уменьшительным от имени Мирослав.

Мирошка Незденич был избран на посадничество в 1189 году. В 1196 году его вместе с другими боярами новгородцы послали к Всеволоду III с требованием прислать к ним на княжение своего сына вместо другого его ставленника — князя Ярослава Владимировича. Посадник тогда был схвачен Всеволодом, что привело к изгнанию новгородцами Ярослава. В плену Мирошка находился до 1197 года, «сидев два лета за Новгород», его возвращению, как сообщает летописец, «ради быша в Новегороде вси от мала и до велика». В 1199 году он снова ездил с посольством к Всеволоду III — за новым новгородским князем Святославом Всеволодовичем. Во время этого путешествия на Селигере скончался архиепископ Мартирий. Умер Мирошка в 1203 году, приняв перед смертью пострижение в Юрьевском монастыре, где и был похоронен.

Если такие наши построения правильны, — в чем, разумеется, полной уверенности быть не может, — то надо отметить, что грамота № 502, которая не могла быть продиктована писцу в силу своего содержания, очевидно, не что иное, как автограф выдающегося политического деятеля древнего Новгорода.

Чрезвычайно интересна и другая берестяная грамота — № 549. Это уже пись-

мо (тоже конца XII — начала XIII в.) Гречину от попа с просьбой написать иконы для деисусного ряда иконостаса. Кстати, данный документ в комплексе с берестяными же найденными нами записками подтверждает, с одной стороны, что Олисей Гречин принадлежит к церковной верхушке, с другой, говорит о нем как об иконописце. В этой связи мы и стали рассматривать все источники о новгородских Гречинах XII—XIII веков.

Под 1226 годом летопись, рассказывая о смерти юрьевского игумена Савватия, его по христианскому имени, однако ей известно имя еще одного Гречина, о котором рассказывается под 1196 годом. Там говорится, что на церкви Богородицы положение ризы и пояса на Пречистенских воротах Детинца была роспись Гречина Петровича. Его можно отождествить с Олисеем Гречиным — священником и живописцем из наших двух грамот. «Напиши ми шестокриленая ангела 2 на довоу икоунокоу на верьхо деисусу» — «напиши мне двух шестикрылых ангелов на две иконки на верх деисуса».

центре не стояло титлов Христа, — ее можно было бы трактовать как церковное поминание, однако наличие таких титлов позволяет понять подпись однозначно: это запись иконной композиции, в центре которой должен был быть изображен Христос, а по сторонам его — святые Анна, Григорий, Феодосий и Захария. Почерк совпадает с почерком грамоты № 552. Это позволяет видеть в грамоте автограф художника Олисея Гречина, записавшего сделанный ему заказ на изготовление иконы. Не исключено, что и грамота № 552 на греческом языке имеет такой же характер.

Грамота № 558 написана тем же почерком, что и грамота № 549, в которой имя автора не было названо. Теперь выяснено, что его звали Миной. Письмо

549

0 1 2 3 4 5 см

Фрагмент грамоты № 549 и прорись всей грамоты.

сообщает о его рекомендации: «Въведете Грьцина попа святую Константину и Елены. И ведоша мужа добра и зело боящася бога гьцина, и постригоша и того дни, марта в 2, на святого Федота; и поставиша игуменом марта в 8, на святого Феофилакта, на сбор». Тот же Гречин в 1229 году называется в числе претендентов на владычную кафедру. А в начале 1231 года летопись сообщает уже о смерти Саввы, который несомненно тождествен Гречину 1226 и 1229 годов. В этом нас убеждает приписка писца: «азъ попинъ грешныи Сава, а мирское Гречин написах книгы сия». Но поскольку его звали Саввой, а не Олисеем, он, как будто, не имеет отношения к грамоте № 502. Впрочем, Саввой он стал только в 1226 году, когда при пострижении в монахи должен был изменить имя. До 1226 года его могли звать и Олисеем.

Однако был и другой Гречин. Как я отмечал, он известен летописцу под 1193 годом, когда выступал кандидатом на владычную кафедру. Именно его мы отождествили с Олисеем Гречиным из грамоты № 502, а следовательно, и 549. Летопись не называет

Фрагменты оклада иконы.

Принадлежность усадьбы художнику подтверждается всем комплексом находок на Троицком раскопе в слоях 13 яруса. В частности, здесь собраны целые коллекции маленьких киотцев, деревянных иконок, краска разных цветов, куски янтаря, в том числе в глиняном горшке, сохранившем следы переплавки его на лак.

В связи с темой нашей беседы интересна и грамота № 553. Если бы в ее

тоже адресовано Гречину — священнику и художнику: «От попа Мины к Гречину. Спешно будь здесь к Петрову дню с иконами». Петров день — праздник летний, бывает 29 июня.

— Как же дополняют друг друга в исторических исследованиях «говорящие» документы — грамоты и «немые» — предметы быта, инструмент и другие вещественные источники, добытые археологами! Ведь ценность берестяных грамот как исторического источника не только в возможности назвать имя человека — хозяина усадьбы или художника!

— Вернемся к началу нашего разговора. Изучение истории Новгорода, как, собственно, и любой большой исторической проблемы, немыслимо без постоянной перекрестной проверки сведений из различных источников. Летописи не всегда дают ответы на вопросы историков. Дело в том, что круг интересов летописца всегда избирателен, он обычно обращает внимание на необычное, из ряда вон выходящее. Пунктуально отмечая, например, поражающие воображение явления комет, он в то же время почти не фиксирует

обычную жизнь общества — не замечает ее именно из-за привычности. Между тем в этой обыденности и заключен ход исторического процесса. Ведь его медленный поступательный ход отчетливо виден на удалении и не всегда ясен современнику.

Берестяные грамоты и весь комплекс других археологических находок наполняют воссоздаваемую исследователями историю новыми точными деталями быта, знакомят исследова-

Деревянные заготовки кивотцев.

Фото С. Орлова.

теля с многообразием оттенков постепенно меняющейся жизни общества, населяют историю живыми, конкретными людьми — ее творцами, и не только в их социальном значении — крестьянин, ремесленник, боярин, священник, государственный деятель, — но и в их индивидуальной жизни. В результате мы «заселяем» древний Новгород совершенно конкретными людьми: попом Миной, посадником Мирославом, художником - священником Олисеем Гречиным. Открытый с помощью берестяной грамоты древний новгородец становится конкретным персонажем, реальным действующим лицом истории.

Находки берестяных грамот, позволившие определять многие усадьбы по именам их владельцев, перебросили для нас надежный мост от материальных комплексов средневекового города к летописям и другим письменным источникам. Каждый из них дополняет другие, а все вместе они дают широкую картину жизни средневекового города. Эти открытия способствовали ликвидации разрыва между археологическими и письменными доку-ментами и создали более прочный фундамент для исторических исследований.

Вот пример, когда берестяные грамоты не только «озвучили» древнюю усадьбу Олисея Гречина, но и помогли решить одну давнюю загадку.

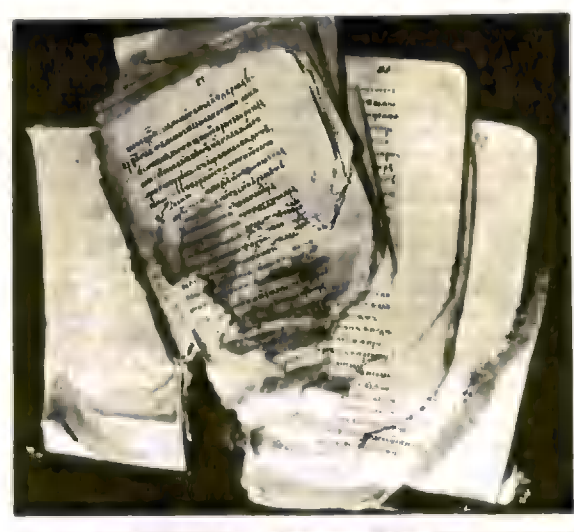
Дело в том, что Новгород не имел своего месторождения янтаря, его завозили из Прибалтики, а использовали при изготовлении украшений. Но довольно часто во время раскопок мы находим много несортового янтаря — мелкие кусочки, кусочки с коркой. Для чего его привози-ли? Мы не знали и не могли объяснить такие находки.

Как-то на Троицком раскопе (здесь был обнаружен и дом Олисея Гречина) мы нашли кусок сваренного янтаря. Было видно, что его сварили специально из мелких кусочков — на нем сохранились следы ткани, в которую завернули янтарную крошку. Кроме того, здесь же были найдены осколки керамического тигля, к которым приклеились кусочки несортового янтаря. Картина прояснилась, когда берестяные грамоты рассказали нам о хозяине этой усадьбы, священнике Олисее Гречине, бывшем и тому же и иконописцем. Оказывается, несортовой янтарь привозили в Новгород для того, чтобы варить из него знаменитый в средневековой иконописи янтарный лак.

Вот вам лишь некоторые, далеко не все, «функции» берестяных грамот как исторического источника широкого профиля. Дальнейшее их изучение в комплексе с другими источниками несомненно принесет новые открытия и решения многих загадок, встающих перед исследователями истории Новгорода.

Чтобы продлить жизнь книги

Г. СМЕТАНИНА

Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде по праву считается одним из богатейших книгохранилищ страны. Ее бесценные сокровища — это древнейшие рукописи, книги в деревянных и кожаных переплетах, писаные на шелку, на пергамене, на тончайшей рисовой бумаге, архивы великих писателей, редкие гравюры, которые доносят до нас отголоски минувшей жизни и которые нужно сделать достоянием веков.

У книжного мира много врагов. И не всегда это беспощадное время или стихийные бедствия. Часто врагами книг оказываются микроорганизмы, плесень, насекомые. Жара, сырость тоже присоединяются к этой разрушительной работе.

Жестокие испытания выпали на долю библиотечных фондов в блокадные дни Отечественной войны. Нужно было спасать духовные ценности, и уже тогда группа биологов, аспиранты публичной библиотеки начали работать над созданием биологических и химических средств защиты бумаги. Такие поиски предпринимались впервые. В числе исследователей была и Юлия Петровна Нюкша, ныне доктор биологических наук, руководитель отдела консервации и реставрации фондов. Сейчас в отделе больше шестидесяти сотрудников — биологов, химиков, художников - реставраторов, гигиенистов.

Что такое долговечная бумага? Каковы ее состав, свойства? Чем гарантируется ее устойчивость во времени? А болезни бумаги, с чего они начинаются? Вот только часть вопросов, ответить на которые предстояло работникам отдела консервации и реставрации фондов. Первоочередной задачей Ю. П. Нюкши было изучение и борьба с плесневыми грибами, этими распространенными вредителями бумаги. Известный миколог, она выявила более 300 видов микроскопических грибов, обитающих на бумаге и разрушающих ее компоненты. Юлия Петровна за годы исследовательской работы собрала коллекцию этих культур — уникальный музей в пробирках. Иные из грибов, развивающихся на книгах, опасны не только для бумаги, но и для человека.

Выявляя особенности этих грибов, их взаимодействие друг с другом, с волокнами бумаги, с клеем, с переплетами, специалисты-исследователи ищут не только химические, но и биологические способы борьбы с ними. Проникая в книги, приспосабливаясь к условиям хранилищ, микроорганизмы, насекомые меняют даже образ жизни, цикл развития в борьбе за жизнь в этих условиях. Гигиенисты и реставраторы регистрируют и регулируют режим хранения, температуру и влажность воздуха. Они испытывали в своей практике разные способы борьбы с книжными вредителями — обеззараживание помещений газообразными препаратами, обработку в высокочастотном электрическом поле, облучение бактерицидными лампами. Однако не ко всем книгам можно применять одинаковые методы защиты: ведь в разные века книги делались из разного материала и до того, как попали в публичную библиотеку имени Салтыкова-Щедрина, они содержались в разных, часто неблагоприятных условиях.

Особенно это относится к старинным изданиям, которыми по праву гордится библиотека, к памятникам духовной культуры часто религиозного содержания и назначения. Здесь сберегаются такие образцы старославянской письменности, как «Остромирово евангелие», «Киевская псалтирь», «Мукaново евангелие». Церковные книги из различных монастырей и потайных кладов попадали в библиотеку имени Салтыкова-Щедрина в запущенном состоянии — не только загрязненные стеарином, восковыми натеками, замусоленные грязными руками, но подчас и пораженные грибами и насекомыми.

Конечно, рукописи, ценные книги пытались реставрировать и раньше, но делали эту работу с помощью грубого ржаного клея, который в свою очередь становился местом обитания грибов и бактерий.

Сейчас найдены и применяются разнообразные специальные, в том числе искусственные, материалы, защищенные от преждевременного разрушения. Работники отдела консервации и реставрации фондов по-новому подошли к удалению старой реставрации. Раньше целый день нужно было сидеть со скальпелем и пинцетом, чтобы с изорванного на сгибах и по краям листа снять многовековые наслоения. Теперь процесс обработки бумажного материала значительно ускорился. Ю. П. Нюкша получила авторское свидетельство на способ очистки листов произведений печати и рукописей с помощью ферментных препаратов, которыми одновременно можно обрабатывать 50—100 листов — удалить загрязнения, пятна, прежние подклейки. Найдены условия обработки разнообразных библиотечных материалов препаратами направленного действия, рассчитанными на удаление крахмала, животного клея и т. д. Обладая ценными биологически активными свойствами, препараты не взаимодействуют с целлюлозной основой бумаги.

Обычное для библиотеки явление — в большом зале много сотрудников на больших столах «препарируют» книги, лист за листом, собирая пинцетом по строчке и по букве разрушенные листы книг XV, XVI веков. Дополняют отсутствующие уголки, разорванные части бумаги. Кропотливый труд занимает недели, месяцы.

Сейчас в библиотеке изобретена новая отечественная машина РОМ-2, подобной которой нет ни в одном хранилище мира. Ее обслуживают всего два реставратора. В специальных растворах разрушенные листы книг моют, дезинфицируют, а затем «доливают» целлюлозной массой вместе с синтетическим волокном, отжимают, прессуют, сушат, подрезают по формату, заново переплетают. И книга, которую невозможно было не то что читать, но и держать в руках,— настолько она была гнилой и трухлявой,— снова становится прочной и красивой.

Человек дает книгам вторую жизнь, сохраняя духовную мудрость прошлого.

Новое в мире древностей

Сколько лет шахматам — игре, которой увлекаются во всем мире! Еще сравнительно недавно на основании письменных источников и археологических данных их появление относили к VI—VII векам нашей эры. Английский востоковед Г. Мэррей, изучавший историю шахмат, называл 570 год. Затем экспедиция Института искусствознания имени Хамзы во время раскопок 1972 года на городище Дальверзин-тепе обнаружила шахматные фигурки в слое, датируемом II веком нашей эры. И вот новые данные: шахматам — восемь тысяч лет! Как сообщает информационный бюллетень ЮНЕСКО № 11 за 1977 год, к этому выводу пришел советский археолог В. Массон в результате раскопок поселения VI тысячелетия до нашей эры на территории Туркмении. Найденные шахматы относятся к неолитической эпохе.

■

На севере Греции, в районе города Верия, обнаружена могила одного из македонских царей. Захоронение представляет собой склеп, стены которого украшены росписями, изображающими похищение дочери Зевса Персефоны богом подземного мира Плутоном, а также различные сцены охоты. В центре его гробница. Найдены символы царской власти, различные украшения, посуда, воинские доспехи и т. д.; видны следы жертвоприношений — сообщает информационный бюллетень ЮНЕСКО (1977, № 11).

Захоронение датируется 350—320 годами до нашей эры. Предполагается, что здесь погребен Филипп II (ок. 382—336 гг. до н. э.), отец Александра Македонского, который правил в это время в Македонии. Известный военачальник.

Это предположение подтверждается и находками. Так, боевые щитки, прикрывающие голень, имеют разную длину, а, как известно, Филипп II хромал. Пять миниатюрных портретов из слоновой кости, обнаруженные в гробнице, по мнению специалистов, — это Филипп, его родители, одна из жен — Олимпия и их сын Александр. Причем головка Александра совпадает с имеющимися его изображениями.

В прилегающем помещении находятся и другие захоронения, среди которых, как предполагают, могила одного из генералов Александра Македонского — Антигоноса.

Эти ценные находки хранятся сейчас в музее в Салониках, где их тщательно изучают эксперты, чтобы вынести окончательное суждение.

■

Карфаген (на языке финикийцев — новый город) был основан в Северной Африке в 825 году до нашей эры выходцами из города Тира. Благодаря удачному географическому положению Карфаген стал могущественным рабовладельческим городом-государством, крупным центром посреднической торговли, успешно соперничавшим с самим Римом. Борьба за власть, за влияние в Средиземноморье явилась причиной трех Пунических войн, которые вели Карфаген и Рим с перерывами в 264—146 годах до нашей эры. Победу одержали римляне. Карфаген был разрушен, жителей его продали в рабство, а созданная ими цивилизация почти бесследно погибла.

Раскопки на территории некогда могущественного города-государства начались в 50-х годах прошлого века. Найдено боевое оружие, обнаружены святилища, некрополи.

Сейчас принято решение: Карфаген вновь станет живым городом. По сообщению информационного бюллетеня ЮНЕСКО (1977, № 11), археологи из различных стран уже несколько лет работают над его восстановлением в соответствии с программой ЮНЕСКО. Город станет национальным парком Туниса. Будет восстановлен исторический центр, где совершались жертвоприношения, приведены в порядок два озера и канал, соединяющий город со Средиземным морем.

Дань с каждой семьи

В прошлом году в вашем журнале в № 10 была статья «Останемся верны» — продолжение спора о крестиках. Какой же большой получился из-за маленького крестика разговор! Думаю, правильно многие читатели осудили тех модников и модниц, кто носит крестик вместо украшения. Ответили справедливо и тому защитнику церкви, который говорил в своем письме, будто бы она помогала нищим. Уж я-то знаю, как она помогала!

Я 16 лет прожила при царе. Маленькой девчонкой, лет десяти, ходила в церковь за три километра от дома по всем праздникам и воскресеньям. Мама наша была очень верующей, считала большим грехом не молиться в божьем храме, а сама не могла туда ходить, потому что дети были малые — у нее нас было шестеро. Вот и посылала меня как представителя от всей нашей большой и бедной семьи. Помню я и нищих, что стояли плотным рядом на церковной паперти, и перед каждым — корзинка для милостыни. Богомольцы клали туда кто кусок хлеба, кто копейку. Таких, чтобы совсем уж ничего не подали, придя помолиться, не было в селе. А когда кончалась обедня, — паперть тут же пустела: нищие бежали побираться по деревням.

Кто же помогал нищим? Церковь? Нет, народ, который и сам-то жил бедно.

А вот пастыри наши духовные — те обирали крестьян. Самое хорошее поле в нашем селе и сейчас называется попово поле, потому что когда-то принадлежало приходским попам. Они менялись, а поле оставалось за священником. Но ни один из них не обрабатывал эту землю сам, а сдавал ее в аренду и получал немало. Да, кроме того, при поповском доме был еще плодовый сад. Помню я, как каждую осень попы собирали с крестьян «новь». Приезжает к нам батюшка в запряженной сытой лошадью телеге, а на ней уже лежат полные мешки. Мама тоже выносит лукошко ржи — килограммов на десять, хотя нам самим урожая не хватало, докармливали нашу семью — не даром, конечно, — деревенские торговцы. А поп набирал с таких же бедных семей целый воз зерна.

Собирали попы с дворов не только рожь, но и сметану, яйца. Вот раздается громкий стук палкой в нашу дверь. Выглядываю в окошко: кто там? А это батюшка подъехал в своей коляске на рессорах, а в ней — эмалированная бадья и здоровущая корзина для яиц. «Петровщину для отца Николая!» — говорит он. Бабушка тут же выносит миску сметаны и дюжину яиц. Мы, детвора, глядим да облизываемся — нам-то сметанки в пост не дадут. Священники знали, что в петров пост в каждой избе копятся сметана и яйца, вот и ездили собирать.

И сколько же бывало у нас таких вот гостей, монахов и попов. Наше село расположено на Волге, на родине Н. А Некрасова. Был поблизости — в Бабийках мужской монастырь. Затем недалеко, километра через два, в посаде Большие Солоницы, было пять церквей. Далее, через четыре километра, — село Малые Соли, а в нем три церкви, еще подалее — наше село и снова церковь... И вот я насчитала на 10 километрах по берегу Волги 10 храмов.

А как обстояло дело с учебой? Я училась в трехклассной школе в нашей деревне Харино. Ходили в нее ребятишки из пяти деревень. Большинство учеников были мальчики и лишь 17 девочек, а закончили ученье 11 мальчиков, а из девочек я одна — это на пять-то деревень!

Вот пусть тот ваш читатель, который написал вам, что церковь способствовала просвещению, сосчитает на моем примере процент грамотности в сельской местности в те времена, когда церковь «помогала бедным».

Е. БАШАРИНА

с. Красное Некрасовского района Ярославской области

Зачем унижать себя?

Я давняя читательница вашего журнала, который дает мне так много пищи для размышлений. Мне не раз приходилось читать о том, что часто к религии обращаются люди, сломленные болезнью, душевными страданиями или просто обойденные людским вниманием. Вот поэтому у меня и появилось желание написать вам. Может быть, мое письмо кому-нибудь поможет избежать ошибки, не искать утешения там, где его нет и быть не может, — у бога.

Я страдаю одним из детских врожденных заболеваний, но поверьте мне, что никогда, ни в чем я не чувствовала себя хуже других людей! Не чувствую, что я душевно слабее иных. И уж, конечно, никогда не приходила в голову мысль искать утешения и помощи в церкви или в молитвенном доме.

Возможно, все дело в том, что выросла я в семье, где о боге не упоминали. Мама моя—коммунист. И даже моя старенькая бабушка, ей 87 лет, относится к религии с некоторой иронией.

В детстве я много болела, да и сейчас не отличаюсь здоровьем, но всегда находятся люди, готовые прийти на помощь. Правда, встречались изредка «жалельщики», советовавшие молиться, чтобы бог послал исцеление, но я их не слушала. А тех, кого я хочу вспомнить добрым словом, много.

Более пятнадцати лет назад лечилась я в институте травматологии в Ташкенте. Перенесла тяжелую операцию, долго лежала в гипсе. Но даже там мы, больные, не теряли чувства юмора, смеялись, пели. Наши врачи и медицинские сестры, нянечки и повара отдавали нам все свое умение и душевное тепло. На всю жизнь сохраню я благодарность к профессору Б. И. Бершнеру, доценту В. А. Сорокиной, ко всем, кто поставил меня на ноги.

Тогда я училась в десятом классе, но весь учебный год я проболела. И не было дня, чтобы из нашего маленького городка Байрам-Али в Туркмении не пришло мне хотя бы одно письмо со школьными новостями, с подробным объяснением новой темы или урока.

Когда же мама привезла меня еще в гипсе домой, у нас дома состоялось комсомольское собрание нашего класса. Решили: мне не раскисать и учиться. Одноклассники приходили каждый

день объяснять задания, просто поговорить, а учителя по мере надобности приходили спрашивать. Спрашивали, как всех,— без скидок на мое положение.

В апреле я вернулась в свою школу, в свой класс. Отставала я по математике, пришлось заниматься летом, живя за городом у нашей учительницы Марии Аполлинарьевны Табановой. В доме ее мне было хорошо, «как дома».

Школу окончила вместе со всеми ребятами. У нас был чудесный выпускной вечер, и радостный, и грустный. Спасибо вам, мои дорогие одноклассники и учителя, за все, что вы для меня сделали!

Потом были студенческие годы, университет, защита диплома — все, как у всех. Бывало, конечно, и трудно, порой до отчаяния, но всегда на помощь приходили люди.

Три года назад случилась со мной новая беда: попала под машину, и снова в больнице с тяжелейшим переломом правой руки. Лечилась почти два года. И опять рядом со мной были моя сильная духом, мужественная мама, мой заботливый муж, врачи. Основное заболевание значительно осложнило лечение. Что скрывать, первое время так отчаивалась, что и жить не хотелось. Но мои близкие и врачи помогли мне не только выздороветь, но и поверить в себя. Появилось желание выстоять, победить свое горе и отчаяние. И если произошло в моей жизни еще одно чудо, то сотворили это чудо люди в белых халатах. Они стали мне близкими, эти люди: главный нейрохирург Туркменской ССР Ю. М. Волобуев, хирурги-травматологи Б. М. Новгородский, О. М. Ходжаев, О. А. Мавыев, Д. С. Давлетсахатов и многие другие, медсестры, нянечки травматологического отделения республиканской клинической больницы имени Н. И. Пирогова.

Но вот однажды в нашу палату поступила пожилая женщина, которая постоянно шептала молитвы. Она не ела мясного, сказала, что сейчас великий пост. Общие страдания сближают людей, а эта больная держалась особняком, ни с кем не разговаривала, но, увидя, что после перевязки я мучаюсь от боли, она сказала: «Богу бы молилась, он бы тебя не карал!» Я спросила: «За что ему меня карать?» Она заявила: «Значит, мать или еще кто в семье виноват». Мне стало так обидно за маму, и я ответила, что уж очень боженька на палача смахивает. Поддержали меня и соседки по палате.

Когда приходится читать в вашем журнале, что кого-то болезнь или обида заставила обратиться к религии, делается неловко за этих людей. Зачем же им еще унижать себя верой в несуществующего бога? Вот и все, что я хотела вам написать.

Т. АБРАМЕНКО

г. Ашхабад

Из-за одного яблока

Родился я в семье сельского священника. Отец и мать были, разумеется, очень религиозны. Нас, пятерых детей, чуть не с пеленок приучали молиться, креститься. Хождение в церковь было обязательным, а младенцев приносили на руках. Там нам все казалось необычным, таинственным: и одеяния и пение хора на непонятном языке. Когда я подрос, то невольно стал сам себе задавать множество вопросов. Мой отец — священник, он — служитель господа, а что такое господь, бог? Что такое религия? Заключается ли она только в том, что люди ходят в церковь, молятся и крестятся?

Все эти вопросы заставили меня взяться за книги Льва Толстого и Поля Гольбаха. А много позже я перешел к произведениям Ленина и Маркса и уже не сомневался, что религия — это опиум народа, а всякая молитва бесполезна. Моему отрицанию религии способствовали и сами противоречия, которые я находил в ней. Если бог один, единый для всех, то зачем же столько разных религий? Может быть, вера в бога необходима лишь для того, чтобы убитый горем человек мог обратиться к нему в надежде на помощь? Если человеку становится невыносимо худо, он идет излить душу к священнику, к своему пастырю — посреднику между милостивым и всемогущим богом и этим несчастным. А когда плохо самому священнику — к кому же ему идти?

Юношеский этот мой вопрос возник не на пустом месте. Отец мой сильно заболел. Ревматизм (кстати, частая весьма болезнь у священников в связи с их профессией) не давал возможности ему держаться на ногах в течение всей службы, а потом и ходить стало тяжело. Мы, вся семья, были очень обеспокоены здоровьем отца, а он, надеясь на бога, опускался с ужасной болью на колени и воздевал руки к иконам, потом с трудом подымался, читал акафисты и плакал, прося чуда. Исцеление пришло после лечения на курорте, куда отца отвезли на два месяца. После этого я окончательно убедился, что надежда на бога — унизительна и лжива. Если он есть, почему же столь жесток к людям? Бог покарал род людской несчастьями из-за одного только яблока, съеденного в райском саду Адамом и Евой. Всех их потомков объявил грешными и мстит им во все века. Умная ли сказка?

Мне 70 лет, я пенсионер, но тружусь, потому что не могу жить без работы. Труд и любовь к искусству дают мне радость. Новое поколение, свободное от религии, преображает мир, и я горжусь тем, что пришел к атеизму и принимаю посильное участие в этом преобразовании.

В. ЦЫБЕНКО

г. Томск

● Суеверный — а от тринадцатой зарплаты не отказывается.

● Если бы Ева не поспешила съесть яблоко, возможно, закон всемирного тяготения открыла бы она.

● Сбор макулатуры во имя Дюма-отца и Дюма-сына.

● Гадалка предсказывала судьбу-индейку так: клиенту судьбу, индейку себе.

Борис **НОТКИН**

г. Ленинград

● Следует ли считать грехом злоупотребление своими добродетелями?

Оскар **КАПЛАН**

г. Житомир

● Даст бог день — даст и пищу для разговоров.

Теодор **БЕР**

● Мы так похожи на богов, что можем уже обойтись без них.

● Святой — это чертовски осторожный грешник.

Аркадий **ДАВИДОВИЧ**

г. Воронеж

НТР и религиозное сознание

В. МОСКАЛЕНКО, доктор философских наук,
А. ШИШКИН

СЕРЕДИНА XX века ознаменовалась началом новой величайшей научно-технической революции, с которой связаны многие явления современной жизни и в которую вовлечены огромные массы людей. Современная НТР охватила не одну какую-либо область знаний или производства, она захватила все отрасли науки, техники и промышленности, влияет на все сферы жизни.

Отличительная особенность НТР сегодня — активное и целенаправленное проникновение человека в различные явления и процессы природы и общества, все более глубокое их постижение, быстрое внедрение новых открытий в практику, в быт. В результате у широких масс людей рождается и крепнет вера в силы человека, в его разум и возможности овладения закономерностями окружающего мира. Как фактор общественного прогресса НТР не только способствует возрастанию господства человека над силами природы и общества, но и эмансипирует его от всех видов духовного рабства, в том числе и от религии, выступает как средство его самоутверждения.

Все это безусловно оказывает огромное влияние на духовную жизнь общества. Заметно повышается удельный вес и авторитет научных знаний, и в связи с этим повсеместно снижается роль религиозных верований, сужается сфера их действия, уменьшается сила убежденности верующих в правоте, непогрешимости религиозной картины мира.

Особенно благотворно влияние НТР на духовный мир человека в условиях зрелого социализма. Ведь органическое соединение преимуществ социализма и достижений НТР — одна из важнейших закономерностей развития социалистического общества. «Мы, коммунисты, — говорится в материалах XXV съезда КПСС, — исходим из того, что только в условиях социализма научно-техническая революция обретает верное, отвечающее интересам человека и общества направление. В свою очередь, только на основе ускоренного развития науки и техники могут быть решены конечные задачи революции социальной — построено коммунистическое общество» [1].

Сами социальные условия у нас благоприятствуют развертыванию НТР, причем все ее достижения служат подлинно гуманным целям материального и духовного освобождения человека, формирования новой личности эпохи коммунизма. И можно сказать, что в настоящее время под непосредственным влиянием всех этих факторов наступил, по сути, качественно новый этап борьбы науки против религии, знания против веры, научного мировоззрения против религиозного миропонимания.

Однако тут следует отметить, что влияние, которое НТР и сопровождающие ее процессы оказали на эволюцию религиозного сознания, механизм этого влияния пока еще слабо изучены. Вполне очевидно, что оно опосредовано типом производственных отношений. А это означает, что лишь при наличии коммунистических производственных отношений можно рассчитывать на полное угасание религиозных представлений, их окончательное исчезновение. Вспомним в этой связи слова Маркса: **«Религия будет исчезать** в той мере, в какой будет развиваться социализм» [2]. И действительно, в условиях развитого социализма, как уже отмечалось, НТР стала одним из важнейших факторов кризиса религии.

Вообще в результате НТР во всем современном мире место и роль человека в производственной деятельности, сам стиль его жизни и мышления коренным образом изменились. Сужая базу доверия к религии среди широких масс людей, НТР становится постоянно действующим секуляризирующим фактором. И это вынуждены признавать даже теологи и руководящие деятели самых различных церквей. Так, католические епископы особое внимание сейчас стали обращать на «развитие позитивных наук», «углубление человеческих знаний». Они с беспокойством говорят о том, что научно-технический прогресс и социальное развитие создают весьма «благоприятную почву для секуляристских тенденций, содействующих развитию гуманизма, замкнутого или откровенно враждебного религиозному смыслу». Таким образом, влияние НТР на религиозное сознание приобретает теперь буквально глобальный характер, активно проявляется не только в социалистических странах, но и в капиталистических, а также в странах «третьего мира». Разумеется, степень этого влияния самым непосредственным образом зависит от социальных условий, от общественного строя.

В странах социализма, где социальная направленность НТР совпадает с основным направлением социального прогресса (ведь тут их конечная цель — всестороннее развитие человека), влияние НТР на угасание религиозного сознания проявляется сильнее всего. А в капиталистических странах, где достижения НТР используются не для блага человека, а для наживы, секуляризирующее влияние НТР носит весьма противоречивый характер. Здесь можно выделить две прямо противоположные тенденции: позитивную и негативную.

Позитивная — когда НТР разрушает религиозные верования в массовом сознании, способствует росту религиозного индифферентизма, секуляризма и даже атеизма. Например, во Франции число католиков, посещающих воскресную мессу, сократилось с 27 процентов в 1966 году до 21 процента в 1972 году. В условиях капиталистического общества это вызвано не только быстрым развитием науки и техники, но и противоречиями, разъедающими буржуазное общество, социальными изменениями, происходящими в капиталистических странах.

Именно такая, по сути дела, массовая тенденция заставляет католическую церковь, хотя и весьма осторожно, пересматривать свое традиционное отношение к науке. Еще в 1950 году, когда революция в науке и технике только начинала активно вторгаться в жизнь, папа Пий XII в энциклике «Гумани генерис» заявил, что если новые открытия в науке будут противоречить «доктрине, данной в откровении богом, — такое исследование не должно быть абсолютно отвергнуто». Говоря о терпимости церкви к науке, папа утверждал, что ученый раскрывает богатства, сокрытые творцом в его творениях. Причем этот дар исследования ученый якобы получает от бога. И чем больше прогрессирует наука, тем больше она его открывает.

Эту линию продолжил и папа Павел VI, доказывая гармонию знания и веры. Обращаясь к папской Академии наук, он утверждает: «Католической церкви необходимо сделать тес-

[1] «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, стр. 47.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Об атеизме, религии и церкви. М., 1971, стр. 470.

нее самые искренние отношения с современным миром науки.... Нами движет уверенность в том, что наша религия не только не создает никаких препятствий изучению истины природы, но что она может, не выходя за пределы собственной сферы, пересекать границы сферы, в которой господствует наука в собственном смысле слова, помогать научному исследованию для блага человечества».

Разумеется, подобные признания не выходят за рамки утверждения, что наука — порождение бога, а успешное ее развитие, раскрытие ею тайн мироздания — это, мол, реализация божественных планов. Вот как об этом пишет один из теоретиков католицизма Д. Граско: «Мы не знаем, сумеет ли человек когда-либо постичь все тайны мироздания. Но со стороны бога препятствий нет. Он этого желает, потому что знание следствий не может не отражаться на лучшем знании причины». Подобные рассуждения преследуют вполне земную цель — придать религии характер универсального мировоззрения, вернуть ей доверие масс, весьма существенно подорванное развитием НТР.

Другая тенденция — негативное влияние НТР в буржуазных странах — заключается в некотором оживлении религиозных верований в массовом сознании людей современного буржуазного общества. Возьмем здесь в качестве примера опять Францию. Проведенный Французским институтом общественного мнения опрос показал: 27 процентов верующих полагают, что прогресс науки и техники содействует ослаблению влияния религии. Однако другие 33 процента считают одним из важнейших моментов, способствующих сохранению религиозности, потребность верить в какой-то другой мир, противопоставляемый миру техники, столь враждебному человеку в условиях господства капитала.

Развитию такой тенденции способствуют представители так называемого «критического сознания», стихийно вырастающего на почве капитализма. Они объявляют успехи НТР происками дьявола и возлагают на нее вину за все социальные бедствия и страдания людей. Подобные пессимистические умонастроения, характерные для буржуазных стран, усиливаются общей неуверенностью в завтрашнем дне. Это реальное недовольство трудящихся масс использованием достижений науки в интересах эксплуататорских классов перерастает нередко в иррационалистические, антиинтеллектуалистические настроения. Наука, таким образом, превращается в «дьявольскую силу» и представляется антисциентистскому сознанию главной социальной опасностью.

Но, как известно, достижения науки и техники сами по себе не могут быть ни добрыми, ни злыми, хотя в условиях капитализма научно-технические открытия очень часто используются во вред большинству людей. Маркс отмечал это еще в раннюю пору капиталистической индустриализации, показывая, что применение машин углубляет противоречия буржуазного общества. «В наше время, — писал он, — все как бы чревато своей противоположностью. Мы видим, что машины, обладающие чудесной силой сокращать и делать плодотворнее человеческий труд, приносят людям голод и изнурение. Новые, до сих пор неизвестные источники богатства благодаря каким-то странным, непонятным чарам превращаются в источники нищеты. Победы техники как бы куплены ценой моральной деградации. Кажется, что, по мере того как человечество подчиняет себе природу, человек становится рабом других людей либо же рабом своей собственной подлости»[3].

Среди антитехнократов и антисциентистов современного капиталистического общества по их отношению к НТР можно выделить две основные группы. Представители одной из них предлагают понять «неотвратимость технотронного будущего», примириться с ним и выработать в себе такие индивидуальные регуляторы, которые способствовали бы самосохранению личности через состояние «внутреннего индивидуального саботажа». Другие видят выход в культивировании «внетехнологических» областей деятельности. Для религиозных персоналистов и экзистенциалистов это пребывание в состоянии экстатической веры. А это в свою очередь ведет к оживлению различного рода мистических настроений и, конечно же, традиционных религиозных верований.

Рассматривая сложные противоречивые отношения к НТР в современном массовом сознании капиталистического общества, необходимо ясно видеть как общее, так и специфическое в их проявлении. Ведь здесь мы имеем дело с сознанием, которое отражает качественные особенности капиталистической практики без ее критического осмысления и теоретического обобщения.

В то же время буржуазные философы-идеалисты, теологи, пытаясь критиковать роль науки и техники в жизни, те или иные особенности НТР, отрицательные последствия которых в капиталистическом обществе явны, очевидны всем, вовсе не стремятся раскрыть самую суть, природу этих негативных явлений и их социальных последствий в условиях капиталистического строя, не борются с ними. Более того, религиозные теоретики твердят, что нужно смириться с ними, положиться на волю божью, что выход один — в религиозной вере, ее усилении, в согласовании, примирении науки и религии. В противоположность им марксисты, подвергая аргументированной критике с позиций диалектического материализма несостоятельность попыток теологов сблизить, примирить науку и религию, не только вскрывая отрицательные стороны НТР, но и показывая ее положительные аспекты, указывают реальные пути, как использовать их на благо человеку.

В любой современной религии имеются, как известно, две стороны: определенная система догм и представлений о творце и мире, человеке и душе и столь же определенная социальная ориентация. Обе стороны испытывают сегодня самое непосредственное влияние последствий НТР и в результате заметно подрываются. Достаточно, например, сказать, что подавляющее большинство верующих за объяснением тех или иных социальных явлений обращаются теперь не к авторитету церкви, а к науке.

Иначе говоря, религия в целом — как мировоззрение масс — переживает в настоящее время глубочайший кризис, сопровождаемый прямым отвержением ее основ — веры в существование сверхъестественного, в бога в любой форме. Это подчеркнуло и Международное Совещание коммунистических и рабочих партий (1969 г.), указав, что сейчас все религии «переживают идеологический кризис, расшатывающий их вековые концепции и сложившиеся структуры»[4]. Причем особенно интенсивно такой процесс идет в социалистических странах, хотя он присущ и миру капитала.

Как показали многочисленные социологические исследования, после окончания второй мировой войны во всех странах капитала значительно сократилась посещаемость церквей и молитвенных домов. Все меньше становится людей, регулярно выполняющих религиозные обряды. Прежде всего этот кризис религиозного сознания проявляется в резком падении авторитета и влияния церквей, нарастающем понимании широкими массами верующих преимуществ науки и техники и несостоятельности религиозных представлений и религиозного миропонимания перед лицом современной НТР. Не случайно, например, после окончания Второго Ватиканского собора (1962—1965 гг.) католических теологов очень стала волновать проблема так называемого «четвертого человека» в религиозном мире. Кто же этот «четвертый»?

«Четвертый человек» впервые возник в книге патера Роберта Давези «Улица и церкви», изданной в 1968 году. Обращение к нему отражает огромные изменения, которые совершились к тому времени в сознании широких масс верующих. «Первый человек», согласно этой версии, — верноподданный сын церкви, вполне удовлетворенный традиционным учением христианской церкви. «Второй человек» — дитя середины XX века, во многом сомневающееся и колеблющееся в отношении религии, но еще считающее возможным реформировать церковь и приспособить ее к потребностям жизни. «Третий человек» существенно отличается от предыдущих двух: он уже не надеется на реставрацию религии, совершенно к ней охладел и не доверяет ей. Но главная печаль и забота современных теологов — «четвертый человек». Религия становится ему противна, он открыто бунтует против нее, покидает ее навсегда.

И таких в капиталистических странах в настоящее время немало: по данным исследований, третья часть их населения вырвалась из-под влияния религиозной идеологии. Падает во всех буржуазных странах и престиж служителей в религиозных учебных заведениях. Многие религиозные общины уже длительное время не имеют постоянных священнослужителей. По данным Ватикана, в 1964—1968 годы сняли с себя сан и порвали с религией 3568 католических священнослужителей, а в 1971 году число их было еще на 8,8 процента меньше, чем в 1970 году. Только в Италии, этой цитадели католицизма, в период с 1881 по 1961 год число их уменьшилось с 84 834 до 43 187, хотя общее число жителей страны возросло почти вдвое — с 28 до 52 миллионов. В США ежегодно око-

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 4.

[4] «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы». Москва, 5—17 июня 1969 г. М., 1969, стр. 310.

по 3 тысяч протестантских и 2,5 тысячи католических служителей культа снимают с себя сан.

Ясно, что в таких условиях все религии, как уже отмечалось, модернизируются — стремятся приспособиться к миропониманию современного человека. В большей или меньшей степени эта модернизация проявляется в отказе от наиболее архаичных и примитивных представлений, в аллегорическом толковании содержания «священных книг», в постоянных попытках доказать сходство, даже родство религиозной и коммунистической морали. Более того, христианские церкви, да и многие другие религиозные организации, молчаливо соглашаются с дополнением их вероучений идеями пантеизма, деизма и т. д. А ведь еще совсем недавно все это считалось страшнейшей ересью. Модернизация проявляется и в некотором сужении и упрощении ряда культовых действий. Так, мусульмане не строго, как прежде, соблюдают пост. Многие католические священники открыто говорят ныне о своих сомнениях в папской непогрешимости и все настойчивее требуют отмены целибата (запрета брака для служителей культа).

В социалистическом обществе секуляризирующее воздействие НТР на сознание масс оказывается гораздо более сильным, чем в буржуазном. Как известно, сама природа общественных отношений, образ жизни и мышления при социализме коренным образом отличаются от капиталистических.

Изменения религиозных представлений в условиях победившего социализма чрезвычайно велики. И это понятно! В нашей стране подорваны социальные корни религии. За 60 лет неизмеримо выросли образованность и сознательность советских людей. Религия в их глазах утратила не только иллюзию своей социальной необходимости и полезности, но и свою функцию объяснения мироздания. В умах миллионов и миллионов советских людей прочно утвердилось диалектико-материалистическое мировоззрение. Утратила в основном религия в нашей стране и свою важную роль регулятора нравственного поведения людей.

Ликвидация основных социальных причин воспроизводства религиозности уже сама по себе объективно ведет к ее угасанию, отмиранию. Она, однако, усиливается и ускоряется многообразной воспитательной работой Коммунистической партии по формированию нового человека. Успешно идет этот процесс и в других социалистических странах.

Можно уверенно сказать: сегодня абсолютное большинство населения нашей страны является не просто неверующими, а сознательными, убежденными атеистами. Наше общество — это, по сути, общество массового атеизма.

Какова же позиция русской православной церкви в отношении современной НТР?

Православные богословы считают, что «роль науки в наше время трудно переоценить, она так или иначе внедрилась во все сферы деятельности человека, поэтому для того, чтобы лучше понять все происходящее, необходимо быть знакомым с современным знанием. И только умелое сочетание научных истин с богословскими представлениями поможет удовлетворить запросы христиан своего времени»[5]. На поместном соборе русской православной церкви (1971 г.) было высказано одобрение концепции «теологии революции». Причем признание необходимости революционных изменений распространялось и на социальную сферу. И это понятно.

Однако при всем этом мы должны четко представлять, что сам по себе кризис религиозного сознания отнюдь не ведет к автоматическому отмиранию религии, хотя значение секуляризирующего воздействия НТР на мировоззрение верующих в условиях социализма и чрезвычайно велико.

Вот почему в практике атеистической работы необходимо тщательно изучать и учитывать все эти факторы. Ее сегодня невозможно успешно вести без знания требований, продиктованных НТР. Но для того, чтобы эту задачу решать, необходимо также исследовать атеистический аспект тех сложных проблем, которые НТР ставит перед общественным сознанием. «Такой подход, — говорится в работе Е. М. Бабосова «НТР и ее влияние на духовный мир человека», — позволит от общих рассуждений о влиянии научно-технического прогресса на ослабление влияния религии, на миропонимание нашего современника перейти к анализу конкретных путей, форм, способов атеистического воспитания, расшатывающих устои религиозного миропонимания, содействующих формированию научного мировоззрения»[6].

При этом следует помнить еще об одном факторе. Ведь человек всегда остается существом социальным — постоянно стремится к общению с другими людьми, нуждается в нем. И вот там, где социальные связи ослаблены, такую интегрирующую функцию стремится восполнить религия. В подавляющем большинстве случаев ей в условиях нашего общества это не удается, так как все больше советских людей начинают понимать, что религия несет лишь мнимое, иллюзорное приобщение к реальному миру и в этом смысле действительно является «опиумом народа». Однако тут при недостаточной атеистической убежденности может случиться, что в сознании некоторых людей на смену традиционным верованиям приходит не материалистическое мировоззрение, а другие варианты религии — пантеистическая, деистическая и т. п. Весьма характерна, например, для современных верующих — советских людей — трактовка в пантеистическом и деистическом духе основной идеи любой религии — идеи бога.

Тем не менее все конфессии в нашей стране переживают глубочайший кризис. Как известно, религия и в прошлом под влиянием изменений социально-экономической и духовной жизни переживала ряд кризисов. Более того, некоторые ее формы в таких случаях безвозвратно исчезали или значительно видоизменялись. Но тогда это были кризисы не всего религиозного сознания, а локальные или же преходящие явления. И, что самое важное, они не сопровождались массовым распространением атеизма. Сегодня советские исследователи, социологи и психологи, убедительно показали: в сознании современного верующего происходит уже неотвратимое размывание религиозных представлений. Иначе говоря, религия в нашей стране активно «обмирщается», модернизируется, приспосабливается к новым условиям жизни. Основная же тенденция в условиях социализма состоит в ее преодолении.

Итак, уменьшение влияния религии в современном мире, где царит НТР, проявляется в самых различных видах и формах — в зависимости от общественного строя: в изменении ее места и роли в обществе, в значительном сужении круга выполняемых ею гносеологических и мировоззренческих функций, в изъятии образования из ведения церкви, в широчайшем развитии светского искусства и т. п. В свое время К. Маркс писал, что религия есть «всеобщее основание для утешения и оправдания»[7]. Сегодня она потеряла эту функцию: самым широким массам людей во всем мире все нагляднее, яснее становится ненужность религиозного утешения, нравоучения и объяснения мироздания.

Если внимательно присмотреться к духовному облику современного верующего, то станет видно, что у него уже нет целостного религиозного сознания, как прежде, нет некритического слепого восприятия исповедуемой им религии. И одна из важных причин нарушения целостности религиозного сознания — влияние современной НТР. Причем этот процесс угасания религиозных представлений быстрее и заметнее всего совершается среди молодежи. Можно сказать, что подавляющее большинство молодых людей остро критически относятся к религии и церкви, хорошо видят несостоятельность их положений. При этом очень важно, что, как уже отмечалось, в сознании современных верующих подвергается деформации основная религиозная идея — идея бога. Для многих из них само слово «бог» стало, по сути, пустым звуком, а для значительной части бог уже не выступает в роли первотворца и вседержителя мира.

Для утверждения правильной мировоззренческой ориентации большое значение имеет быстро и непрестанно изменяющаяся и усложняющаяся научная картина мира. Современная НТР ведет ко все большему преобладанию в сознании людей элементов научного мировосприятия и вытеснению из него ненаучных и суеверных представлений. Уже само по себе ускоренное и углубленное раскрытие вековых тайн природы ослабляет одну из основ религии — искаженное, превратное, фантастическое отражение в сознании людей господствующих над ними стихийных сил природы. Ведь любое новое открытие в науке наглядно де-

[5] «Журнал Московской патриархии», 1970, № 12, стр. 25.
[6] «Вопросы научного атеизма», вып. 17. М., 1975, стр. 55.
[7] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 414.

монстрирует силу и мощь человека и так или иначе подрывает религиозное миропонимание, оказывает неизгладимое влияние на психологию верующего, порождает у него сомнения и колебания.

Причем если капиталистические производственные отношения ведут к культивированию и гальванизации господствующими эксплуататорскими классами религиозного сознания, то при социалистических общественых отношениях формирование научного, материалистического мировоззрения у людей стало одной из важнейших идейных задач социалистического общества. Здесь церкви всех конфессий вынуждены считаться с тем фактом, что в сознании все более широких масс трудящихся формируется научная система знаний и представлений, основанная на марксизме-ленинизме и опирающаяся на новейшие достижения НТР. При этом все большее число людей начинает понимать, что каждый новый успех науки и техники не только умножает наши знания, увеличивает возможности человека, но и приносит новые доказательства материальности мира, знаменует торжество разума, свободного от влияния религии.

В развитии науки и техники современный человек видит осуществление своих планов, реализацию своих надежд. Создается новая ситуация, когда верующий обращается за помощью уже не к потусторонним силам, а к науке и технике. Научные знания становятся ему близкими, понятными, определяют строй его мыслей, логику рассуждений. Наука содействует формированию свободного от религии образа мышления, реальному восприятию действительности.

Таким образом, НТР все увереннее превращается в один из важиых и постоянно действующих факторов расширения и усиления кризиса религии и религиозного сознания. Этому способствует тот факт, что сегодня в гигантских масштабах растет в мире влияние марксистско-ленинского мировоззрения и все более широкие массы усваивают научные знания о природе и обществе. Атеизм становится теперь частью мировоззрения миллионов людей во всех странах мира, на всех континентах.

Процесс атеизации включает в себя два взаимно дополняющих направления: во-первых, негативное, развенчание религиозных догматов, во-вторых, — позитивное, формирование у людей научного, марксистско-ленинского мировоззрения. Это второе направление Коммунистическая партия Советского Союза считает в условиях нашей страны одной из важнейших задач своей идейно-воспитательной работы. Говоря о подготовке к 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, Л. И. Брежнев отмечал: «Мы создали новое общество, общество, подобного которому человечество еще не знало»[8]. Одним из показателей этого нового общества является господство научного, материалистического мировоззрения.

Религия во всех своих формах всегда была — и остается сегодня — одной из помех на пути социального, научного и нравственного прогресса. В современном мире с его бурными социальными катаклизмами, резким обострением классовой борьбы быть социально пассивным, уходить от жизни в иллюзорный мир религиозной веры становится все труднее, часто просто невозможно. Активизации трудящихся способствуют гигантские сдвиги, происшедшие на Земле в результате Великого Октября, широкое распространение диалектико-материалистического мировоззрения и невиданные прежде успехи науки, техники, просвещения. Все это неизбежно ведет к утверждению в умах миллионов материализма и атеизма.

Немаловажную роль в этом процессе, как мы видели, играет современная научно-техническая революция. Своими впечатляющими открытиями, быстрым накоплением и распространением иовых знаний она наносит удар за ударом по религиозному миропониманию, способствует вытеснению его из сознания людей, все меньше оставляет места для мистических представлений о Мире.

Рассматривая борьбу науки с религией, Энгельс говорил: «Одна крепость за другой капитулирует перед натиском науки, пока, наконец, вся бесконечная область природы не оказывается завоеванной знанием и в ней не остается больше места для творца»[9]. Сегодняшний этап этой борьбы убедительно подтверждает слова одного из основоположников диалектико-материалистического мировоззрения. Наука и техника конца XX века стали гигантской общественной силой, несущей с собой также необратимый кризис религии.

[8] «Материалы XXV съезда КПСС», стр. 87.
[9] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 515.

Коротко об интересном

ОПЕРАЦИЯ «ГАГА»

В Кандалакше — городе у Белого моря — проведена операция по спасению больших морских уток — гаг. Зимовать эти птицы предпочитают в заливах Белого моря, но недавняя зима в Заполярье выдалась настолько суровой, что все полыньи и заливы накрепко замерзли. От верной гибели птиц спасали люди. В операции «гага» участвовали сотрудники Кандалакшского заповедника. Они отловили всех истощенных птиц, поместили их в заповедник. Гаги — редкие птицы; они занесены в международную «Красную книгу».

ГОРОД ОСЕДАЕТ

Древней столице Мексики грозит серьезная опасность: по данным геологов, с 1900 года некоторые районы города опустились почти на восемь метров. Причиной тому — слабая, вязкая почва, на которой стоит город. Около 10 000 лет назад на месте современного Мехико было огромное озеро. Затем во время сильного извержения вулкана его засыпало пеплом. Эта среда оказалась благоприятной для водорослей, и сейчас почва в пределах города напоминает губчатое вещество, на 65 процентов состоящее из водорослей. Чем больше воды выкачивается из подпочвенных источников, тем быстрее спрессовывается и оседает грунт, что приводит к разрушению зданий и туннелей, выводит из строя сложное подземное хозяйство города. Вопрос о мерах, способных противостоять стихийному разрушению, решают сейчас геологи и представители других наук.

ЗВУК НА ДНЕ ОКЕАНА

Массы воды в океане перемещаются не по плавно изгибающимся траекториям, как это считалось до последнего времени, а по спирали, диаметр витков которых достигает сотен километров. Это открытие, сделанное советскими океанологами, поможет лучше понять особенности подводного мира, проследить миграцию его обитателей, раскрыть некоторые тайны «кухни погоды».

Подтвердить открытие помогли новые приборы — акустические поплавки. Такие аппараты обладают нейтральной плавучестью, то есть способны постоянно находиться на заданной глубине. Каждые пять минут они излучают звуковые волны определенной частоты. По сигналам, принимаемым прибрежными стационарными установками, определяется местоположение приборов. Так прослеживается путь морских течений.

Звук, распространяющийся в воде на большие расстояния, используется для локации морского дна, помогает рыбакам своевременно обнаружить косяки рыб в море. На частоте 20—50 герц звук пронизывает не только массу воды, но и проходит дальше, в толщу земных пород. Это дало возможность ученым определять геологическое строение дна океана.

ВУЛКАН В ПЕЩЕРЕ

Группа спелеологов, вооружившись противогазами, проникла в необычную пещеру, открытую вблизи кенийской столицы Найроби. Из этой пещеры непрерывно выходил серный газ. Исследования показали, что длина ее 12 километров, а глубина 500 метров. На дне пещеры имеется озеро, покрытое тонкой коркой остывшей лавы. Но под этой «крышкой» и сейчас неспокойно: вулкан в любой момент может обнаружить свой нрав.

ЦВЕТЫ ОЧИЩАЮТ ВОДУ

Водяные гиацинты когда-то вывозили из Южной Америки в качестве декоративных растений. Недавно американские ученые открыли, что цветок обладает способностью защищать окружающую среду от загрязнения. Это наглядно подтвердил опыт выращивания гиацинтов в заливе Сан-Луис. Воды залива, в который попадают стоки более шести тысяч жилых домов, гиацинты очистили от всех посторонних примесей за несколько месяцев.

«ОДИССЕЯ» Виктора Гарбузова

В. ХАРАЗОВ,
специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

В первом номере журнала за 1976 год была опубликована беседа с бывшим проповедником евангельских христиан-баптистов, пятидесятников и свидетелей Иеговы В. И. Гарбузовым «Сотворение мира». Редакционная почта принесла много читательских откликов; их обзор был помещен во втором номере журнала за прошлый год. Соглашаясь или споря с автором беседы, многие читатели просили рассказать подробнее о судьбе Виктора Гарбузова. Выполняем эту просьбу.

Впервые слово «бог» Виктор услышал еще ребенком в тихом смоленском городке Рославле осенью 1941 года. Он стоял в очереди за скупым хлебом той памятной поры, когда взвыла сирена. Звенели разбитые стекла, что-то рушилось, вздрагивала земля. И среди этого грохота и звона, среди стонов и проклятий кто-то звал бога. Звал исступленно, отчаянно, заглушая другие голоса.

Через две недели в город вошли немцы...

Отца Виктор помнил плохо. Отец умер, осиротив пятерых ребятишек, когда Виктору было около пяти лет. Через несколько дней после прихода гитлеровцев старший из братьев Гарбузовых ушел к партизанам. Многие в городе об этом догадывались, а то, что известно многим, не могло долго оставаться секретом и для новых властей. Вот и решили Гарбузовы перебраться в деревню. Здесь Виктор приобщился к нелегкой крестьянской работе. Здесь впервые столкнулся и с верующими — родственники, у которых остановилась семья, были баптистами.

От той поры навсегда врезались в память слезы на изможденных, горестных женских лицах да те смиренные, робкие, а то неистовые упования родственников и их единоверцев на бога.

Впрочем, о боге говорили разное. Одни считали, что не допустит он поругания земли русской, другие возражали, что война есть не что иное, как кара свыше за грехи и забвение веры.

Мать на всякий случай со всеми соглашалась, не умея, да, наверное, и не желая разбираться в существе спора... В бога она не то чтобы верила, но и не решалась отрицать его существование. Да и как тут будешь отрицать, когда осталась одна с пятью недоростками на руках, а тут еще война, и старший в партизанах, и голод, от которого одно спасение — у верующих родственников. Виктор же о боге особенно не задумывался.

Когда фашистов выгнали со Смоленщины, Виктор окончил четыре класса, затем железнодорожное училище. В семье росли и учились еще трое ребятишек, и его получки стали весомым подспорьем, а вскоре главной опорой.

Суровое военное детство оставило в его душе и характере свой след. Мало выпало на его долю игр и забав, веселья и ласки. Со смертью отца ушла из семьи радость жизни, оставив лишь будни, одни заботы о хлебе насущном. А в памятном сорок первом, после того как старший Гарбузов ушел к партизанам, а затем на фронт, где и остался навсегда в одной из бесчисленных братских могил, стал Виктор в семье и за мужика, и за хозяина.

И хотя в деревне в ту пору это было делом обычным, особенно в многодетных семьях, жалостливо поглядывали бабы на таких ребятишек и, подмечая в них чутким женским сердцем непроходящую день ото дня усталость, не по возрасту снисходительное отношение к играм своих сверстников, стремление все решать самим и за все самим держать ответ, тяжело вздыхали, словно наперед предвидели их нелегкие судьбы. Жизнь многих из них действительно складывалась трудно. Война не только осиротила их, не только легла на их плечи тяжким грузом ответственности и забот, но и украла у них детское, легкое и радостное восприятие мира, словно вынула из фундамента краеугольный камень, без которого все здание хотя и не обрушивалось, но потрескивало и подрагивало во время ненастья.

В характере Виктора военное детство отложилось неторопливостью в суждениях и поступках, в которых было что-то новое и непривычное. Зато уж решив что-либо или поставив перед собой какую-нибудь цель, Виктор стоял на своем твердо и неуступчиво. Но непреклонный и бескомпромиссный внешне, Виктор был в душе застенчив и далеко не всегда уверен в своих силах, в своих решениях. Словно пытаясь наверстать упущенное в детстве, он, чем больше взрослел, тем сильнее тянулся к жизни, во всяком деле искал его скрытую сущность, его «душу». Потянуло к музыке — пошел в самодеятельность, изо дня в день тренировал голос и еще в училище стал солистом, занимал первые места на областных смотрах. Ему прочили будущее певца, но он увлекся танцем. И опять — упорный труд, желание понять самую суть, уловить то почти неуловимое, что присуще подлинному искусству.

Комсомольско-молодежная бригада, которую Виктор вскоре возглавил, полу-

чала одну благодарность за другой. О ней писали и в районной, и в областной газетах.

Ребята и работали и жили весело, стремительно, взахлеб. Дети военной поры стремились наверстать упущенное. Одни засели за книги и учебники, каждую свободную от работы и домашних дел минуту посвящая учебе, познанию мира, а другие, как Виктор, пели, танцевали в клубах и на вечеринках, бегали в кино, со вкусом потягивали пиво у ларьков. Жизнь поворачивалась перед ними всеми гранями, жизнь, уже почти совсем взрослая и неизведанная, манила их, рано, не по своей вине повзрослевших. Не было для них ни трудных поисков истины, ни мучительных раздумий над смыслом и целью жизни. Они жили, они были счастливы, и большего они не искали.

Теперь, оглядываясь на свою юность сквозь годы, сквозь прожитое и пережитое, Виктор Иванович говорит:

— Читал бы я тогда побольше, учился бы, — может, и не пошла бы жизнь юзом...

А беда — она рядом ходила, по тем же улицам Рославля. Звали ее Галиной. Влюбился Виктор прочно... и безнадежно. Но это тоже отзоается потом, а тогда ушел он в армию, озаренный своей любовью, о которой так и не сумел сказать Галине.

Виктора направили в школу младших авиационных специалистов. Вот когда он почувствовал, что не хватает знаний! Окончил ШМАС, добился направления еще в одну школу. Учился от первого до последнего года службы, забывая про увольнения.

Когда вернулся из армии, Галина уже окончила педагогический институт. И вновь не сумел подойти к ней, сказать то, что сжигало душу и сердце. И оттого постепенно уходил в себя, замыкался, выкладываясь неистово на работе, задерживаясь допоздна, лишь бы сократить то неимоверно трудное время, когда остаешься наедине с мыслями, и никуда от них не спрятаться, не убежать, как не убежать от самого себя.

Прежняя жизнь, стремительная и бесшабашная, уже не влекла его. А какойто новой, которой он мог бы отдать самого себя целиком, Виктор не находил. Да и что он мог найти, если всегда и везде настигало его горькое чувство неразделенной любви. Как подойти к Галине, что сказать ей, Виктор не знал. Все больше теряя уверенность в себе, он становился резче, категоричнее и, ловя себя на этом, еще сильнее замыкался в себе...

Умная, наблюдательная, горячо верующая Марфа Марковна Пантюхова поселилась у Гарбузовых квартиранткой. Для нее, опытной проповедницы, обратившей в свою веру немало людей, искренний, бесхитростный Виктор тоже не был загадкой. Рассудительные беседы о жизни увлекали его, помогали уйти от самого себя. Постепенно разговоры так же рассудительно коснулись религии. Виктору невольно вспомнилось военное детство. Марфа Марковна сочувственно поддакивала, вспоминала свою военную жизнь. Потом появился роман английского писателя и религиозного проповедника XVII века Джона Беньяна «Путешествие пилигрима в небесную страну». Книга заинтересовала Виктора. Однако привычное отношение к религии, как к чему-то весьма несерьезному и наивному, сформированное в нем незаметно для него самого, восставало против доводов и рассуждений Марфы Марковны. Привычное отношение к религии восставало, но было оно домом, построенным на песке: что Виктор мог возразить ей, опытной проповеднице? Это себе он казался тогда человеком, умудренным жизнью. Для Пантюховой же он был чистым листом бумаги, на котором ей предстояло начертать имя божье. И даже способ начертания был уже ясен ей. Она видела, что Виктор подсознательно ищет, чем избыть свою беду. Надо было только кинуть ему подходящий повод, а дальше... дальше он сам ухватится за веру...

Впервые на молитвенное собрание баптистов Виктор пришел по приглашению Пантюховой. Молитвенный дом пробудил в нем лишь легкое любопытство, а собравшиеся, в основном старики и старухи, — снисходительную жалость. Пение хора Виктору не то чтобы понравилось, но было в чем-то созвучно его настроению, и он отдался во власть мелодий. К молитвам отнесся безучастно: молятся люди — ну и пусть себе, это их дело, но первая же проповедь вызвала раздражение. Проповедник, пытаясь связать библейские тексты с жизнью, приводил примеры маловразумительные, неубедительные. Остальные выступали не лучше, и Виктор, привыкший к строгой логике технической мысли, разозлился на себя, что поддался уговорам Пантюховой, и на Марфу Марковну, затащившую его сюда. Едва молитвенное собрание окончилось, он протиснулся к кафедре и стал задавать проповедникам каверзные, с его точки зрения, вопросы. «Братья» бросились в спор...

Когда без малого четверть века спустя он будет рассказывать об этом эпизоде, смущение полыхнет по его лицу. Он слегка замнется, пристально глянет на меня, подсознательно ожидая насмешки над своей былой наивностью, и, не встретив ее, потеплеет, улыбнется и скажет, что потом, когда уже сам стал руководителем общины, ему много раз доводилось видеть, как молодые ребята, имевшие о религии лишь смутное представление, очертя голову бросались в спор с опытными, искушенными в дискуссиях проповедниками. Исход подобных споров был предрешен, ибо проповедники и пресвитеры никогда не ввязывались при верующих в полемику с серьезными противниками. Если же уклониться от дискуссии было нельзя, — ее оттягивали, усиленно убеждая верующих разойтись по домам. А когда проповедники были уверены в своем превосходстве, то спор разгорался сразу же, чтобы возможно больше верующих лишний раз убедились в торжестве божественной истины.

Нечто подобное произошло и с Виктором. Он был убежден, что бога нет и нет никаких сверхъестественных сил, и сильно удивился бы, если бы ему сказали, что эта его уверенность, не подкрепленная соответствующими знаниями, не многим отличается от веры в бога. И бросившись в спор с проповедниками, он отстаивал не научные взгляды против религиозных, как это ему казалось, а свою собственную веру в науку против их веры в бога. И будь Виктор так же искушен в подобных дискуссиях, как его противники, то каждый остался бы при своем мнении и спор закончился бы безрезультатно, ибо чем еще может закончиться спор одной веры с другой?

Все вопросы и аргументы, которые Виктор запальчиво бросал проповедникам и которые, по его мнению, должны были привести их в замешательство, были давно известны не только им, но и большинству членов общины не хуже, чем Виктору таблица умножения. Более того, ответы на них часто разбирались в проповедях и в беседах верующих между собой. И потому в своей попытке опровергнуть веру в бога Виктор даже не заметил, как поменялся с проповедниками ролями, и теперь уже они нападали на его веру в науку, а он оборонялся. И Виктор полностью испытал на себе справедливость древнего утверждения, что один любопытный может задать столько вопросов, что на них не ответят и сто мудрецов. Пытаясь объяснить с научных позиций происхождение мира и его законы, Виктор сразу обнаружил, что ничего не может ни объяснить, ни доказать.

Домой он вернулся злой и растерянный. Конечно, проповедники не смогли убедить его в существовании бога, но зато произвели настоящий погром в его представлениях о всемогуществе науки, а главное, в его уверенности в себе и в тех истинах, которые представлялись ему очевидными. И он решил во что бы то ни стало во всем разобраться сам.

Сначала он обратился к научно-популярной литературе, посвященной таким явлениям природы, как грозы, молнии, гром, смерчи, извержения вулканов, цунами, землетрясения. Все в этих брошюрах казалось ему простым и убедительным. Основательно проштудировав их, Виктор решил проверить свои познания на Пантюховой. Та выслушала его объяснения внимательно и спокойно и начала задавать вопросы, в которых Виктор тут же запутался. Хуже всего оказалось, что верующего человека, как убедился Виктор, больше всего интересовало не **как** происходит то или иное явление, а **почему** и **зачем**. И некому было объяснить Виктору, что вопрос «зачем?» неприменим к явлениям и законам природы, что перенесение его на явления и законы природы означает не что иное, как признание некоей заранее поставленной перед природой цели, по сути дела — признание ее сверхъестественного творца и руководителя.

Окончательно запутавшись в вопросах Марфы Марковны, Виктор взялся за специальную литературу.

Как и следовало ожидать, едва он полез в глубь вещей, как тут же запутался. Специальная литература оказалась Виктору не по плечу. Поначалу, спотыкаясь о незнакомые термины, обозначения и символы, он брался за энциклопедию, но натыкался на несколько новых, а попытка понять каждый из них приводила к необходимости изучения целых научных дисциплин. Виктор забросил все. Спал урывками, в изнеможении бросаясь в постель лишь на рассвете. Да и на работе, во время перекуров и обеда, не отрывался от книг, все больше и больше отдаляясь от ребят. О своей

любви он теперь думал редко и старался тут же пересилить себя...

Через несколько месяцев он вновь поехал в общину и, выбрав одного из проповедников помоложе, стал с ним беседовать, приводя ему обдуманные заранее аргументы. Но проповедник своими «почему?» и «зачем?» заставил его опять лезть в глубь вещей, до тех пор, пока Виктор снова не запутался.

Оппонент достаточно умело преподнес ему традиционные богословские доказательства существования бога, подкрепив их еще и ссылкой на то, что в бога верили и сами великие ученые — те, что создали современную науку, — Коперник, Галилей, Ньютон.

Этот аргумент сильно смутил Виктора. Получалось, что он, довольно слабо в науке разбирающийся, старается с ее помощью доказать отсутствие бога и всяких высших сил, а корифеи науки, которые ее создавали и, следовательно, знали досконально, верили в бога. Значит, размышлял Виктор, зря я бьюсь над книгами? Значит, наука не опровергает существование бога?

Кстати сказать, после первого посещения молитвенного дома Виктор попросил у Пантюховой Библию. Библию Марфа Марковна дала, но никаких бесед поначалу заводить не стала.

Теперь Виктор уже и сам не смог бы сказать, в чем он был убежден, а в чем сомневался. Мир стал огромен и необъясним, все в нем происходило по каким-то таинственным законам, до сути которых Виктор так и не добрался.

Охладев к былому намерению покорить науку штурмом и сильно разочаровавшись в ее авторитете, Виктор махнул на все рукой и решил жить, как прежде. Однако жить, как прежде, не получалось — проклятые вопросы не давали покоя, мир стал каким-то зыбким и ненадежным, да и отступившая было тоска неразделенной любви вновь накатила на него. Надо было чем-то занять себя, и Виктор вспомнил о Библии.

Ну хорошо, рассуждал он, допустим, что наука в самом деле не опровергает существование бога. Но уж, во всяком случае, и не доказывает! А что ученые верили в бога, так ведь не известно, что они под богом понимали и во что именно верили. И уж, во всяком случае, Библия не святая книга, а самая обыкновенная и тоже не может доказать существование бога...

К тому времени еще одна трансформация произошла в его сознании. К науке Виктор относил лишь естественные и точные дисциплины, и потому наука, по его мнению, не могла ответить на вопросы, в чем смысл и цель человеческой жизни, почему люди умирают, почему бывает безответная любовь, что такое добро и зло и откуда они происходят, что такое судьба и так далее. А ведь всему этому, размышлял он, должно быть какое-то объяснение. К книгам Виктор относился теперь скептически, а в объяснениях Марфы Марковны все хотя и выглядело довольно сомнительно, однако было вполне понятно и каждому вопросу соответствовал четкий ответ. Но откуда почерпнула свои ответы Пантюхова, как не из Библии?

И Виктор взялся за Библию.

Он несколько раз внимательно, с карандашом в руках, прочел ее всю. Это был титанический труд, отнявший у него массу времени и сил. Впрочем, его никто не торопил, и только мать сокрушенно, а братья с некоторым удивлением наблюдали, как все вечера, ночи и выходные сидел он, подперев голову, над толстенной книгой и что-то писал в общую тетрадь. Впрочем, и мать и братья уже успели привыкнуть к его затворничеству. Привыкли и на работе и тому, что Виктор стал малоразговорчив, что-то читал во время перекуров либо размышлял о чем-то своем. Марфа Марковна, против обыкновения, разговоров о вере с ним больше не заводила и лишь снисходительно и немногословно разъясняла те или иные места из Библии, вызвавшие у него сомнения.

Прочитав Библию первый раз, Виктор нашел в ней много несуразностей. Но, наученный горьким опытом, он не ринулся в спор, а прочитал еще раз и еще. И, странное дело, если при первом прочтении Библия предстала ему довольно скучным смешением сказки и действительности, фантазии и истории, то чем больше он вчитывался и вдумывался в ее содержание и в объяснения Марфы Марковны, тем более убедительными казались ему библейские легенды. Смутное впечатление, оставшееся от первого прочтения, ушло, все прояснилось, формируясь в четкую систему взглядов. И Виктор, жаждавший простоты и ясности, подсознательно уже подчинялся этой системе.

Он вновь прочитал тетрадку, в которую выписывал свои аргументы против существования бога, и они вдруг показались ему наивными и неубедительными, а новых он не находил. Теперь он часто встречался и с проповедниками общины, и с рядовыми верующими. У него еще не иссяк запас сомнений, и при случае он пускал их в ход, но делал это все реже и реже, потому что знакомые цитаты из Библии в устах верующих обретали неожиданный смысл, а отдельные тексты оказывались притчами, и выяснялось, что понимать их надо не буквально, а иносказательно. Так Виктор сделал для себя «открытие»: помимо буквального, текст Библии имеет еще несколько толкований, и пытаться понять ее, не разобравшись в них, все равно что пытаться прочесть книгу, напечатанную на незнакомом языке.

Потом, через много лет, изучив Библию во всех ее толкованиях, он еще не раз вернется к ее противоречиям и несуразностям. И только тогда поймет, что правильно оценил ее лишь при первом прочтении и что, читая ее во второй и третий раз и открывая либо сам, либо с помощью верующих во многих ее легендах и притчах глубокий, не замеченный ранее смысл, он невольно стал видеть глубину и в тех местах, которые прежде вызвали сомнения. И теперь ему уже казалось, да и верующие уверяли его в том же, что если какое-либо утверждение кажется ему противоречащим другому или вызывает сомнение, то происходит это лишь потому, что ему еще не открылся настоящий смысл прочитанного.

Между тем, видя, с какой поразительной быстротой и настойчивостью осваивает Виктор Библию, проповедники стали уделять ему особое внимание. По их понятиям, Виктор был человеком образованным и его знания, направленные должным образом, сулили нового проповедника. Была и еще одна надежда, связанная с Гарбузовым. Община состояла в основном из людей пожилых, молодежи было мало. Обращение Виктора сулило закрепление в общине тех девушек из верующих семей, которые колебались между желанием остаться в общине и стремлением обзавестись семьей, на что в общине надежды не было. С приходом Виктора такая надежда появлялась. Конечно, женится он на одной из них, но мечтать выйти замуж за брата по вере может каждая. А вслед за девушками могли потянуться в общину и молодые ребята...

И не стало Виктора Гарбузова, бригадира передовой комсомольско-молодежной. Появился Виктор — «брат во Христе». При большом стечении верующих, возле деревни Кустовка, Виктор Гарбузов принял водное крещение.

Эх, как закрутило, как понесло его по жизни, словно по вспененной в половодье горной реке. Думал он, что ушел от мира, что обрел истину во Христе. Ох, трудна, Виктор, будет твоя истина. Многие назовут тебя «братом» и... отрекутся. Многих ты назовешь «братьями» и тоже отречешься. Тоже, но по разным причинам.

Но это будет потом, а пока... Веруй, брат Виктор, веруй искренне, исступленно и самозабвенно. Веруй и неси на алтарь распятого Христа все, что тебе было дорого, все, что было для тебя свято. Бог есть любовь, будут говорить тебе пресвитеры... Бог есть любовь, будешь внушать ты верующим. Бог есть любовь... Но какая, брат Виктор, любовь и к кому любовь? И если бог есть любовь, то почему «дружба с миром есть вражда против бога». Если бог есть любовь, то почему «если кто... не возненавидит отца своего и матери и жены и детей... не может быть моим учеником»?

Странная началась у Виктора Гарбузова жизнь. Работал он все в том же цехе, рядом со своими бывшими друзьями. Но работал теперь один, сам по себе. Раньше любая горячность, несправедливость, ошибка пробуждали в нем ответную горячность, укор, желание помочь или исправить. Теперь же все вызывало в нем обиду, все служило подтверждением несправедливости мирской жизни. Устремленный в служение богу, в проповедь слова божьего, он удалялся от бывших товарищей, от коллектива, даже от своей работы, которую все еще любил, но которой все больше и больше жертвовал во имя неотложных миссионерских и проповеднических дел. А ему казалось, что это коллектив отдаляется от него, что все невзлюбили его за веру и пытаются чем-нибудь досадить.

Впрочем, такие размышления возникали у него все реже и реже, ибо не оставалось для них уже ни времени, ни сил. Он приближался к тому идеалу верующего, который все свое свободное время посвящает молитве, изучению слова божьего и его проповеди, который даже во время работы думает лишь о боге.

Проповеди Виктора привлекали верующих, и он решил стать разъездным проповедником. Но для этого надо было бросить работу и разъезжать на

средства общин, а делать это Виктор совестился. И трудно сказать, как бы разрешил он для себя это противоречие между совестью и желанием, реальностью и идеалом, если бы ход его мыслей и намерений не приобрел несколько иной поворот.

О том, что баптизм — не единственная вера, он знал давно. Но только став уже верующим, узнал о пятидесятниках, адвентистах седьмого дня, свидетелях Иеговы и других. И вскоре поняв, что суть различий не в боге, а в толковании тех или иных текстов, заветов и в обрядности, он стал с интересом вникать в тонкости различий и старался попасть на диспуты между проповедниками различных учений. Особенно жаркие споры шли у баптистов с пятидесятниками, или, как они сами себя называют, с христианами евангельской веры.

К тому времени Виктор знал уже учение баптистов досконально и мог бы сам вступать в дискуссию с проповедниками других учений, но остерегался делать это, не вникнув хорошенько в их учение. С этой-то целью и начал он посещать молитвенные собрания пятидесятников. Однако, вместо того чтобы, изучив пятидесятничество, начать выступать против него, Виктор стал сомневаться в правоте баптистов и склоняться в полемике то на одну, то на другую сторону. На собрания пятидесятников он ходил все чаще и чаще. И однажды, во время молитвы, ноги у него вдруг подкосились, и он, закрыв лицо руками, упал на колени. Какая-то щемящая тоска скрутила его. Он стоял на коленях и плакал, закрыв руками лицо. Слезы лились из глаз неудержимо, и грустно и светло становилось от них.

Виктора окружили верующие:

— Поздравляем, брат, поздравляем, — неслось со всех сторон.

— Поздравляю вас, брат Виктор, — подошел к нему пресвитер. — Много званых, но мало избранных, а вас господь возвел в их число. Радуйтесь, брат, и мы радуемся вместе с вами...

Но брат Виктор не радовался. Светлую успокоенность сменил безотчетный страх. Ему хотелось убежать, забиться куда-нибудь в угол, где бы его никто не увидел, и забыться...

Этот первый, беспричинный и безотчетный страх вскоре прошел, и Виктор снова пришел к пятидесятникам. Теперь его уже неудержимо тянуло сюда, и эту необъяснимую тягу он счел еще одним указанием свыше. Здесь была его истина, его вера, и когда баптисты стали упрекать его за измену, он ответил им текстом из послания к римлянам: «открывается правда божия от веры в веру...», — и больше не стал об этом разговаривать.

Потом, спустя много лет, когда я спрошу его, почему все-таки он ушел от баптистов к пятидесятникам, он надолго задумается, рассеянно начнет выстукивать пальцами дробь на полированной поверхности стола и, словно откуда-то вернувшись, вдруг улыбнется и скажет, что вернее всего из-за своего темперамента и фанатичности.

— В баптизме для меня тайн не было. А я стремился как можно лучше постичь и Библию, и слово божье, и саму сущность бога, стремился служить ему ревностно и верно. К тому же я давно уже вел очень напряженную жизнь — спал по несколько часов в сутки, на работе полностью выкладывался, стремясь как можно больше заработать и как-то компенсировать частые отлучки, а после работы либо мчался в общину, либо ночи напролет читал Библию и готовился к проповедям. Короче, к моменту перехода к пятидесятникам я был уже на грани физического и нервного истощения. И поэтому упор в проповедях пятидесятников на дары святого духа и пророчества, которые, как я видел тогда, почти всегда сбывались, произвели на меня огромное впечатление. Теперь-то я понимаю, что мое рыдание в молитвенном собрании было просто нервным срывом. Теперь-то я знаю, как готовятся пророчества и почему они часто сбываются, а тогда все это меня потрясло. Я и боялся полностью уйти к пятидесятникам, и рвался к ним, вся моя фанатичность вела к их неистовым молитвам, к их «осененности святым духом». В моих глазах верующие, получившие крещение святым духом, были подобны апостолам Христа...

В общине пятидесятников обращение Гарбузова, баптистского проповедника, считали крупной удачей. Такое и впрямь случалось крайне редко, хотя пополнялись ряды пятидесятников в основном именно за счет баптистов и евангельских христиан, так как и православных, и колеблющихся в вере фанатизм пятидесятничества обычно отпугивал.

Ближе сойдясь с новыми единоверцами, Виктор стал бывать в разных общинах. Несколько раз посетил он и общину Починковского района — одну из самых слабых в Смоленской области. Община постепенно распадалась — верующие, за редким исключением, были немощные и рассеяны чуть не по всей области. Притока свежих, энергичных людей давно уже не было, и после того, как община лишилась еще и пресвитера, она совсем пришла в упадок. На ее укрепление и решили направить руководители пятидесятников молодого, энергичного Виктора Гарбузова. А потому в один из очередных приездов Виктора община начала поститься и молилась, чтобы господь указал достойного и угодного ему пресвитера. Так продолжалось несколько дней, пока сначала одна пророчица, а потом и другие не получили откровение свыше, что пресвитером должен стать именно Виктор Гарбузов.

Потом, через два с лишним десятка лет, вспоминая летний вечер в городе Мосты Гродненской области и тихую реку, где пресвитер Павел Павлович Пицевич в присутствии трех или четырех верующих преподал ему водное крещение и рукоположил в пресвитеры, он ответит мне, что чувствовал в тот момент неизъяснимое волнение, улыбнется и добавит:

— Что же тут странного — ведь я готовился, ждал и, конечно же, это не могло не сказаться...

Вскоре ему сообщили, что настало время принять величайший дар господень — крещение святым духом. Дабы смирить плоть и укрепить дух, Виктор начал поститься, а три последних дня вообще ничего не ел, лишь время от времени подкреплялся глотком воды. К тому времени он стал столярничать по вечерам на дому. Деятельность руководителя общины и активного проповедника требовала немалых средств на разъезды. Теперь его образ жизни полностью соответствовал его представлениям о земном образе жизни истинного христианина.

Нельзя сказать, что на работе за него не беспокоились. С ним пытались беседовать, старались образумить. Но было поздно. Аргументы и доводы, которые еще год назад могли заставить его задуматься, а может быть, и вновь трезво взглянуть на свою жизнь, теперь казались ему наивными. Он с удовольствием высмеивал людей, желающих ему добра, хлестал их в споре цитатами из Библии и ставил в тупик изощренной софистикой, приемам которой обучился в дискуссиях с инаковерующими.

Но было в его ожесточении и нечто иное, куда более серьезное. Став верующим, он разделил людей на три категории — на братьев и сестер по вере, на неистинно верующих и на заблудших, грешников, прислужников Сатаны, куда был отнесен весь остальной мир. И если с теми, кто верил «неправильно», нужно было вести диспуты, увещевать их и наставлять на путь истинной веры, то с заблудшими и прислужниками Сатаны у него теперь не было и не могло быть никаких связей, кроме проповеди им слова божьего. Это они, книжники и фарисеи, распяли Христа, гнали и били камнями апостолов, праведников и пророков, это о них предупреждал Христос, сказав: гонимы будете за имя мое. И Виктор во всем искал приметы осуществления пророчества Христа. А так как воспаленный мозг его не только искал, но и страстно желал найти следы гонений, то нет ничего удивительного, что мнительность его ухитрялась находить себе пищу.

А пока Виктор готовился к крещению святым духом, умерщвляя плоть и укрепляя дух постом и молитвой. Для наставления и укрепления в вере Виктору дали духовного наставника — старца Дениса Моисеевича.

И вот наступил день великого испытания. Изможденный постом, молитвами и затворничеством, Виктор вместе со своим наставником приехал в Починковский район. Весь день молились. Может быть, Виктору показалось, а возможно, что ради такого случая молитвенное собрание действительно проходило в более быстром темпе, чем обычно. Проповеди были короче, чем всегда, но более стремительными и страстными.

Виктор молился, отдавшись общему порыву. Постепенно какая-то сладостная и щемящая волна подхватила и понесла его, крутя и покачивая, все быстрее и быстрее. Он сбросил пиджак, колени горели, пот бежал по лицу и щипал глаза, а он, опершись ладонями о пол, дергаясь, выкрикивал неосмысленные слова. Разум не мог угнаться за ними, да и не было уже разума, не было тела, а был порыв куда-то вверх, туда, к богу, всеми своими силами, всем своим существом, туда, вверх, туда... Во рту пересохло, распухший язык еле ворочался, руки не выдержали, и он упал на локти...

— Крести. Дай. Излей...

Кто-то поддерживал его, кто-то обтирал лицо, все тело его дергалось, но он ничего не замечал...

— Излей! Крести! Дай!..

Он уже еле слышал свой голос, да и его ли или чей-то чужой? Язык давно

не повиновался ему, и вместо слов изо рта вырывались лишь бессвязные звуки...

Когда он очнулся, то увидел мокрую скамью и окруживших его верующих. Рубашка на нем тоже была мокрая...

Так Виктор Гарбузов принял крещение святым духом и, получив дар «иноговорения», стал для верующих голосом божьим, ибо, как они считали, через него во время молитв говорил господь на иных языках...

Все дальше будет уходить Виктор Гарбузов по дороге религиозного фанатизма. Став руководителем общины, он, искренний и бескомпромиссный, начнет обличать корысть, ложь, обман, отступления от веры. Имя его станет известным сначала на Смоленщине, затем в общинах других областей. Он женится на сестре по вере, станет изучать психиатрию и психологию, логику и философию. Из наук, дающихся ему с трудом, он будет отбирать все, что может пригодиться для воздействия на верующих. Он освоит методы внушения и даже добьется кое-каких результатов в гипнозе.

Как известно, в пятидесятничестве тоже есть свои течения, и Гарбузов ринется в религиозные дискуссии между руководителями общин и течений, между пятидесятниками и баптистами, пятидесятниками и адвентистами... Он научится вести спор так, чтобы не попадаться в расставленные противником ловушки, а, наоборот, его загонять в ловушки, освоит чуть ли не все существующие толкования библейских притч и изречений. Его споры с проповедниками и пресвитерами, с людьми, знающими Библию наизусть, будут жестокими и часто довольно злобными. За каждый промах Виктора будут больно бить по нервам. Будет бить и он. В поездках по ближним и дальним общинам, по селам и городам, в спорах и дискуссиях с противниками и в беседах с единомышленниками много узнает он неприглядного о делах и поступках божьих пастырей. Но смутит ли это его, вызовет ли какие-то сомнения? Нет. Что же, рассудит он, верующие идут к богу, Сатана искушает их, а человек слаб. Но грешат-то они, а не бог, вот они-то перед богом и ответят за свои грехи.

Он и сам, став руководителем общины, жестко, бескомпромиссно поведет ее по пути веры, убеждая и заставляя неукоснительно выполнять все ее требования и установления.

А поскольку, если иметь в виду требования Библии, нет на земле ни одного праведника, ибо невозможно выполнить все ее многочисленные установления и заветы, то жизнь любого, даже самого убежденного верующего, есть компромисс между велениями веры и велениями жизни. Сам же Виктор никаких компромиссов в вопросах веры признавать не захочет.

— Христос за грехи наши пошел на распятие, и мы во имя его, если надо, должны повторить его путь! — скажет он верующим, когда укажут ему на его ортодоксальность. Но жесткий в вопросах веры к другим, он и к себе, когда грянет гром над его головой, отнесется точно так же.

А гром обязательно грянет и уже собираются тучи, ибо бурная деятельность Виктора не могла не привлечь к себе внимания общественности и стремление его к неукоснительному выполнению пятидесятниками самых ортодоксальных установлений не могло не прийти в столкновение с законами общества. Виктора пытались остановить, с ним беседовали, но все было бесполезно. В доводы он уже не вслушивался.

— Господь посылает меня благовествовать о царствии божьем, — отвечал Виктор, — ибо сказано в священном писании: «поведут вас к правителям и царям... для свидетельства...»

Не всем удавалось сдержать себя во время этих бесед. Некоторые срывались, говорили, что ему на все и на всех наплевать, что он и Родину может предать ради своего бога. В таких случаях Виктор зеленел от бешенства, но всякий раз сдерживал себя и отвечал, что за Родину он готов положить свою жизнь так же, как за веру. И это было правдой. Среди духовных пастырей, с которыми ему приходилось сталкиваться, были разные люди. Попадались изредка и такие, кому религия служила лишь удобной формой для выражения ненависти к той стране, где они жили, к тому обществу, которое помогло им вырасти и стать на ноги. Виктор их не любил, обрывал, если они пытались найти в нем единомышленника, и при случае обличал беспощадно. И при всем при том жестко вел свою линию на неукоснительное предпочтение законов своей веры законам общества.

Когда местная общественность отказалась от дальнейшего увещевания, в печати стали появляться статьи, в которых рассказывалось о жизненных трагедиях верующих из общин пятидесятников, о нарушениях их руководителями не только норм общественной жизни, но и советского законодательства, и ставился вопрос о привлечении руководителей общин к ответственности перед обществом и законом. Вместе с другими упоминался Виктор Гарбузов.

А что же Виктор? Он был убежден, что поступает согласно требованиям веры и потому ответствен лишь перед богом да братьями и сестрами по вере. А если, мол, осудят, то сказано ведь: гонимы будете за имя мое.

Окончание следует

О чем писали русские газеты и журналы в апреле 1878 года

Едва ли есть надобность много говорить о той высокой важности, какую имеет библейское повествование о творении... Сторонники теорий о неразрешимом противоречии, существующем будто бы между Библией и наукой, между библейским и научным мировоззрением, вообще между верой и знанием, больше всего нападают на первую главу книги Бытия, содержащую повествование о творении. С другой стороны, понятно и то, почему ни одна глава ни книги Бытия, ни всех прочих книг священного писания не была предметом столь многочисленных толкований и апологии христианских писателей, как именно эта глава. Особенно толкования и апологии ее умножились с развитием новейших естествознательных теорий о происхождении мира и человека, противоположных библейскому учению. Начнем свой отчет с сочинения профессора католического богословия в Боннском университете доктора Рейша «Библейская история творения и ее отношение к результатам естествознания»... Выходя из того воззрения, что Библия и природа — произведения одного и того же творца, Рейш не допускает возможности какого-нибудь действительного противоречия в их показаниях и свидетельствах. Если между учением Библии и теми или другими положениями естествознания оказывается в чем-нибудь противоречие, то это одно из двух: или неправильное объяснение Библии со стороны ее исследователей-богословов, или неверное, неполное и невсестороннее обследование фактов со стороны естествоиспытателей. Содержание книги Рейша составляет собственно комментарий первой главы книги Бытия; но зерно комментария составляет защита библейского учения о творении против теорий материализма и дарвинизма.

«Церковный вестник»

В наш век люди, пораженные научными чудесами, превышающими их понимание, раскрывают рот и поглощают всякую новизну, представляемую им под наружной оболочкой науки... Но беда не ограничивается только этим: подобное направление нашего века порождает, конечно, религиозный индифферентизм. Но гораздо плачевнее то явление, что скороспелые выводы естественных наук очень нередко и безвременно переходят в аксиомы и, посягая определять собою направление общественной мысли, выводят шаткие умы из состояния индифферентизма и ставят их во враждебное отношение ко всему тому, что носит на себе печать религии, и особенно христианской.

«Чтения в обществе любителей духовного просвещения»

Здоровье людей — общегосударственное дело.
В. И. ЛЕНИН

ЯНГАН-ТАУ — ГОРЯЩАЯ ГОРА

Ибрагим АБДУЛЛИН

Горы, как и люди, не похожи друг на друга. Одни — ослепительно белыми вершинами подпирают небосвод, другие, словно желая приблизиться к земле, не пошли в рост, а растянулись в длину на сотни километров. Одни — безжизненны и неприветливы, сплошь из базальтовых да известняковых скал, другие — разоделись в изумрудные шубы из сосен, кедров и радуют взор нарядным своим видом. Одни — бесплодны, внутри других заключены несметные сокровища... Не схожи между собой горы.

Есть у нас на Урале, на земле башкирской, небольшая и невысокая гора, подобную которой трудно сыскать. На первый взгляд, ничем она не примечательна, разве что своим немного таинственным названием — Янган-Тау. Если ее сравнивать с Казбеком, на все лады прославленным поэтами, то она будет напоминать скромную синичку рядом с красавцем журавлем. Да и по сравнению с другими вершинами Урала Янган-Тау явно проигрывает.

Но я не променяю Янган-Тау ни на знаменитые вершины Кавказа, ни на загадочные Гималаи, ни на легендарные Кордильеры...

Она, моя Янган-Тау, и по внешней красоте своей, и по тому, что несет ее «нутро», неповторима. 500-метровое плато ее покрыто необыкновенными березами — эти белоснежные красавицы здесь растут не в одиночку, а целыми семействами: из каждого корня вытянулись по четыре-пять близнецов-сестер, образовали веселый хоровод, все рослые, статные, как дети красивых, здоровых родителей.

А с южного склона взору открывается великолепная картина: подошву горы омывает буйная Юрюзань, а за ней простираются бескрайние альпийские луга, поля колосистых хлебов. Летом воздух наполнен ароматом душицы и мяты, зверобоя и бессмертника, клевера, ромашки. Здесь десятки душистых, медоносных и целебных трав. Но не в этом особенность Янган-Тау. Целебные травы растут и на других лугах, так же как горные реки украшают пейзаж не только на Урале.

Из невидимых щелей Янган-Тау поднимаются на поверхность горячие пары, источающие едва уловимый нежный запах. Будто тихо посапывает самовар. Но от самовара поднимается обыкновенный водяной пар, а у Янган-Тау он особенный, чудодейственный.

Давным-давно заметили башкиры, проезжая мимо горы, что она еле заметно курится. Это пугало людей. Пар принимали за дым и говорили, что это — исчадие ада (так и называли гору — Янган-Тау, то есть «горящая гора»). Но охотники и пастухи замечали и другое: дикие козы, не боясь «дыма», бродили по «горящей» горе, резвились, спали на ее склонах. Тогда и люди осмелились подняться на гору и поняли, что она вовсе не горит, а источает пар, но название так и осталось.

В холодные ночи грелись этим паром, сушили одежду пастухи и охотники и вскоре открыли, что пар-то, оказывается, «умеет лечить»: прогретые им, переставали болеть суставы, быстрее заживали раны. И вскоре люди стали приезжать сюда сначала из близких, а потом и из далеких селений в поисках исцеления, и гора вылечивала многих. А избавившись от болезней, люди славили за это Аллаха, и скоро стали все считать Янган-Тау святой горой. Народная молва гласит, будто не раз лечился здесь и сам староста Юлай — отец знаменитого Салавата. Отец грел старые кости в самодельном колодце, вырытом в горе, а сын неподалеку играл на куре и слагал свои песни...

А вот уже не легенда, а исторический факт: в XVIII веке ученый-путешественник П. С. Паллас прославил загадочную гору в своей книге «Путешествие по разным провинциям Российского государства», дал свое объяснение ее лечебных свойств. Иностранные богачи после этого стали добиваться у русских царей возможности открыть здесь лечебницу — в надежде на большие доходы. Цари им отказали, но и сами оставили Янган-Тау без внимания... А целебный пар, источаясь из ее недр, свертывался в холодные капельки и выпадал на землю.

...В вестибюле санатория «Янган-Тау» висит в позолоченной раме большой портрет сравнительно молодого человека в старомодных круглых очках. А в 1937 году, когда врач Гиниатулла Нигматуллович Терегулов организовал здесь лечебницу, он был еще моложе и звали его тогда все просто Гиниатулла. Сейчас Терегулов — видный ученый, заслуженный деятель науки РСФСР, профессор. Детище его — лечебница «Янган-Тау» — превратилось сегодня в уникальный санаторий с белокаменными корпусами, лечебницами, процедурными кабинетами. Откуда только не приезжают сюда люди, чтобы лечиться и молодеть. Именно молодеть!.. После паровых ванн

Рисунки В. Иванова.

становишься легким на подъем, будто крылья вырастают, а сердце начинает биться по-юношески бодро, гулко, кажется, что и глаза становятся ярко-синими, как небо над Янган-Тау в солнечный день.

Такова моя Янган-Тау, в чреве которой сидит «волшебный кочегар», вырабатывающий чудодейственный пар. Уральские горы не могут пожаловаться на свою бедность, они содержат в себе почти все элементы таблицы Менделеева. Но кладу Янган-Тау, этому «парообразному минералу», нет цены — он исцеляет людей. Ученые разъяснили, что с точки зрения науки представляет собой этот «волшебный кочегар», каков характер термических явлений, происходящих внутри горы, каков состав выделяющихся термальных газов, на чем основаны их лечебные свойства *. Янган-Тау перестала быть «святой», она превратилась в замечательный курорт, поставленный на службу народного здоровья.

Да, еще одним примечательна Янган-Тау: неподалеку, напротив деревни Комсомол, течет крохотная речушка Кургазак. Некогда на ней стояла водяная мельница, меланхолично крутя тяжелые жернова, а вокруг распространялся аромат теплой муки. Каждый, кто проезжал по ее мосту, спускался к речке, чтобы напиться. А вода в реке — целебная, поэтому издревле башкиры ее называли святой водицей. Сравнительно недавно ученые обнаружили в этой «святой воде» ценные минеральные элементы, которые благотворно действуют на организм человека. Нынче Кургазак изменила свой путь: вода по трубопроводу поднимается на вершину Янган-Тау, чтобы ее могли пить в санатории.

...В октябрьские дни прошлого года, когда земля стала белым-бела от раннего снега, под стать березам, а солнце по-весеннему щедро излучало свет и тепло, санаторий «Янган-Тау» отметил свое сорокалетие. 40 лет — и десятки тысяч выздоровевших людей... Вначале здесь за сезон лечились всего 80 человек, теперь только за один заезд приезжают сюда более 600.

Конечно, янгантауские пары — это феномен природы, своеобразный ее подарок, но не смог бы он принести столько добра, если бы не люди с горячими сердцами, щедрые на любовь, душевное тепло, заботу. Именно такие люди работают в санатории — от санитарки Амины Алкиной, которая более 30 лет ухаживает здесь за больными, до главврача санатория Рашита Шагабутдиновича Акбашева — кандидата медицинских наук, который на этом посту вот уже 17 лет. Каждый молодой работник учится здесь добру и любви к людям, как, например, молодой врач Миннигали Юнусов.

...Я стою у кромки скалы и слежу за темной точкой в бирюзовом небе. Что это? На самолет не похожа — никакого гула. Но точка стремительно приближается ко мне, становится все больше и больше. И неожиданно превращается в орла. Теперь он совсем близок: мощный размах крыльев, свободное грациозное парение. Так может плавать в пятом океане лишь царь птиц — орел. И вдруг я отчетливо расслышал его клекот. Нет, не клекот, а песню... Орел пел человеческим голосом. Нет, это не орел, это... Салават — воин и поэт... Через века и расстояния он возвращается в родное гнездо. Быть может, он хочет погреть в целебном паре Янган-Тау свои кости, которые ожелезились на холодных берегах Балтики, в сланцевых карьерах. Быть может, он хочет взглянуть с высоты своего бессмертия на потомков-земляков, за волю и счастье которых он пожертвовал своим счастьем и волей.

Орел бесшумно удалился и снова превратился в еле заметную точку, потом совсем исчез из глаз, но я еще долго слышал его клекот, победный, немного грустный...

Много на свете изумительно красивых и сказочно богатых гор, но я свою Янган-Тау не променяю ни на какие горы. Она не дает золота, не извергает нефть. Она дает волшебный пар, возвращающий в наши тела здоровье, вселяющий в наши сердца молодость и бодрость. А ведь в народе не зря говорят: «тазалык—зур байлык» — «здоровье — главное счастье». Значит, наша Янган-Тау — богаче самых богатых гор!

г. Уфа

* Об этом подробно рассказано в книге Р. Ш. Акбашева «Курорт Янган-Тау». Уфа, 1977.

Заповеди Теберды

Н. КРЮКОВА

В интересах настоящего и будущих поколений в СССР принимаются необходимые меры для охраны и научно обоснованного, рационального использования земли и ее недр, водных ресурсов, растительного и животного мира, для сохранения в чистоте воздуха и воды, обеспечения воспроизводства природных богатств и улучшения окружающей человека среды.

Конституция СССР, статья 18

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Теберда — одно из красивейших мест на Земле, царство снега, зелени и солнца. Это — срывающиеся с отвесных скал водопады, ослепительные ледники. Это — цветы в декабре. Здесь, на небольшом участке, представлены почти все растения огромной нашей страны. 220 из них можно встретить только на Кавказе, и среди них есть такие, что внесены в «Красную книгу», как особо нуждающиеся в охране и покровительстве человека. Например, рододендрон кавказский с родословной, уходящей во времена ледникового периода.

«Природа создала здесь идиллию, среди которой можно чувствовать себя прекрасно», — так еще в 1913 году сказал о Теберде известный швейцарский ученый М. Рикли, давший первое описание местной флоры.

Неприступные скалы были до поры до времени надежной гарантией сохранности животного и растительного мира Теберды. Угрожала природе охота, единственное средство существования местных жителей. Но Октябрьская революция принесла коренные изменения, в Теберде был наложен запрет на охотничий промысел.

Новые опасения за судьбу края принесло развитие туризма. Начало было положено в 1926 году, когда туристская база, расположившаяся на правом берегу горной реки, приняла первых любителей походов. Но вскоре напротив их палаток выросли научные корпуса и появилась табличка с предостерегающей надписью «левый берег Теберды — заповедная зона». Так и стоят они друг против друга, турбаза и заповедник, словно два оленя, сошедшихся в схватке. Но это — тогда. А сейчас? Сейчас изменились и масштабы научной работы и размеры туризма. Как же они сосуществуют в новых условиях?

— Вас интересует, справляемся ли мы со своими обязанностями, — улыбается директор заповедника Юрий Васильевич Коротеев. На его костюме — петлички с вышитыми дубовыми листочками, знак отличия работников лесной охраны. — Опасна ли для природы армия туристов, число которых с каждым годом возрастает? Да, ситуация сложная, и случиться может всякое, если дело пустить на самотек. Испугается шума — уйдет зверье. От случайной искры костра загорятся вековые деревья. На вытоптанных полянах уже никогда

не расцветут цветы. Так что же делать, пускать или не пускать гостей?

Щелкает выключатель на электрическом пульте у письменного стола директора.

— Обратите внимание, — продолжает Коротеев, — Тебердинское ущелье занимает центральную часть заповедника. Красные пунктиры — туристские маршруты. По этим направлениям можно углубляться в зеленую зону. Все базы отдыха, пансионаты, гостиницы, привалы, все тропы к вершинам, смотровым площадкам, откуда можно дотронуться рукой до облака, — составят, пожалуй, процентов тридцать заповедной территории. Этого вполне достаточно, чтобы побродить, отдышаться, насладиться красотой. Но заповедная земля есть заповедная, здесь нельзя жечь костры, рвать цветы, нельзя охотиться, ловить рыбу.

Если же вы хотите почувствовать размах научной работы, посмотреть, как осуществляются заповеди Теберды, — поезжайте в Архыз. Там — зубры. На всей Земле их осталось не более тысячи, у нас около двух десятков. А по дороге к зубрам познакомитесь с нашим хозяйством, с его людьми.

УДАЧА!

Прохладен буковый лес, солнце косыми лучами ложится на листья папоротника. Под легким ветром они колышутся, словно перья диковинной птицы. Традиционный ежедневный путь Алексея Александровича Малышева, доктора биологических наук, писателя-популяризатора, увлеченного экспериментатора. Вот и сейчас верхом на коне он сопровождал нашу повозку, направляющуюся к заветной плантации.

Годы ушли у него на то, чтобы отыскать участок, подходящий для опытов, — не сухой и не влажный, не жаркий и не холодный. Ведь объект его экспериментов — женьшень, весьма капризное растение.

Под легкими деревянными тентами на рыхлой земле, как на перине, покоятся зеленые стебли с зонтообразными листьями.Четыре тысячи лет известен женьшень людям, и только впервые он выращен на отрогах Кавказа. В десятках различных пунктов страны исследователи пытались прижившить женьшень, восстановить исчезающее с Земли древнее растение, однако многие попытки терпели неудачу. Иной результат у Малышева.

Не только климат способствовал успеху тебердинского ученого. К нему добавились кропотливый труд, знания, характер человека. Семена взошли — это еще не успех, выращен урожай — это только полдела. Вот когда разведение женьшеня вышло за пределы заповедника и ныне становится на промышленную основу — можно говорить об удаче долголетнего труда.

Каждый день на плантации к Малышеву приходят экскурсанты. Металлическая ограда защищает участок от случайных путников, набегов зверей, но не от любознательных слушателей в этой природной аудитории. Ученый щедро тратит время на такие встречи, здесь разговор о преобразующей деятельности человека вести ему легко и наглядно.

КОГДА СТИХИЯ ПОЛЕЗНА

В ущелье Гоначхир, охраняемом лесником Сергеем Сергеевичем Сафоновым, туристам разрешают появляться только в начале лета. Зимой, весной это место опасно своими лавинами. Тысячи кубометров снежной массы мчатся тогда со скоростью курьерского поезда.

Мы видели последствия необузданной стихии. Еще в июне сохранились остатки лавин в виде перекинутых через потоки снежных мостов. Плотные, спрессованные, они выдерживали

Корни и семена женьшеня.

Хозяин опытного участка и его сокровища — семена женьшеня.

Летняя Теберда.

В центре снимка — спрессованный снежный мост, остаток еще зимней лавины.

На опушке появился олень...

Теперь мы увидели зубров с близкого расстояния.

Фото В. Шустова.

не только нас, но и груженые самосвалы. Прозрачное высокогорное озеро (мы увидели только его остатки) в момент было выплеснуто потоком, после чего сюда приходили лисы полакомиться форелью, разбросанной по земле вокруг бывшего водоема.

— Можно ли смягчить действие стихии? — спрашиваю я у специалиста по лавинам Алины Ивановны Поляковой.

— Если в опасности жизнь людей, на помощь приходит специальная лавинная служба. Нависающие глыбы обстреливаются, и они сходят вниз, не причиняя разрушений. Но если вблизи нет жилья, — делать этого не следует. Ведь природа сама преподносит людям бесценный дар — чистейшую воду — к самому началу сева. Она может напоить миллионы гектаров засушливых ставропольских степей. Наше же дело — дать верные рекомендации, успеть предупредить о возможной опасности.

Извлечь пользу из действия стихии, заставить ее нести полезную людям службу можно, если хорошо знать переменчивый характер природы.

ДНЕВНИК ЛЕСНИКА

Джамагатское ущелье. Туристы живут здесь круглый год. Ходят в походы, купаются в целебном потоке знаменитых кавказских нарзанов. Чуть выше их уютных домиков выбрали себе пристанище рыси — целое семейство. Хозяин участка Хасан Ильясович Чугаев оберегает покой хищников, подкармливает туров, когда те в привычные часы спускаются к его дому с заснеженных вершин. Водит он по звериным тропам и туристов, жадно внимающих его рассказам. Как и все работники заповедника, Хасан ведет дневник, заполняя его ежедневными наблюдениями. Это ценные записи, по ним уточняются представления о повадках диких животных, обитающих вблизи человека.

НЕТ ХОДА НИКОМУ!

Амурби Шоанович Ботчаев живет и работает в ущелье Архыза. Это воистину заповедное царство. Сюда, кроме научных сотрудников, не вправе заглянуть никто. Пребывание здесь туристов приравнивается законом об охране природы к нарушению заповедного режима и строго карается.

С обширной долины далеко видно. 60-летний Амурби и без бинокля замечает, где пасутся туры, где серны, где зубры. Я даже с помощью оптики не сразу нахожу глазами крошечные точки, едва-едва передвигающиеся по снежным коврам и зеленеющим альпийским лугам.

Через цветочный луг пробираемся от бревенчатой избы, где ночуют зоологи, все ближе к горным склонам, откуда явственнее доносятся заманчивые для горожанина неповторимые запахи леса.

— Домбай-Ульген, знаете ли, что это такое? — спрашивает меня Амурби.

Я знаю: Домбай-Ульген — одна из заповедных долин; слова эти означают «убитый зубр» — когда-то зубры водились на этих склонах и были уничтожены. И еще знаю, что родился и вырос Амурби в селе среди людей, которые когда-то охотились на диких животных.

— А не опасаетесь: вдруг кто-нибудь снова застрелит зубра? — в свою очередь спрашиваю я лесника.

— Что вы! У кого же в наше время рука поднимется на такое злое дело. Раньше тоже побаивались стрелять, говорили, бог охоты Апсаты покарает, если уничтожить животных больше, чем требуется для того, чтобы прокормить семью. Теперь нужда в охоте отпала, и уж не Апсаты, а я, Амурби, слежу за порядком на заповедной земле.

Опасаясь, как бы звери не учуяли приближение людей, Амурби подводит нас к пастбищу с подветренной стороны. Сквозь деревья уже видны могучие бурые звери, словно отлитые из бронзы, — горбатая холка, широкая грудь. Огромные, они бесшумно продвигаются по лесу. Несколько лет назад их привезли сюда из зубрового питомника, чтобы восстановить вид в былых границах его обитания. Для некоторых скептиков казались невероятными попытки справиться с поставленной задачей. Но вопреки их сомнениям реакклиматизация состоялась. Дожившие до наших дней современники мамонтов неплохо себя чувствуют в Теберде, каждый год приносят потомство. Им ведут ревнивый счет, похожим на телят светло-коричневым зубрятам с большой головой — уроженцам Теберды.

Восстановление численности «дикарей» — большая человеческая победа, и досталась она непросто работающим в условиях высокогорья зоологам — научным сотрудникам Михаилу Алексеевичу Ботчаеву, Григорию Яковлевичу Бобырю и их ближайшему помощнику Амурби Шоановичу Ботчаеву. Зоолог в горах — не только ученый, собирающий материал для научной публикации, это и альпинист, и горный турист, и геолог. Зоологи в горах несчитанные ночи напролет под холодным небом и целые дни — под обжигающими лучами солнца, то в ледяной воде по пояс, то в глубоких каменных мешках. И порой лишь для того, чтобы, оставшись незамеченным, увидеть, как ведут себя непуганные звери на воле. Из наблюдений складываются выводы, из выводов составляются летописи природы, теория дает направление практическим делам. Так проходят дни, годы. И вот благодаря человеческому терпению и бескорыстной любви к природе акклиматизировались в Теберде не только зубры, коренные обитатели здешних мест, прижились дальневосточные пятнистые олени, восстановились в численности кабаны, прекрасно чувствуют себя алтайские белки, хорошо расплодившиеся по всему Ставропольскому краю. На некоторых животных уже разрешена охота (вне территории заповедника, разумеется).

Что же, всякому свое: ученым — наука, туристам — отдых, а лесникам — глаз да глаз. По извивающемуся шоссе установлены кордоны зеленых патрулей. Верные стражи лесов пропускают в Теберду и Домбай ровно столько автотуристов, сколько следует пропустить по рекомендации научных сотрудников заповедника. Машины останавливают у специальных стоянок, на конечные участки пути туристы идут пешком. В пансионатах количество отдыхающих тоже определено с точки зрения науки: красоты, целебного действия природы должно хватить и нам и длинному поколению далеких потомков. На этом стояло и стоит наше социалистическое государство.

В научных лабораториях

● Звезда Эпсилон Возничего, желтый сверхгигант третьей звездной величины, каждые 27 лет затмевается темным спутником, и свет от нее уменьшается вдвое. По поводу этого невидимого спутника было высказано множество предположений. Англичане М. Хандбери и И. Уильямс полагают, что система звезды очень молода и темный спутник представляет собой звезду и планеты в процессе их образования. Следовательно, Эпсилон Возничего в свою очередь является примером формирующейся солнечной системы. Вот почему предстоящее затмение ее в 1982 году привлечет пристальное внимание астрономов.

Ученые обнаружили, что темный спутник Эпсилона Возничего представляет собой движущийся по орбите вокруг видимой звезды диск диаметром 1500 миллионов километров, состоящий из частиц размером в несколько сантиметров и имеющий полупрозрачные края. Общая его масса в 10—11 раз больше массы Солнца. Видимая звезда этой системы примерно в 8—10 раз тяжелее Солнца.

● В отношении 12 спутников Юпитера существует гипотеза, согласно которой они возникли от двух крупных небесных тел, распавшихся на более мелкие части в результате столкновения с астероидами. Если это предположение верно, то при тщательном исследовании пространства около Юпитера там может оказаться множество небольших осколков. И действительно, в 1974—1975 годах американским ученым удалось сфотографировать 13-й и 14-й спутники гигантской планеты. Однако открытие скорее поставило новые проблемы, чем решило старые, так как, согласно теории, здесь должны существовать еще десятки подобных тел.

Сейчас выяснилось, что Ио — наиболее близкий к Юпитеру спутник — самый плотный из первых четырех, обнаруженных еще Галилеем. Такое непрерывное уменьшение плотности спутников с увеличением их расстояния от Юпитера позволяет считать, что эти спутники состоят из льда и солей, и чем дальше они от Юпитера, тем больше в них льда и тем меньше их плотность.

ЯСНОВИДЕЦ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

И. ЖЕРНЕВСКАЯ

400 ЛЕТ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
УИЛЬЯМА ГАРВЕЯ

Есть в истории науки имена-вехи, имена-символы, не подвластные течению времени, не подверженные забвению. Таков английский врач Уильям Гарвей, основатель учения о кровообращении, всей современной физиологии и эмбриологии. Заметки о нем можно было бы назвать по-другому: «Через крест поношений». Оба варианта одинаково приложимы и к жизни ученого, и к судьбе главного его труда. Оба взяты из предисловия, написанного академиком И. П. Павловым к русскому изданию Гарвеева «Анатомического исследования о движении сердца и крови у животных». Но если второе название, характеризующее условия, в каких прокладывала себе дорогу научная истина, само принадлежит уже истории, то первое, подчеркивающее силу научной мысли Гарвея, неотделимо и от современного естественнонаучного метода мышления.

400 лет назад, 1 апреля 1578 года, во второй семье Томаса Гарвея, известного в городе Фолкстоне состоятельного купца, родился старший сын Уильям. Семейная арифметика, кроме трех дочерей, насчитывала семерых мальчиков. Все братья стали коммерсантами — и удачливыми. Все, кроме старшего... Поступив в Кембриджский университет, 16-летний Уильям увлекся медициной, однако не мог совершенствоваться в избранном предмете по той причине, что ни анатомии, ни физиологии как наук в Англии того времени еще не существовало. В XVI веке соперничали между собой медицинские школы Франции и Италии. Известность у них была разная. Университет в Монпелье выдвигал имена Фернеля, Риолана и оставался хранителем, защитником медицины древности. В Италии притягательная слава окружала Падуанский университет, на его знаменах сияли имена прославленного Везалия, Фаллопия, Коломбо, Фабриция, и в нападках противников он именовался не иначе, как гнездо ереси, богоотступничества и бесчестия. В Падуе студенты не изучали богословия.

Италию предпочитали те, кого привлекало самостоятельное исследование, а не участь комментаторов трудов древних авторитетов — знаменитых грека Гиппократа и римлянина Галена. Италия еще переживала пору своего Возрождения, о которой так энергично и образно сказал Валерий Брюсов:

> Стремились все — открыть, изобрести,
> Найти, создать... Царила в эти годы
> Надежда — вскрыть все таинства
> природы.

Выбрал Италию и Гарвей — после того как побывал во Франции и Германии. Четыре года учебы в Падуанском университете дали ему степень доктора медицины и право на лечение и преподавание во всех странах и учебных заведениях.

Это факты из внешней канвы его биографии. Падуя с ее традициями, пристальным вниманием к изучению особенностей реальной жизни организма человека оказала существенное влияние на становление Гарвея-исследователя. Она воодушевила его примерами подвижничества в науке, дала уроки неуступчивости, стойкости, необходимых в поисках научной истины, и даже сказалась на самом круге интересовавших его проблем.

Можно сказать, что итальянские ученые традиционно занимались вопросами, связанными с загадками кровообращения. Коломбо (ученик Везалия), Кано, Руини, Сарпи, Цезальпин стремились постичь истинный, а не умозрительный, как было в средневековой медицине, путь крови в организмах человека и животных. Они преуспели в описании и в понимании анатомо-физиологических особенностей отдельных участков этого пути, издавна тревожившего воображение человека, но также издавна отданного во власть религиозно-мистических представлений. Однако им еще не удалось создать общую картину, учение о работе целостной системы крови в совокупности ее органов и процессов.

Наставник Гарвея в медицине и биологии — профессор Падуанского университета Фабриций, человек разносторонних научных интересов, тоже занимался этой проблемой. Его интересовали устройство и назначение венных клапанов — «задвижек». Он увлеченно работал и в такой малоисследованной области, как эмбриональное развитие животных. Его ученик сумел найти новое и более полное объяснение как тому, так и другому разделу научного знания. Не удивительно, что научная его дорога в условиях первой половины XVII века прошла «через крест поношений».

Гарвей вернулся на родину в 1602 году. Он побывал в Кембридже, подтвердил свою степень доктора медицины, отправился в Лондон, женился, начал практиковать и продолжал размышлять над тем, чем занимался в далекой Падуе. Через пять лет Лондонская коллегия врачей допустила его в свой состав. Еще через два года Гарвей уже в почетной должности доктора при госпитале святого Варфоломея. Он получил ее, имея рекомендательное письмо самого короля. Среди его пациентов и покровителей был лорд-канцлер Фрэнсис Бэкон.

В 1615 году к Гарвею переходит кафедра анатомии и хирургии в Коллегии врачей. Здесь он и выступил с лекцией, в которой изложил свое представление о природе кровообращения. Тогда-то в его записях появляются характерные выводы: «Очевидно из устройства сердца, что кровь непрерывно переносится в аорту через легкие»... «Очевидно из опыта с перевязкой, что кровь переходит из артерий в вены»... «Отсюда очевидно и непрерывное круговое движение крови, происходящее вследствие биения сердца».

Все эти «очевидно» он уточнял и проверял, перевязывая, перерезая сосуды, подсчитывая количество крови, проходящее через сердце. Он привлекал к работе математику, механику гидравлику и готовил свой труд неспешно, писал его обстоятельно, образно, доказательно. «Анатомическое исследование о движении сердца и крови у животных» вышло в свет в 1628 году.

В обращении к коллегам-врачам Гарвей подчеркнул, что предлагает новое учение о круговом движении крови, не согласное со старым многовековым учением лучших анатомов. Так оно и было. Появление его труда знаменовало конец длительного исторического периода в медицине, когда безраздельно господствовали умозрительные рассуждения, начало эпохи практического исследования живых организмов, давшего мощный импульс к развитию физиологии как научной дисциплины. Предоставим слово самому ученому:

> «Произведя многочисленные вивисекции для изучения функции сердца и его движений, наблюдая факты, и не по книгам различных авторов, я нашел это настолько затруднительным, что вместе с Фракастором* почти готов был думать, что движение сердца может быть понятно лишь одному богу... Наконец, при ежедневном внимательном и терпеливом изучении движений сердца, собрав множество наблюдений над внутренностями живых животных, я думал, что достиг цели, что мне удалось выбраться из этого непроходимого лабиринта и познать движение и функции сердца и артерий».

Научное исследование явлений, основанное на эксперименте и не затуманенное предвзятыми мистическими суждениями, проанализированное и подкрепленное убедительным, простым опытом, составило особенность естественнонаучного мышления Гарвея. К тому же, как отмечал академик И. П. Павлов, «он имел дело не с трупами — машинами, прекратившими свою работу и разрушающимися, — а с живыми организмами, — машинами в ходу, в работе».

Изучение их «в ходу, в работе» подтвердило правильность теоретических предположений Гарвея о существовании непрерывного кругового движения крови, происходящего вследствие биений сердца. Выяснилась сущность процесса — выяснились и стали понятными анатомические особенности строения кро-

---

* Джироламо Фракасторо — итальянский писатель и медик (1478—1553 гг.), первым высказал предположение о существовании невидимого заразного начала как причине многих болезней.

веносных сосудов и многие факты, открытые в трудах предшественников и современников исследователя.

Католическая церковь, которая в средние века взяла на себя роль духовной руководительницы общественной и научной жизни, привела медицину древних в согласие с основами религиозной веры и в таком виде благословила ее как единственный источник знания, образец и пример для подражания, а также метод исследования. Отступление от этой линии-догмы каралось беспощадно. Достаточно тут вспомнить, к примеру, драматическую судьбу Сервета, открывшего за четверть века до рождения Гарвея малый (легочный) круг кровообращения: он был сожжен на костре в 1553 году.

Античная медицина донесла до средних веков представления о крови как носительнице таинственной жизненной силы, божественной субстанции. И эти по существу своему еще языческие взгляды застал Гарвей. Его современники считали, что существуют две независимые друг от друга кровеносные системы артерий и вен. Первая будто бы несет одухотворенную кровь, снабжая тело духами, управляющими различными органами. А вторая — вены — предназначена будто бы для грубой, питательной крови. Медики были убеждены, что две эти жидкости, две системы никак не составляют единого целого. Строение и назначение сердечных желудочков, представленное еще в трудах Галена, и 14 веков спустя ставили анатомов перед необходимостью повторять то, что следовало из его сочинений, а не то, что они видели своими глазами.

Принятое у древних сравнение движения крови с морскими приливами и отливами уводило исследовательскую мысль в сторону от истинной картины кровообращения. Тот же Гален, чей авторитет церковь поддерживала с ревностью и постоянством, считал, что кровь движется туда и обратно одновременно в каждом сосуде.

Гарвей опроверг эти фантастические взгляды. Отстаивая идею кругового обращения крови, он стремился подтвердить ее убедительными опытами, чтобы из сферы гипотез, догадок она перешла в область конкретных фактов. Что же касается распространенного и в его время учения о духах крови, то Гарвей высказал свое понимание их в таких словах:

«Мнения насчет их отношения к нашему телу (существуют ли они независимо от крови и твердых частей, или соединены с ними) так разнообразны и противоречивы, что это учение о духах служит только обычным убежищем невежества. Их пускают в ход во всех необъяснимых случаях, как плохие поэты выдвигают на сцену богов, когда нужно распутать интригу и привести к развязке».

«Анатомическое исследование...» было невелико по объему, всего 72 страницы. Печаталось оно в немецком городе Франкфурте. Гарвей не назвал в нем имен своих предшественников — Сервета, Цезальпина. Случайно ли? Ответ содержится в политической и религиозной атмосфере Англии того времени, представлявшей реальную опасность для тех, кто разделял научные убеждения людей, считавшихся еретиками.

Свое исследование Гарвей посвятил королю, «защитнику веры», и возлагал особые надежды на вступление к книге, обращенное к «любезным коллегам». Это вступление интересно тем, что объясняет взгляды ученого на необходимость свободы опытного исследования, которое не должно подчиняться ни «преданиям» (читай: религиозной вере), ни «авторитетам старины» «как своей учительницы». Но, несмотря на обращение, новой теории кровооборота и ее автору досталось изрядно. «Это нежнейшее дитя, — писал Гарвей, — терзали злословием как недостойное появления на свет». Противники его объединились под лозунгом: «Лучше ошибки Галена, чем истины Гарвея!»

Таким же небольшим по объему был другой труд Гарвея, опубликованный в 1651 году, — «Исследования о зарождении животных». Ученик Фабриция, основоположника эмбриологии, английский ученый стремился получить ответ на вопрос: что раньше зарождается — сердце с артериями или печень с венами? Сердце первым начинает жить и последним умирает, — пришел он к выводу. В этой области он собрал большой фактический материал, сделал ряд интересных наблюдений и пришел к широким обобщениям. Вот, например, одно из них:

«Каждое животное пробегает, формируясь, одни и те же ступени; оно проходит через различные формы организации, становясь поочередно то яйцом, то червем, то зародышем и приближаясь вместе с каждым фазисом своего развития к совершенству».

И здесь Гарвей продолжал свое исследование природы, минуя религиозные абстракции и опираясь на реальные факты — эксперимент.

В своем стремлении познать тайны живых организмов ученый был равнодушен к богословским разногласиям и религиозным распрям. Он строго отделял свое восторженное изумление по поводу чудес Вселенной от практических исследований, где ему, по словам И. П. Павлова, свойственно было «ясновидение действительности».

Всего сто лет, уже сто лет

О чем писали русские газеты и журналы в апреле 1878 года

...Учатся не для того, как многие привыкли думать, чтобы казаться умнее, почтеннее, много знать и зарабатывать легче и больше денег... Нет, грамотеи-христиане учатся и научаются собственно для того, чтобы возможно полнее познать бога и всесовершенные его свойства, обнаруживаемые на каждом шагу его дивных творений, для того, чтобы всесторонне узнать и постоянно напоминать себе волю божию, выраженную в его законе, писанном в божественных христианских книгах.

«Странник»

В первой половине марта в Екатеринодарском окружном суде разбиралось любопытное дело по обвинению целого общества горцев Майкопского уезда в сжигании на кострах и других пытках нескольких человек, заподозренных в колдовстве. В качестве главных соучастников привлечено было 19 обвиняемых, в том числе три лица из магометанского духовенства.

Обстоятельства, послужившие поводом к возбуждению этого оригинального процесса, как выяснилось из обвинительного акта и судебного следствия, заключаются в следующем: летом 1874 года у жены старшины аула Натырбовского Бахтыгирея Натырбова, Хаджигалы, была в гостях одна из женщин аула по имени Чось Меретукова. Во время беседы хозяйка сообщила гостье, что муж ее, Бахтыгирей Натырбов, охладел к ней, и просила сходить к некоей Хакопо Хаучевой, у которой, по слухам, есть такое снадобье, которое может приворожить всякого мужчину. Чось Меретукова исполнила ее просьбу, но Хаджигала раздумала им воспользоваться и в минуту откровенности сообщила обо всем мужу. Старшина Бахтыгирей Натырбов вызвал Меретукову в аульное правление и стал допытываться от нее признания в колдовстве; не получив желаемого, приказал отвести ее в арестантское помещение и приковать там к стене цепью. На следующий день утром заключенную раздели догола, накинули ей цепь на шею, притащили во двор правления, где заблаговременно были приготовлены костры, и стали жарить, требуя сознания. Ночь пытаемая провела снова в арестантской, а на другой день пытка была возобновлена. Одновременно с этим по распоряжению старшины были привлечены еще другие лица по обвинению в колдовстве и также подвергнуты пыткам на кострах, причем от них требовали признания в совершенных ими преступлениях, а потом, смотря по степени вины последних, положены были наказания в виде разнообразных мучений... Хаучева оговорила в колдовстве еще нескольких лиц, которых постигла та же участь.

«Московские ведомости»

Несколько времени назад в одесской городской больнице умер от оспы помощник секретаря одесского городского съезда мировых судей Казачинский, и так как он был католик, то для погребения его был приглашен католический священник, который отказался отпевать и провожать на кладбище покойного на том основании, что до его, ксендза, слуха дошло сведение, будто Казачинский при жизни своей более десяти лет не исповедовался и не причащался.

«Голос»

Пропаганда научного мировоззрения

Войцех ПОМЫКАЛО

20 лет назад начал выходить в Польше журнал «Выховане» («Воспитание») — орган созданного тогда Общества светской школы. В активе журнала — многолетний этап сложной и напряженной борьбы за светскую школу в Народной Польше, за полное отделение народного образования от церкви. В его активе — и многие тысячи публикаций, которые помогали учителям воспитывать молодые поколения поляков в духе любви к родине, преданности социалистическим идеалам, в духе научного, материалистического мировоззрения.

Последние годы журнал выходит дважды в месяц под названием «Освята и выховане» («Просвещение и воспитание») — как орган Министерства просвещения и воспитания Польской Народной Республики. Но и теперь тема мировоззренческого воспитания школьников по-прежнему занимает в нем одно из ведущих мест.

Именно этой проблеме и посвящена предлагаемая вниманию читателей статья бессменного главного редактора журнала Войцеха Помыкало, доктора философии, члена правления Общества распространения светской культуры.

В настоящее время, в условиях научно-технической революции и строительства развитого социалистического общества в Польше, пропаганда научного мировоззрения становится все более насущной задачей. Неизмеримо возрастает роль мировоззрения как одного из главных факторов формирования всесторонне развитой личности, убежденного, активного строителя социализма. Конфронтация научного, последовательно материалистического мировоззрения (представляющего собой обобщение всей накопленной человечеством суммы знаний и его социального опыта) с различными иными, прежде всего религиозными, концепциями вступила ныне в новый этап. Все это требует поднять на более высокий уровень как теоретическую разработку проблемы (в частности, мировоззренческое обобщение новейших данных естественных и общественных наук), так и всю многообразную работу по пропаганде научного, материалистического мировоззрения, по мировоззренческому воспитанию широких народных масс, прежде всего молодежи.

Современная стратегия пропаганды и формирования научного мировоззрения исходит из двух основополагающих предпосылок.

Во-первых, она подчинена требованию укрепления единства всех граждан ПНР, независимо от того, какого мировоззрения они придерживаются, сплочения их вокруг осуществляемой Польской объединенной рабочей партией (ПОРП) программы динамичного развития экономики страны, повышения благосостояния всех ее граждан, максимального удовлетворения их материальных и духовных потребностей.

Во-вторых, эта стратегия учитывает новые явления в социальной и духовной жизни нашего общества. Речь тут идет о том, что на нынешнем этапе его социальной зрелости, когда, с одной стороны, элементарные материальные потребности людей (в продуктах питания, одежде, жилище и т. д.) удовлетворяются все полнее, а с другой — неизмеримо возрос уровень образования народа, открылся широкий доступ к культуре. В таких условиях на первый план все больше выступают духовные ценности, люди все чаще и глубже задумываются над теми проблемами, которые прежде заслонялись элементарными материальными заботами, — над сущностью человека, смыслом жизни, над законами развития общества и самыми общими закономерностями окружающего нас Мира. А это и есть те вопросы, правильный ответ на которые может дать только научное мировоззрение. Вот почему столь очевидно возрос в последнее время интерес к философской проблематике в самых различных кругах нашего общества, вот почему такой популярностью пользуются книги, журнальные и газетные статьи, кинофильмы, театральные спектакли, радио- и телевизионные передачи, в которых освещаются мировоззренческие проблемы.

Активизация пропаганды научного мировоззрения диктуется также тем уровнем, которого достиг к настоящему времени в нашей стране процесс лаицизации[1]. Индустриализация страны, урбанизация, массовая миграция людей в города — их переход из сельских приходов, представляющих собой относительно замкнутую религиозную общину, где все хорошо знают друг друга, в условия социальной анонимности промышленного города, кризис политического авторитета церковной иерархии и духовенства — все эти и другие аналогичные процессы достаточно далеко продвинули вперед процесс лаицизации. При этом растут политическая активность и зрелость широких масс трудящихся. Все больше людей принимают участие в общественных делах, в решении тех или иных вопросов в трудовом коллективе, в профсоюзной, молодежной и других общественных организациях. Массовый социальный опыт рождает размышления о себе, о своем месте и роли в обществе.

Однако освобождение достаточно многочисленных масс людей от политического, идеологического и частично мировоззренческого влияния церкви и религии далеко не всегда сопровождалось сознательным и целенаправленным приятием научного

[1] Термином «лаицизация» наши польские коллеги обозначают весь многообразный процесс освобождения от религиозного влияния общественной жизни и сознания людей (р е д.).

мировоззрения. Его элементы зачастую сосуществуют в сознании людей с пережитками старых взглядов и представлений. Таким образом создалась диспропорция между отказом от старого, религиозного мировоззрения и формированием нового — научного. И это настоятельно диктует необходимость расширения, углубления, совершенствования его пропаганды. В этом же направлении действуют и повышение общеобразовательного уровня народа, распространение культуры, участие в ее созидании не только профессионалов, но и широких масс самодеятельных любителей.

Иначе говоря, речь сейчас идет о процессе воспитания всесторонне развитой личности, в котором формирование научного мировоззрения занимает важное место. В этой работе мы стремимся избежать двух крайностей. С одной стороны, сектантского догматизма, который неправомерно выдвигает на первый план мировоззренческие критерии, считает их определяющими для оценки личности — в ущерб критериям политическим, идеологическим, трудовым и т. д. Такой подход только вредит делу, не содействует укреплению идейно-политического единства всего польского народа — как верующих, так и неверующих.

С другой стороны, не до конца изжита еще и опасность оппортунистического подхода к этому важному делу, когда не уделяют достаточного внимания пропаганде научного мировоззрения, ошибочно считая, что оно формируется само по себе — в результате экономического и социального прогресса общества, что целенаправленные пропагандистские и воспитательные усилия здесь не нужны. Из этих взглядов вытекает также, что мировоззрение человека не влияет на его отношение к труду и общественно-политическую активность.

Оппортунистическая позиция проявляется и в провозглашении мировоззренческой нейтральности государства. Это объективно ведет к монополии пропаганды религиозного мировоззрения. Сторонники таких взглядов считают, что замалчивание мировоззренческой проблематики является залогом хороших отношений с церковной иерархией и условием успешного осуществления нашей политики по отношению к религиозным организациям.

Оппортунистическая линия в этом вопросе столь же опасна, как и догматическо-сектантская. Обе они проистекают из непонимания назревшей в нашем обществе необходимости активной, целенаправленной, продуманной и координированной пропаганды научного мировоззрения среди самых широких народных масс.

Определенный опыт такой работы у нас уже имеется. Можно назвать ряд книг по мировоззренческой тематике, прежде всего — Т. Ярошевского, Я. Кучиньского, З. Цацковского, М. Михалика, В. Шевчука и других наших ученых, многочисленные публикации в журналах «Чловек и святопогльонд» («Человек и мировоззрение»), «Идеология и политика», «Освята и выховане», в еженедельнике «Аргументы». Немалая работа в этом направлении ведется в Институте философии и социологии Польской академии наук, в Высшей школе общественных наук при ЦК ПОРП, в институтах религиоведения, созданных при Ягеллонском (Краков), Вроцлавском и Люблинском университетах, в Польском обществе религиоведения, в научных учреждениях Министерства просвещения и воспитания. Большую работу по пропаганде научного мировоззрения ведет Общество распространения светской культуры (ОРСК). С интересом встретили телезрители большой цикл передач по научной критике Библии. Но это, разумеется, только начало работы, рассчитанной на многие годы.

Один из главных залогов ее успеха — четкое представление о том, в каких условиях нам предстоит действовать, какова современная мировоззренческая ситуация. В последние годы у нас развернулись широкие социологические исследования, дающие ясное представление не только об общем уровне религиозности, но и о структуре религиозного сознания в различных социальных и возрастных группах, о характере и динамике происходящих здесь изменений. Значительно более глубоко и всесторонне, чем прежде, исследована современная социальная доктрина католической церкви, ее приспособление к современности, понимание духовенством значения диалога между католиками и марксистами, методы и средства религиозного воздействия на верующих. Все эти и другие религиоведческие исследования требуют еще дальнейшего расширения, лучшей координации, их результаты нужно шире публиковать, обсуждать, обобщать, ставить на службу практической пропаганде научного мировоззрения.

С другой стороны, требуется дальнейшее философское осмысление новейших достижений естественных наук — физики, астрономии, химии, биологии и т. д., исследование самого научного мировоззрения — его сущности, содержания, его взаимодействия с идейно-политическими убеждениями людей, с их жизненной позицией, а также условий и методов его формирования, обобщение имеющегося опыта этой работы.

Необходимо далее создать стройную и продуманную систему пропаганды научного мировоззрения. В частности, следует активизировать участие в этом деле наших издательств, периодической прессы, радио, телевидения, кино и других средств массовой информации, которые призваны повседневно в популярной форме пропагандировать среди читателей и зрителей новейшие достижения науки и давать их философскую, мировоззренческую интерпретацию.

В воспитании молодых поколений поляков в духе научного мировоззрения важнейшую роль играет школа — все ее звенья и типы, от начальной до высшей. Для успешного выполнения этой ее функции требуется органическое согласование между всеми предметами учебного цикла — с тем чтобы в каждом из них специально выделялись мировоззренческие проблемы, а весь учебный процесс в целом активно влиял на формирование научного мировоззрения учащихся. Здесь еще предстоит большая работа по совершенствованию школьных программ и учебников, разработке методики и подготовке учителей к выполнению этой ответственной задачи. В ее осуществлении уже активно участвуют многочисленные кружки молодых рационалистов, сеть которых постоянно растет[2].

[2] О кружках молодых рационалистов см. статью в № 5 «Науки и религии» за 1975 г. (р е д.).

Осуществляемая ныне в нашей стране школьная реформа, переход к всеобщему десятилетнему образованию несомненно будут содействовать также и решению этих задач.

Нельзя забывать, что всю многообразную работу по пропаганде научного мировоззрения нам приходится вести при активном противодействии наших оппонентов — защитников религиозного миропонимания. Приведу только один характерный пример. Когда в сейме обсуждался законопроект «О развитии системы просвещения и воспитания», депутат от католической группы «Знак» внес поправку — предложил первый параграф, гласящий, что школа призвана формировать «научный взгляд на мир», сформулировать иначе: «формировать жизненную позицию и взгляды, опирающиеся на научное знание». Казалось бы, поправка несущественная, чисто терминологическая. Но вдумаемся, что за ней скрывается. Ведь современные религиозные идеологи считают, что и религия «опирается на научное знание»,— так что в данном случае мы имеем дело с попыткой затушевать разницу между принципиально противоположными и непримиримыми мировоззрениями — научным и религиозным, представить их как равноправно опирающиеся на научные знания и тем самым открыть путь для религиозного влияния на школьную молодежь.

Попытки религиозных идеологов и защитников религии действовать в этом направлении не единичны. Они прилагают немало усилий к тому, чтобы доказать, будто различные мировоззрения могут опираться на научные знания, и представить научные и религиозные мировоззрения как равно претендующие на истинное объяснение мира. С другой стороны, защитники религии из лагеря неопозитивистов ставят под сомнение научные выводы из данных современных естественных наук и стремятся предоставить материалистическое и религиозное мировоззрения лишь как две гипотетические конструкции, равно не имеющие ничего общего с наукой. Наконец, третья тенденция здесь заключается в провозглашении постулата, будто в любой общественной формации (и социалистическое общество для сторонников такой позиции не является здесь исключением) люди нуждались и будут нуждаться в сверхъестественном начале. Человек может якобы стать даже партнером бога в продолжении дела творения, но сверхъестественная природа божества всегда остается первичной и определяющей.

Как видим, материалистическому мировоззрению противостоят различные апологетические религиозные концепции, цель которых — вдохнуть жизнь в религиозное мировоззрение, сделать его конкурентоспособным в борьбе с научным мировоззрением.

Учет всех этих обстоятельств, той обстановки, в которой нам приходится действовать, позволит разработать такую перспективную стратегию пропаганды научного мировоззрения, которая, будучи органической частью осуществляемой партией политики динамичного развития страны, построения общества развитого социализма, будет содействовать формированию нового, всесторонне и гармонично развитого человека.

После съезда

После III съезда Общества распространения светской культуры (информация о нем была помещена в 3-м номере «Науки и религии») по всей Польше проходят пленумы и собрания местных организаций ОРСК, обсуждаются итоги съезда, его решения, намечаются пути осуществления поставленных съездом задач.

В Варшаве проведено всепольское собрание актива ОРСК, на котором с докладом о главных направлениях идеологической работы в свете решений II конференции ПОРП выступил заведующий отделом идейно-воспитательной работы ЦК ПОРП Веслав Климчак.

В Кошалине состоялась встреча возвратившихся со съезда делегатов с группой руководящих партийных и административных работников Кошалинского воеводства. Председатель воеводского правления ОРСК Эварист Шиманьский и секретарь правления Станислав Енджейчик проинформировали участников встречи о деятельности воеводской организации ОРСК. В ее рядах — 1300 действительных членов и 2658 сочувствующих. Они ведут разнообразную массовую работу по пропаганде научно-материалистического мировоззрения в 31 лектории, в действующих при школах 35 клубах молодых рационалистов и 65 университетах для родителей, в созданных при отделениях загс 13 университетах для молодоженов.

В нынешнем году в воеводстве создаются университет молодых рационалистов для актива школьных клубов и учебно-консультационный пункт для учителей, ведущих в старших классах школ курс подготовки к жизни в социалистической семье.

В Щецине итоги III съезда ОРСК были обсуждены на научно-практической конференции, в которой приняли участие более 300 активистов воеводской организации ОРСК. В Щецинском педагогическом институте с лекцией об итогах съезда выступил известный варшавский религиовед Эдвард Цюпак.

В Лешно делегаты, возвратившиеся со съезда, встретились с ветеранами атеистического движения в Лешненском воеводстве. На встрече, собравшей более ста участников, ветеранам были вручены награды. Решено открыть в местном музее экспозицию, рассказывающую об истории атеистического движения в воеводстве.

В Новы-Сонче прошел пленум правления воеводской организации ОРСК, обсудивший вопрос о мировоззренческом воспитании молодежи в свете требований съезда.

В Торуни, на родине Коперника, первые послесъездовские дни были ознаменованы важным событием: в Доме студентов Торуньского университета создан Клуб атеистической мысли. Здесь будут регулярно проходить встречи студентов с философами, литераторами, журналистами и другие мероприятия. На первом заседании клуба доктор философии Ежи Павловский прочел лекцию о структуре научного мировоззрения.

И. ГРИГУЛЕВИЧ,
доктор
исторических
наук,
заслуженный
деятель
науки
РСФСР

ОСЛЕПЛЕННЫЙ АНТИ-КОММУНИЗМОМ

Акилле-Амброзио Ратти, итальянец, родился 31 мая 1857 года в семье текстильного фабриканта в Дезио близ Милана. Важнейшие церковные посты: директор Ватиканской библиотеки, нунций в Польше, врхиепископ Милана, кардинал. Избран папой 6 февраля 1922 года, принял имя Пия XI. Заключил Латеранский договор с Муссолини и конкордат с Гитлером, поддержал мятеж Франко в Испании. Призывал к «крестовому походу» против СССР. Умер от инфаркта 10 февраля 1939 года в возрасте 81 лет.

Глава из книги «Папство: век XX», выходящей в Политиздате. Публикуется в сокращенном виде. Еще две главы из этой книги см. в № 1 и 3 за этот год.

КОМПРОМИССНЫЙ КАНДИДАТ

На конклаве, собравшемся для избрания преемника Бенедикта XV, царила растерянность. Старая, предвоенная Европа отошла в прошлое. В России впервые в истории человечества к власти пришли трудящиеся, наступила новая эра — эра социализма. Всюду к кормилу правления приходили новые люди, повсеместно возникали новые партии и политические движения. В Италии к власти рвались фашисты во главе с бывшим социалистом Муссолини. Европейские страны с трудом выходили из послевоенного кризиса. Буржуазные политики кричали об угрозе коммунизма, который, мол, если его не остановить, захлестнет Европу, весь мир. В католических кругах царило беспокойство.

Бенедикт XV, пытавшийся лавировать в этой противоречивой и быстро меняющейся обстановке, добился только того, что растерял многих друзей и союзников. Его смерть открыла возможность исправить допущенные им промахи, постараться наверстать упущенное. Но для этого его преемником должен был стать человек, обладающий дипломатической ловкостью и изворотливостью, знанием международных дел, авторитетом в церкви. Такого бесспорного кандидата среди итальянских кардиналов, из которых тогда только и мог быть избран папа, подыскать было нелегко. Большинство состояло из старых интриганов, не отличавшихся ни особыми талантами, ни эрудицией, ни характером.

Выборы были долгими и трудными. После трех безрезультатных туров оба первых претендента сняли свои кандидатуры. Тогда стали баллотироваться два других. Борьба между ними развернулась весьма остро, но и они не смогли получить требуемых двух третей голосов. Выход предложил один из бывших претендентов кардинал Гаспарри, выдвинувший кандидатуру 65-летнего Акилле Ратти, только за восемь месяцев перед этим назначенного архиепископом Милана и всего лишь полгода назад удостоенного кардинальской шапки. И хотя большинство выборщиков его совершенно не знало, он получил требуемые две трети голосов.

Акилле Ратти считался книжником. Друзья в шутку называли его «альпинистом». Этим спортом он страстно увлекался в молодости. В районе Монблана его именем была даже названа одна тропа. Он с удовольствием ездил на велосипеде и даже намеревался принять участие в экспедиции на Северный полюс. А пастырской деятельностью почти не занимался. Закончив Грегорианский университет и академию святого Фомы в Риме, он 30 лет заведовал архиепископской Амброзианской библиотекой в Милане и там же преподавал ораторское искусство в одной из семинарий, где его прозвали «молодым стариком». В 1914 году, незадолго до своей смерти, Пий X перевел Ратти в Рим на должность вице-префекта (вице-директора) Ватиканской библиотеки. Пост этот в папском окружении считался второстепенным, хотя и весьма доверительным, так как библиотека включала в себя и секретный архив папства.

С избранием в 1915 году на «святой престол» Бенедикта XV, однокашника Ратти по Грегорианскому университету, позиции последнего заметно окрепли. Вскоре он был назначен префектом библиотеки, что открыло перед ним новые перспективы. Теперь он только ждал удобного случая, чтобы занять более выгодный и перспективный пост.

Когда в 1919 году встал вопрос о назначении нунция в Польшу, Бенедикт XV одобрил кандидатуру Ратти на этот пост. Ведь тот владел французским, немецким, бывал в Германии и Австро-Венгрии, в со-

Акилле Ратти — нунций в Варшаве.

став которых входила часть польских земель. По совместительству папа назначил Ратти и апостолическим визитатором в Россию. Впрочем, не получив разрешения на въезд туда, тот так и остался в Польше. Он дружил с маршалом Пилсудским, который наградил его высшим польским орденом Белого орла. Три года спустя, когда умер миланский архиепископ Феррари, Ратти был отозван из Польши и назначен на его место. Вскоре он стал кардиналом и преемником Бенедикта XV.

Новый папа был сыном известного текстильного фабриканта из Ломбардии, сколотившего себе изрядное состояние темными махинациями. Его отец закупал по дешевке сукно в Ливане, а затем перепродавал его как итальянское по более высоким ценам. У Акилле имелись отличные связи с влиятельной миланской буржуазией, которая, по существу, правила Италией. Эти связи тянулись и к лидеру фашистского движения Бенито Муссолини, «логово» которого (так официально называлась штаб-квартира фашистов) располагалось тогда тоже в Милане. Ратти был сторонником примирения с итальянским государством, его знали в придворных кругах, он даже был награжден королевским орденом святых Ладзаро и Маурицио. Говорили, что в Милане у него был роман с одной великосветской дамой. Но в Ватикане смотрели на это сквозь пальцы. Ратти был тесно связан с иезуитами. По-видимому, все эти обстоятельства также способствовали его избранию.

Но больше всего этим он был обязан, как уже говорилось, кардиналу статс-секретарю Гаспарри. Ратти обещал тому в случае своего избрания оставить его на посту статс-секретаря, что и сделал. Более того, став папой, он посвятил в кардиналы еще и племянника Гаспарри — Энрико. Это был типичный сговор, а виновные в таковом при избрании папы, согласно уставу конклава, автоматически отлучались от церкви. В свою очередь сторонники Ратти обвиняли в сговоре на конклаве Мэрри дель Валя и его приверженцев. Но обе клики ограничились лишь словесной дуэлью. Ратти получил в 14-м туре 42 из 53 голосов, и аннулировать его избрание уже никто не мог, да, пожалуй, и не хотел.

Ломбардец всех устраивал. Он с первых же минут своего избрания проявил себя ловким политиком. Чтобы задобрить последователей Пия X, он назвался Пием XI. Не преминул сделать и жест в сторону итальянского государства. Впервые после Пия IX он вышел на балкон собора святого Петра, выходящий на одноименную площадь — итальянскую территорию, чтобы благословить верующих. Таким образом, новый папа нарушил данный Пием IX обет затворничества, чем подтвердил, что является сторонником примирения со светской властью.

В ОБНИМКУ С ФАШИЗМОМ

Избрание Ратти на папский престол горячо приветствовал лидер фашистов Муссолини. Он писал в своей газете «Пополо д'Италия»: «Ратти пользуется симпатиями и среди нас, в светском мире. Я убежден, что с Пием XI отношения между Италией и Ватиканом улучшатся». Шесть месяцев спустя, в августе 1922 года, к власти в стране пришел Муссолини. За эти полгода его чернорубашечники при попустительстве властей бесчинствовали в городах и селах, истязали и убивали левых активистов, громили помещения рабочих и демократических организаций, совершили множество других преступлений.

Как же реагировал новый папа на эти события? Пий XI и его советники толкали католическую «народную партию» на сговор с фашистами. Его святейшество делал ставку на Муссолини.

Ратти покинул буржуазную Польшу закоренелым антисоветчиком, врагом коммунизма. Хотя он и предпочитал немцев полякам, тем не менее с большим уважением относился к фашистскому диктатору Пилсудскому. Ратти считал, что только «сильная» власть может успешно бороться с большевизмом. Дуче в его глазах как раз и олицетворял такой идеал государственного деятеля. Впоследствии он назвал фашистского диктатора человеком, которого само божественное провидение призвало править Италией.

Презрение к демократии, зоологический антикоммунизм, шовинизм, защита интересов крупного капитала и другие типичные черты фашистской идеологии импонировали Пию XI и казались ему слепком с традиционного социально-политического учения католической церкви, основы которого были заложены еще Львом XIII в энциклике «Рерум новарум» («О новых вещах», 1891 г.). То, чего церковь никогда не смогла добиться в Италии — сломить, растерзать прогрессивные силы, — обещал сделать Муссолини. При таком правителе Ватикану было легче всего достигнуть примирения с буржуазным государством. Исходя из этих соображений, Пий XI через свою газету «Оссерваторе Романо» приветствовал приход дуче к власти.

Муссолини без особого труда добился доверия вновь избранного папы и кардиналов и через них заручился в парламенте столь необходимой поддержкой католической «народной партии». Это позволило ему укрепить свою на первых порах весьма шаткую власть, придать ей столь необходимую респектабельность. Вхождение правых лидеров «народной партии» в правительство Муссолини к тому же значительно ослабило демократическую оппозицию. Фашистскому вожаку удалось перетянуть на свою сторону некоторых правых католических лидеров, однако остальные не решились пойти на открытый сговор с ним, опасаясь потерять поддержку масс.

Ряд шагов, которые предпринял дуче, придя к власти, не могли не вызвать благоприятного отклика в Ватикане. Между декабрем 1922 и январем 1923 года его правительство распорядилось поместить во всех школах, больницах и судах распятия, усилило наказания за оскорбление католической религии и духовенства, восстановило должность капелланов в армейских подразделениях, повысило жалованье приходским священникам, обещало ввести преподавание закона божьего в школах, наконец, запретило членам фашистской партии принадлежность к масонским ложам, участники которых считались отлученными от церкви. Диктатор, разумеется, надеялся на взаимность, и он не ошибся в своих расчетах.

В январе 1923 года состоялась секретная встреча Гаспарри с фашистским вожаком, длившаяся несколько часов. Муссолини предложил покончить с «римским вопросом» путем заключения договора, который бы предоставил Ватикану экстерриториальность и независимость. Статс-секретарь Пия XI вначале выразил сомнение, удастся ли дуче добиться одобрения такого договора палатой депутатов. Тот заверил, что в противном случае он распустит палату и изберет новую.

— Но если вы не измените избирательного закона, то получите вновь такую же непослушную палату, — продолжал сомневаться хитрый кардинал.

— Не беспокойтесь, избирательный закон мы тоже изменим, — успокоил его Муссолини.

«Тогда я понял, — признался Гаспарри десятью годами позже французскому послу при Ватикане Франсуа Шарль-Ру, — что с этим человеком можно будет договориться».

На этой же встрече Муссолини обещал оказать финансовую помощь ватиканскому «Банко ди Рома», находившемуся на грани банкротства в результате неудачных послевоенных спекулятивных операций. Теперь оставалось только официально ликвидировать «римский вопрос».

Между тем отношение «народной партии» к Муссолини стало меняться. Большинство ее членов было настроено антифашистски и требовало от своего руководства осуждения кровавых преступлений, которые ежедневно творили чернорубашечники, в том числе против верующих и даже священников, отказавшихся им подчиняться. Давление снизу вынудило министров-католиков покинуть кабинет Муссолини. «Народная партия» перешла в оппозицию.

Диктатору такой поворот событий пришелся не по вкусу. Он стал шантажировать Ватикан, угрожая конфисковать церковное имущество в Италии и запретить все клерикальные организации, если католики откажут ему в поддержке. Пий XI и его окружение решили пожертвовать «народной партией», чтобы сохранить расположение Муссолини. Они настояли на ее самороспуске. Руководители партии подчинились. Их лидер священник Луиджи Стурцо покинул Италию. Его заместитель Альчиде де Гаспери перебрался в Ватикан, где получил место в той самой библиотеке, которой неза-

долго до этого руководил Ратти. С ликвидацией «народной партии» церковники сосредоточили свои силы в «Католическом действии» — массовой организации мирян, находящейся под контролем епископата. Муссолини не возражал. Ему позарез нужна была поддержка Ватикана, и он был готов до поры до времени терпеть «Католическое действие», тем более что эта организация не только не мешала ему разделаться с рабочим и демократическим движением, но даже одобряла его террористическую политику.

Для большей уверенности Пий XI назначил главой «Католического действия» своего человека — видного капиталиста из Ломбардии Луиджи Коломбо, не скрывавшего своих профашистских симпатий, а его духовным советником — заместителя статс-секретаря монсеньера Пиццардо.

ВАТИКАН — ГОСУДАРСТВО

В 1926 году, когда при содействии Ватикана все антифашистские партии, в том числе «народная», были разгромлены и загнаны в подполье, Пий XI уполномочил статс-секретаря Гаспарри начать переговоры с Муссолини, которые привели в 1929 году к подписанию Латеранского договора. От имени папы его подписал кардинал Гаспарри, а от имени итальянского короля — премьер-министр Муссолини. Церемония подписания состоялась не в Ватикане, а в Латеранском дворце, примыкающем к собору святого Лаврентия. Муссолини, таким образом, не встречался с папой, что позволило ему избегнуть унизительной для дуче процедуры коленопреклонения и целования руки «наместника святого Петра».

Латеранский договор учреждал город-государство Ватикан площадью в 44 гектара. Состоящими под его юрисдикцией были также объявлены загородная папская резиденция Кастель (замок) Гандольфо и двадцать римских дворцов. Договор включал конкордат, регулировавший отношения между церковью и государством в стране. Он признавал право Ватикана распоряжаться по своему усмотрению итальянским духовенством, которое наделялось особыми правами. Духовное лицо подлежало юрисдикции только церковного суда, санкции которого, в том числе отлучение, лишение сана и другие канонические наказания, влекли за собой лишение и гражданских прав. Брак, заключенный по церковному обряду, мог быть расторгнут только церковью. Вводилось обязательное преподавание религии в начальных и средних учебных заведениях. Согласно конкордату, признавалось право на существование «Католического действия» как организации «воспитательной», стоящей вне политики.

Немаловажное значение для Ватикана имело и финансовое урегулирование претензий папства к итальянскому государству. Муссолини выплатил Ватикану в порядке компенсации за утрату светской власти огромную сумму — 1 миллиард 750 миллионов лир (90 миллионов долларов по тогдашнему курсу). Для управления этими фондами Пий XI создал специальную администрацию во главе с банкиром Бернардино Ногарой, занимавшим этот пост в течение 30 лет.

Благодаря латеранским соглашениям, отмечает итальянский экономист Джованни Грилли, католическая церковь смогла в короткие сроки «накопить колоссальные средства, используемые в Италии и в других странах, и создать густую сеть учреждений и организаций,.. внедряясь в экономическую и общественную жизнь Италии», а также «придать самым различным сторонам жизни страны такой характер, который, как правило, противоречит материальным и духовным интересам нации и тормозит общественное развитие Италии, развитие ее науки и культуры»[1].

Появление на карте еще одного карликового государства стало своего рода сенсацией для филателистов и нумизматов. Ватиканские марки и монеты шли нарасхват, продавались по спекулятивным ценам. По распоряжению Пия XI к ватиканскому кварталу в спешном порядке пристроили вокзал и провели туда железнодорожную ветку. Открыли почтовую и телеграфную контору, выстроили даже тюрьму: что за государство без тюрьмы? В Ватикане есть свои музеи, свои секретные архивы, своя обсерватория, свои врачи, собственные аптеки и больница, собственная пожарная команда.

Ватиканское подданство не наследственно, а в каждом отдельном случае предоставляется лично папой, который может лишить его, когда того пожелает. Подданные Ватикана не платят налогов и не являются военнообязанными, но зато должны посещать все богослужения и соблюдать все церковные ритуалы. Подданным его святейшества запрещается проносить на территорию Ватикана фотоаппараты. Свое первое жалованье ватиканские служащие отдают в специальный похоронный фонд, из которого потом покрываются расходы по их погребению. Продукты и промышленные товары подданные его святейшества приобретают в закрытых магазинах ватиканского управления по снабжению, которое пользуется правом беспошлинной закупки товаров и продает их значительно дешевле, чем в остальной Италии. Пользуясь этими «ножницами», чиновники и обслуживающий персонал папского государства вовсю спекулируют. Особенно прибыльными эти операции были в военные и послевоенные годы, когда страна ощущала острую нехватку продовольственных и промышленных товаров.

Половину подданных Ватикана, число которых не превышает тысячи, составляют военные. Папское «войско» состоит из дворянской и швейцарской гвардий, а также из жандармов. Оно охраняет дворцы, наблюдает за порядком в соборе святого Петра, сопровождает папу во время его поездок в Кастель Гандольфо и другие резиденции, из них комплектуется почетный караул во время визитов именитых гостей и дипломатов.

С созданием государства Ватикан был официально утвержден его флаг, состоящий из двух вертикальных полос — желтой и белой — с папским гербом на последней.

Таким образом, как сказано в одном путеводителе, «Ватикан представляет собой государство в государстве. Это независимая территория в самом сердце итальянской столицы. Имеет правящего государя, двор, дипломатические представительства».

МЕТАМОРФОЗЫ АКИЛЛЕ РАТТИ

Ничем особенно не примечательный до своего избрания на папский престол прелат, всегда державшийся в тени, став Пием XI, проявил себя вспыльчивым автократом и железной рукой управлял римской курией. Кардиналы и другие чиновники, которым приходилось общаться с ним, боялись и не любили его. Если его распоряжение моментально не выполнялось или выполнялось на его взгляд неквалифицированно, Пий XI впадал в раж, повышал голос и начинал стучать кулаком по письменному столу так, что присутствующие опасались, как бы он его не разнес в щепки.

— Я нуждаюсь не в сотрудниках, а в исполнителях, причем грамотных, — неоднократно напоминал он своему ближайшему окружению.

К кардиналам он относился как к мальчишкам на побегушках. Когда однажды на требование папы показать ему подлинник одного документа, подписанного Пием X, кардинал Гаспарри ответил, что тот куда-то запропастился, Ратти заявил статс-секретарю, которому, по существу, был обязан своим троном:

— Если к вечеру документ не будет у меня на столе — всех чиновников статс-секретариата, включая тебя, уволю!

Пий XI не любил поки-

[1] Дж. Грилли. Финансы Ватикана в Италии. М., 1963, стр. 83.

Ратти — папа Пий XI.

План государства Ватикан.

дать Ватикан. Лишь через четыре года после подписания латеранских соглашений он впервые посетил свою летнюю резиденцию Кастель Гандольфо, причем во время поездки лопнула шина на одном из колес его лимузина, что весьма расстроило суеверного папу. Он предпринял строительство новых зданий и перестройку и ремонт старых помещений в Ватикане и Кастель Гандольфо. О масштабах строительства можно судить по тому, что на нем было занято в течение 10 лет около 15 тысяч рабочих.

За время своего понтификата, который продолжался 17 лет, Пий XI заключил 18 конкордатов и других соглашений с разными государствами, опубликовал 30 энциклик, основал десятки новых учреждений, в том числе мощную ватиканскую радиостанцию, антисоветский «Руссикум» и ватиканскую Академию наук, перед которой поставил задачу «увязки» учения церкви с научной картиной мира.

Папа ввел в моду массовые приемы (аудиенции) именитых гостей, новобрачных, паломников, туристов, участников различных съездов, конгрессов и конференций. Он ежедневно принимал десятки таких посетителей, раздавал им медальончики и кресты, картинки с изображением святых и другие грошовые сувениры.

В 1932 году, после смерти кардинала Гаспарри, папа назначил статс-секретарем нунция в Берлине Эудженио Пачелли. Полиглот и опытный дипломат, тот вскоре стал правой рукой Пия XI, а впоследствии — его преемником.

Особую слабость и Пий XI и Пачелли питали к иезуитам. Папа близко сошелся с ними еще в свою бытность заместителем префекта Ватиканской библиотеки, которым тогда был иезуит немец Эрле, возведенный им потом в кардиналы. Тот свел его с генералом ордена иезуитов онемеченным поляком графом Ледоховским, советами которого Ратти пользовался во время пребывания в Польше. Другим влиятельным советником папы стало доверенное лицо дуче иезуит Такки-Вентури. И личными исповедниками Пия XI тоже были иезуиты — сперва Аличарди, а после его смерти — Челеброно. Ратти сперва беатифицировал (1923 г.), а затем (1931 г.) и канонизировал иезуита Беллармина — кардинала-инквизитора, осудившего Джордано Бруно и Галилея. Эти и многие другие факты дали основание биографам Пия XI называть его «папой иезуитов».

Он тщательно следил за тем, чтобы женщины приходили к нему на аудиенцию в темных длинных платьях и покрытой головой, а мужчины во фраках. Папа отказался принять Ганди, который не согласился предстать перед ним в европейской одежде. Особенно охотно он встречался с коронованными особами — принимал королей Египта, Афганистана, Англии, Испании и других. В то же время в своей частной жизни папа был далеко не столь чопорным. Его домоправительница Теодолина Банфи, с которой он не расставался на протяжении многих лет, систематически устраивала ему шумные сцены ревности. Только три года спустя Пию XI удалось избавиться от нее, обеспечив ей крупную пожизненную ренту.

Как-то, наблюдая рыбок в аквариуме, он сказал:

— Они мне нравятся больше всего тем, что никогда не говорят.

Такими Пий XI хотел бы видеть и людей: безгласными рабами церкви.

В ТУПИКЕ АНТИКОММУНИЗМА

Все возможное делал Пий XI, чтобы завоевать симпатии фашистов. Так, он поддержал итальянскую агрессию против Эфиопии, фашистский мятеж в Испании и посылку на помощь Франко частей итальянской армии. В 1933 году он заключил конкордат с Гитлером, одобрив сотрудничество с нацистами немецких католиков, деятелей партии центра. Дольфус, Хорти, Салазар и другие фашистские лидеры, как и ультрареакционные диктаторы Латинской Америки, пользовались его безраздельной поддержкой. В своей социальной энциклике «Квадрагезимо анно» («Год сорокового»), изданной в 1931 году по случаю сорокалетия энциклики Льва XIII «Рерум новарум», папа еще раз предал анафеме социализм, коммунизм, классовую борьбу и рекомендовал установить как раз ту самую корпоративную систему принудительного сотрудничества трудящихся с капиталистами и помещиками, какую провозглашали и устанавливали фашистские диктатуры.

Широко известно высказывание Пия XI о «великой трагедии XIX века, заключавшейся в том, что церковь потеряла рабочий класс», который «недолго находился в состоянии нерешительности, а вскоре обратился к антитезе церкви, то есть к коммунизму»[2]. Чтобы вернуть пролетариат в лоно церкви, папа не видел других средств, кроме как расточать проклятия в адрес коммунизма и укреплять союз с его противниками, в том числе с фашизмом. Действуя таким образом, он добился обратного эффекта: еще больше оттолкнул от церкви и религии трудящихся.

Пий XI был активнейшим участником и застрельщиком многих антисоветских провокаций. Как раз в первые годы его понтификата началась полоса признаний Советского Союза капиталистическими странами. Даже Ватикану стало очевидно, что надежды на быстрое крушение Советской власти развеялись как дым. Существование же СССР оценивалось папой как самая большая угроза католической церкви. До победы социалистической революции церковь утверждала, что такая революция вообще невозможна, а социализм является неосуществимой химерой. Теперь же невозможное стало возможным, а «химера» — реальностью. И она страшила и пугала Пия XI, толкала его на необдуманные и неоправданные поступки.

Вскоре после своего избрания Пий XI пытался использовать Генуэзскую конференцию, чтобы вмешаться во внутренние дела нашей страны. 29 апреля 1922 года он поручил тогдашнему заместителю статс-секретаря Пиццардо направить державам — участницам конференции специальный меморандум. В нем Ватикан выступал в несвойственной ему роли поборника свободы совести, принципы которой еще Пий IX проклял в «Силлабусе». В данном случае Пий XI добивался вовсе не защиты интересов различных вероисповеданий в Советской России, а в первую очередь — свободы действий для подчиненных ему контрреволюционных прелатов. Предвзятость такой позиции была очевидной, ибо в странах, где католицизм господствовал, Ватикан не только не выступал за осуществление принципов свободы совести, но и решительно осуждал их. Понадобилось 40 лет, прежде чем католическая цер-

[2] Цит. по кн.: Т. Бреза. Бронзовые врата. Римский дневник. М., 1964, стр. 34—35.

ковь — и то только после ожесточенных споров — высказалась на II Ватиканском соборе (1962—1965 гг.) в пользу свободы совести.

На протяжении 1923 года Пий XI неоднократно выступал в защиту церковников, осужденных советским судом за контрреволюционную деятельность. Нападки папы на Советский Союз еще более усилились после того, как в 1924 году так называемая «миссия помощи голодающим», возглавляемая иезуитами и занимавшаяся не столько помощью, сколько контрреволюционной пропагандой, оказалась вынуждена покинуть пределы Страны Советов. В 1925 году в конгрегации восточных церквей по распоряжению Пия XI был создан русский отдел во главе с французским иезуитом д'Эрбиньи, имевшим опыт подпольной подрывной деятельности в Советской России, куда он проник с фальшивыми документами. В 1930 году этот отдел был реорганизован в русскую комиссию, подчиненную статс-секретариату. Тогда же, как уже говорилось, по распоряжению Пия XI была создана духовная академия «Коллегиум Руссикум», готовившая подпольных миссионеров для засылки в нашу страну.

Антиимпериалистическое движение, охватившее в 20-х годах страны Азии и Латинской Америки, Пий XI, как и прочие буржуазные деятели, объяснял «кознями красной Москвы». Так, на заседании консистории 20 июля 1927 года папа утверждал, что китайский народ не боролся бы с империалистами, если бы «семена раздора и революции не были бы ввезены из-за границы». Теми же «происками» он объяснял события в Мексике, приведшие к отделению там церкви от государства.

2 февраля 1930 года Пий XI обратился с посланием к генеральному викарию Рима кардиналу Базилио Помпили, в котором призывал организовывать молебны и другие акты протеста против мнимых преследований верующих в Советском Союзе. Этот документ, полный клеветнических измышлений о первой стране социализма, положил начало враждебной антисоветской кампании, распространившейся на многие страны мира и получившей в прогрессивных кругах название «крестового похода против СССР». Он был задуман с целью отвлечь внимание трудящихся капиталистических стран от их собственного бедственного положения в разгар мирового экономического кризиса. Миллионы безработных, нищета, голод, инфляция, банкротство, застой в экономике и торговле — во всех последствиях этого небывалого по масштабам и разрушительности кризиса правящие буржуазные круги пытались обвинить Советский Союз. Разумеется, они с ликованием встретили новую антисоветскую затею Пия XI, однако трудящиеся не пошли на поводу у папы римского, и его «крестовый поход», как известно, с треском провалился [3].

Надежды Пия XI на то, что возглавляемая им церковь превратится в равноправную союзницу фашистских правительств и восстановит при их содействии позиции, которыми она располагала при абсолютистско-монархических режимах, не оправдались. Фашисты использовали духовенство и его патологический страх перед коммунизмом и Советским Союзом для захвата власти и разгрома рабочего движения. Но из этого вовсе не следовало, что они были готовы заключить равноправный союз с церковью или следовать во всем ее программным установкам.

Фашистские лидеры, как в свое время Наполеон и Бисмарк, хотели, чтобы духовенство и папа беспрекословно подчинялись их воле. Они ревниво и подозрительно относились к светским клерикальным организациям типа «Католического действия», считая, что те могут стать средоточием оппозиционных сил и превратятся в орудие, направленное против режима. Гитлер, кроме того, терпеть не мог иезуитов, хотя сам пользовался их методами. Таким образом, по мере того, как укреплялись фашистские диктатуры, Гитлер и Муссолини оказывали все большее давление на церковную иерархию, чтобы добиться роспуска светских католических организаций, на что даже архиреакционнейший Пий XI не мог пойти. Он понимал, что это перечеркнет космополитическую идеологию и структуру католической церкви, безнадежно подорвет ее позиции в США и других буржуазно - демократических государствах, где она пользовалась покровительством властей. Против такого беспрекословного подчинения фашизму возражала и часть местного духовенства и клерикальных деятелей, тяготевших к буржуазно - демократическим порядкам. Кстати, конфликтные ситуации между церковью и фашистскими властями возникали только в Италии и Германии, в особенности в последней. Что же касается Франко или Салазара, не говоря уже о Дольфусе, Шушниге, Пилсудском и других диктаторах-католиках, то с ними у Ватикана всегда были наилучшие отношения.

Шел 1936 год. Положение для Ватикана осложнялось тем, что во Франции и Испании победил «Народный фронт», и, хотя в Испании восстали фалангисты и армия, исход противоборства демократических сил и фашизма был еще неясен. Повсюду росло сопротивление фашистским правительствам, их внутренней политике и планам развязать вторую мировую войну, поработить другие страны, перекроить карту мира. Пий XI непрерывно совещался со своими советниками, с кардиналами, возглавлявшими немецкий, итальянский, французский, американский епископаты. Денно и нощно трудились сотрудники статс-секретариата во главе с Пачелли над отработкой различных формул и вариантов документов, определявших отношение Ватикана к происходившим в мире событиям. Испытывая с каждым днем все большую тревогу и беспокойство, папа раздражался, свирепел, рвал докладные записки. Его не удовлетворяли предлагаемые ему тексты, он пытался сам их редактировать.

В конце августа 1936 года, находясь в Кастель Гандольфо, папа неожиданно почувствовал головокружение и вынужден был лечь в постель. В начале декабря того же года состояние его настолько ухудшилось, что ему пришлось показаться врачам, которые установили у него инфаркт миокарда, атеросклероз и ряд других сопутствующих заболеваний, характерных для его возраста. 5 декабря 1936 года «Оссерваторе Романо» опубликовала первый медицинский бюллетень о состоянии здоровья папы. Пий XI вынужден был надолго отказаться от приемов и аудиенций.

И все же, несмотря на строгий запрет врачей, он встречался в своей спальне с ближайшими сотрудниками и советниками и, хотя с трудом и не вполне членораздельно, отдавал распоряжения и участвовал в подготовке энциклик, которые должны были определить отношение Ватикана к ряду острейших международных проблем.

Что это за энциклики и каково их содержание? Первая из них — «Мит бреннендер зорге» («Будучи глубоко озабочены...») — давала анализ положения католической церкви в Германии и ее взаимоотношений с нацистским режимом. Некоторые современные католические авторы называют эту энциклику «антинацистской», в действительности же она таковой не была. В ней перечислялись нарушения конкордата правителями «третьего райха», различного рода притеснения, которым подвергались светские католические организации, гонения на отдельных священнослужителей. Однако энциклика не осуждала нацистскую идеологию, не отмежевывалась от нее, не отлучала гитлеровцев от церкви. Более того, она заканчивалась призывом к «фюреру» восстановить сотрудничество с католической церковью.

Совсем иного содержания была последовавшая за нею энциклика «Дивини редемпторис», носившая подзаголовок «Об атеистическом коммунизме». Она была направлена против коммунизма и Советского Союза и адресована всем католикам. В отличие от предыдущей энциклики, не содержавшей, как уже было сказано, осуждения нацизма, «Дивини редемпторис» категорически осуждала коммунизм, предавала его анафеме, запрещала верующим знакомиться с коммунистическими идеями, изобиловала обычными для Ватикана выпадами и обвинениями против Советского Союза. Эта энциклика имела целью не допустить участия католиков в антифашистской борьбе. Георгий Димитров писал, что в ответ на политику «протянутой руки», проводившуюся коммунистами по отношению к католикам, «папа римский и «святейшие» епископы в разных странах поспешили выступить с посланиями и церковными проповедями, чтобы оградить свою паству от «страшной большевистской

[3] См. об этом статью С. Мокина «В защиту родины Октября». «Наука и религия», 1977, № 10 (прим. ред.).

опасности» — народного фронта»[4].

Одновременно Пий XI упорно и настойчиво пытался улучшить отношения с правящими кругами США, Англии и Франции, где он располагал важными финансовыми интересами. Во французских колониях, например, католические миссионеры пользовались особыми правами. Кроме того, папа надеялся, что укрепление его связей с этими странами заставит Берлин и Рим относиться к нему с большим почтением. В этот период американские прелаты стали впервые назначаться на ответственные посты в курии, папа охотно раздавал им кардинальские шапки. В 1936 году он направил статс-секретаря Пачелли в США для установления контактов с американскими политическими и финансовыми деятелями. Это был первый визит в Штаты ватиканского иерарха такого ранга.

Немало сил Пий XI потратил и на то, чтобы укрепить отношения с Францией. Большинство тамошних епископов были его ставленниками, придерживались монархических взглядов и все еще не могли примириться с законом об отделении церкви от государства, принятым в 1905 году.

Захват Австрии Гитлером в марте 1938 года подтвердил наихудшие опасения Пия XI. Австрийский епископат во главе с кардиналом Иннитцером встретил захватчиков восторженным посланием «Хайль Гитлер!», несмотря на то что нацисты немедленно запретили католическую «христианско-социальную партию» и другие клерикальные организации. Это было тем более обидно папе, что он считал австрийских клерикал-фашистских канцлеров Дольфуса и Шушнига образцовыми государственными деятелями: ведь эти враги социализма и коммунизма потопили в крови февральское восстание венских рабочих в 1934 году и в соответствии с энцикликой «Квадрагезимо анно» выступали за корпоративизм. Муссолини же, который их ранее поддерживал, к великому разочарованию папы даже пальцем не пошевелил в защиту Австрии.

Таким образом расчеты Пия XI на то, что ему удастся укрепить позиции католицизма как в буржуазно-демократических, так и в фашистских странах, в частности в Германии, не оправдались. Конечно, Гитлер приветствовал проклятия в адрес коммунизма, время от времени раздававшиеся из Ватикана, но вовсе не желал предоставлять немецкой католической церкви какую-то автономию.

В 1939 году исполнялось десять лет латеранским соглашениям. Пий XI назначил по этому поводу конференцию итальянского епископата. Поговаривали, будто он собирался выступить на ней с критикой «человека, посланного самим провидением», как он ранее называл Муссолини. Другие утверждали, что папа подумывал на этой конференции предать публичному осуждению нацизм.

Но 31 января Пий XI почувствовал себя плохо. Врачи поставили диагноз — острая сердечная недостаточность. Больного уложили в постель, врачи старались как могли. Однако 9 февраля после обеда он вновь слег с тяжелым сердечным приступом, а утром следующего дня, накануне открытия конференции, скончался. Смерть его наступила настолько внезапно, что он даже не успел исповедаться.

Насколько же достоверны предположения некоторых клерикальных авторов, приписывающих Пию XI намерение выступить на упомянутой епископской конференции с антифашистской речью?

Ответ на этот вопрос дал опубликованный в 1959 году по распоряжению папы Иоанна XXIII к 30-летию Латеранского договора набросок этого несостоявшегося выступления, в котором нет и намека на осуждение нацизма и фашизма. Этот черновик не содержит ничего нового по сравнению с уже известными документами Пия XI. Естественно предположить, что если бы среди его бумаг были бы обнаружены какие-либо резкие высказывания против Гитлера или Муссолини, то Ватикан не преминул бы предать их гласности, чтобы хоть как-то подкрепить свою версию о том, будто Пий XI в последние годы своего понтификата пересмотрел свое восторженное отношение к фашизму и нацизму и действительно помышлял о разрыве с ними. Очевидно, таких документов попросту не оказалось.

[4] Г. Димитров. В борьбе за единый фронт против фашизма и войны. М., 1939, стр. 133.

Со всего света

БЕГСТВО «ХРИСТОВЫХ НЕВЕСТ»

Ежегодный информационный справочник, выпускаемый Ватиканом, сетует на то, что в последнее время число монахинь в Италии неуклонно сокращается в среднем на 12 тысяч в год.

СЛЕПОТА «ЯСНОВИДИЦЫ»

К одной очень известной в Копенгагене гадалке однажды пришел некий Йенс Нильсен с просьбой предсказать ему будущее. Ясновидица была категорична: «Завтра вы будете арестованы. Тюрьма уже ждет вас!» И в самом деле — на следующий день Нильсен был задержан полицией: уходя от гадалки, он украл у нее деньги и пропил их...

ЗАБОТА О ПОТОМСТВЕ

Один из пасторов реформатской церкви ЮАР в Иоганнесбурге предупредил своих прихожан, чтобы они не нанимали темнокожих нянек для ухода за детьми. По его словам, это небезопасно, так как ребенок может почувствовать симпатию к женщине, которая его кормит и одевает. А отсюда недалеко и до греха — не дай бог, вырастет «нарушитель законов апартеида».

В СОГЛАСИИ С КОРАНОМ

В Объединенных Арабских Эмиратах Персидского залива, в соответствии с заповедями Корана и шариата, на экранах телевизоров могут появляться только мужчины. Женщины, даже в чадре, в телестудии не допускаются.

ПО СОВМЕСТИТЕЛЬСТВУ

Два протестантских проповедника, Сайрус Олви Беннет и Джерри Уайли, открыли в Сан-Бернардино (США) парикмахерскую. Во время стрижки и бритья клиентов они ведут с ними беседы на душеспасительные темы, цитируют Библию, а когда входят в раж, включают пения псалмов. Оба пастыря утверждают, что им уже удалось «наставить нескольких безбожников на путь истинный».

С. САЛЛОМОН

■ СВОЕОБРАЗНЫ индийские города, многолики и в целом мало похожи на города Запада. Другая здесь уличная жизнь, с открытыми, как бы вывалившимися на улицу рядами лавочек, с арбами, тележками, коровами, бредущими между велосипедистами и автомобилями. Пожалуй, один Бомбей по облику сходен с европейскими городами, во всяком случае в своей центральной и портовой части. И силуэт его с моря с целой вереницей новых небоскребов, и ритм жизни порта со множеством стоящих на рейде в очереди на погрузку судов, и уличное движение, вывески контор и предприятий, облик прохожих, мужчин и женщин, среди которых гораздо больше, чем в других городах Индии, людей, одетых по-европейски. В Бомбее общинные различия не так отчетливо читаются по костюму, манере поведения, как в других районах Индии, особенно сельских, хотя в уличной толпе здесь можно увидеть людей разного облика, разного цвета кожи.

Не нарушают общего европеизированного облика Бомбея и культовые здания — индуистские, джайнские, сикхские храмы, часовни, отдельные алтари, мечети и минареты, мавзолеи, гробницы. Они здесь как-то не на виду, а в стороне, на окраине, либо в закоулке, или скрыты пышной зеленью садов.

Когда я впервые попал в Бомбей, меня среди его достопримечательностей в культовой архитектуре очень заинтересовали своеобразные сооружения, явно скопированные с древнеперсидских образцов, созданных за 2500 лет до наших дней. Рельефные быки с бородатыми человеческими лицами повторяли детали дворцов Персеполя и Суз, а образ крылатого бога Ахура-Мазды над воротами был заимствован со знаменитой Бахистунской скалы с победной надписью царя Дария. Это были храмы парсов — последователей зороастризма, которых сейчас в просторечии иногда называют огнепоклонниками, что, в общем, не совсем правильно.

Я и прежде много слышал и читал об этой древней религии, но не встречал никогда ее последователей и не видел их храмов. Осмотреть храм внутри мне не удалось: табличка у дверей на английском, гуджарати, хинди, марати и урду оповещала, что «храм огня закрыт для входа всем, кроме парсов». Оказалось, запрет этот строго соблюдается во всех парсских храмах. Это было неожиданно. В Индии, стране, где уживается множество религий, и, в общем, стране значительной взаимной веротерпимости, мне не приходилось встречать запрета на вход ни в индуистские и джайнские храмы, ни в сикхские гурдвары, ни в христианские церкви, ни в мечети, ни в синагоги, а тут — такой строгий запрет.

Думаю, что никто не пытался обойти его, выдав себя за парса. Во-первых, такой обман легко мог быть разоблачен, поскольку есть специфические речевые особенности, присущие только парсам, а во-вторых, все индийцы очень щепетильно относятся к религиозным правилам других. Что касается внешности, то, хотя парсы несколько отличаются внешним обликом от других индийцев, в целом, думаю, никто не возьмется сразу наверняка отличить парса по облику, а тем более по костюму.

Значительно позже, работая в Бомбее, я познакомился и подружился со многими коллегами-парсами, и мне удалось узнать кое-какие подробности из сложной истории и полного проблем настоящего этого небольшого народа.

В VII веке арабы покорили Иран, принесли в эту страну свою религию — ислам. В 641 году в решающей битве потерпел поражение последний царь из династии Сасанидов Яздигерд III. Несколько сот персов, не желавших оставаться в порабощенной захватчиками стране, бежали на кораблях в Индию, с которой у них и раньше были дружественные и торговые отношения. «Мы будем друзьями индийцев»—так обещали беженцы индийскому царю Джаядитье. Один из их старейшин взял щепоть сахара, бросил ее в чашку с молоком и сказал: «Как сахар растворяется в молоке и придает ему сладость, так и мы растворимся в индийском народе и принесем ему пользу».

Что касается пользы, то она, несомненно, была: парсы (кстати, слово это обозначает попросту — выходцы из Персии) принесли с собой много новых для Индии знаний в ремеслах, садоводстве, огородничестве и способствовали процветанию Гуджарата — области, где они первоначально поселились. Насчет растворения нельзя сказать, что оно действительно произошло. Правда, парсы вскоре полностью перешли с персидского на местный язык и алфавит (гуджарати), создав, однако, своеобразный парсский диалект гуджаратского языка, в котором много староперсидских заимствований. Староперсидский язык, на котором записана священная книга зороастрийцев, сейчас знают только их священники, на нем совершается богослужение.

Парсы сохранили свою религию, обычаи, многие особенности материальной культуры, а в области семейной, домашней жизни — довольно замкнутую и самодовлеющую общину. Браки заключаются почти исключительно внутри общины.

В своем первоисточнике религия парсов — зороастризм — восходит к тем же корням, что и древнейшие верования индусов, то есть к племенным культам индо-иранских племен, называвших себя «ариями». Но развивались они разными путями. У индусов бог называется «дэв» (тот же корень, что и древнегреческое «тэос», латинское «деус»), а ахуры в индийской мифологии олицетворяют злое начало. В древнеперсидской религии, напротив, ахуры — носители добра (высшее божество носит имя Ахура-Мазда), а дэвы стали мифологическими злыми существами. Религия парсов в основном сформировалась в Персии в VI веке до нашей эры, когда ее кодифицировал и очистил от ряда родоплеменных, политеистических пережитков религиозный реформатор Заратуштра (в греческой транскрипции Зороастр, откуда название религии — зороастризм).

Главная черта этой религии — противопоставление доброго начала, носителем которого является Ахура-Мазда (Ормузд), и злого, воплощенного в силах Ангра-Манью (Аримана). Зороастризм предоставляет человеку самому выбирать между добром и злом. Всякая полезная, производительная деятельность является добродетелью, а бездеятельность — грехом. Зороастрийцы почитают воду, огонь, землю и воздух — как четыре священных элемента Вселенной. Этим объясняется одно из наиболее своеобразных внешних проявлений их религии — зороастрийский погребальный обряд. Поскольку труп считается нечистым, недопустимо предать его земле, воде или огню — это было бы их осквернением. Поэтому зороастрийцы хоронят своих покойников в особых сооружениях — «дакма», которые в европейской литературе обычно называются «башнями молчания».

Дакма — это действительно невысокая башня, с лестницей снаружи, ведущей на ее верхнюю площадку. Здесь вокруг глубокого центрального колодца тремя концентрическими рядами располагаются неглубокие ниши — внутренний ряд сравнительно маленьких ниш для

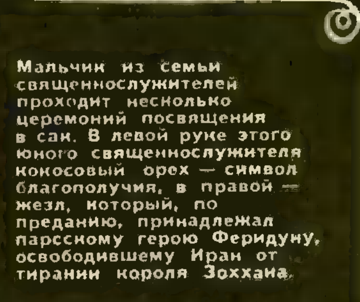
Парсы поклоняются воде так же, как и огню. Молитва у моря, реки или родника совершается ежедневно. В руках молящихся Авеста — священная книга зороастрийцев.

Современный зороастрийский храм.

Мальчик из семьи священнослужителей проходит несколько церемоний посвящения в сан. В левой руке этого юного священнослужителя кокосовый орех — символ благополучия, в правой — жезл, который, по преданию, принадлежал парсскому герою Феридуну, освободившему Иран от тирании короля Зоххака.

Жилые дома в Бомбее, принадлежащие парсской общине.

Фото автора.

детей, средний для женщин и внешний для мужчин. Покойников кладут в эти ниши и оставляют на съедение грифам. Этих птиц можно встретить в Индии повсюду, и они приносят немалую пользу, очищая дороги от отбросов и падали. Во множестве они слетаются к трупу, и скоро от него остаются только кости, которые по специально сделанным канавкам скатываются в колодец, где обильные дожди постепенно растворяют их, и все бесследно исчезает.

В алтаре парсского храма круглосуточно горит огонь, который священники поддерживают, подбрасывая в него щепочки сандалового дерева. Эти щепочки, как свечи в христианских храмах, каждый верующий может купить здесь же и бросить в священный огонь. Однако огонь — не объект поклонечия сам по себе, он всего лишь символ Ахура-Мазды, творца Вселенной. Парсов можно было бы с равным правом назвать и водопоклонниками, так как они столь же часто молятся и воде на берегу любого водоема — моря, реки, пруда, — а по специальным дням устраивают службы и жертвоприношения воде. Сан священника у парсов переходит по наследству в семьях.

Энергичные, деятельные и практичные парсы быстро вписались в индийское общество и преуспевали в нем в течение ряда веков. Первоначально они расселились в деревнях и маленьких городах прибрежных районов Гуджарата и занимались главным образом земледелием и ремеслами, но затем почти полностью переключились на торговлю. В начальный период проникновения в Индию европейцев (сперва португальцев, а затем англичан) богатые купцы-парсы стали выступать, и весьма успешно, торговыми посредниками в сделках между ними и местными правителями. После того как португальцы были вынуждены уступить англичанам прекрасную бомбейскую гавань и последние перенесли сюда свою факторию из Сурата в 1668 году, парсы постепенно стали переселяться в Бомбей, и сейчас более трех четвертей их общего числа (125 тысяч) сосредоточены здесь, а в деревнях живут не более пяти процентов.

Парсы составляют весьма небольшое меньшинство не только во всей Индии, но даже и в самом Бомбее, однако их роль в интеллектуальной, политической и экономической жизни страны значительна. Из их среды вышли выдающиеся борцы за независимость Индии доктор Дадабхай Наороджи и мадам Бхилхайджи Кама; видный физик, создатель носящего его имя Центра атомных исследований доктор Хоми Джехангир Бхабха; известный драматург и режиссер Ади Марзбан; начальник штаба индийской армии генерал С. Х. Ф. Манекшоу; знаменитый в Индии врач-онколог Джал Пеймастер и многие другие прославившиеся люди. Однако в западном мире да и в самой Индии, более известна другая парсская фамилия —Тата. Это имя можно прочесть на этикетках тканей, мыла, приборов, автомашин — семейству Тата принадлежит наибольшая доля предприятий частномонополистического капитала в Индии. Есть еще ряд богатейших парсских семей, и зачастую за пределами Индии именно по ним составляют мнение о парсах. Между тем Тата, Вадья, Редимани — эти звучащие монетным звоном имена принадлежат немногим семьям, остальные же сто с лишним тысяч парсов — труженики, жизнь которых вовсе не безоблачна. Наиболее многочисленная среди них прослойка клерков — банковских и конторских служащих, многие парсы трудятся в государственном аппарате, немало среди них юристов, актеров, журналистов, врачей, инженеров, техников, рабочих высокой квалификации. Далеко не во всякой профессии человеку со специальным образованием, а среди парсов их процент особенно высок, удается найти работу по специальности. Поэтому за последнее время немало парсов в поисках удачи покинули Индию. Их сегодня можно встретить во многих странах мира. Но подавляющее большинство парсов не представляют себе жизнь вне Индии, которая за долгие века жизни этого народа здесь стала его подлинной родиной.

В парсской общине в Бомбее, да и в других городах Индии, где живет более или менее значительное число парсов, имеется общий фонд средств, которым распоряжается панчаят — руководящий комитет. Естественно, что панчаят и распределение общинных фондов находятся в руках все тех же немногих богатейших семей промышленников и финансистов. Выделяя небольшую долю своих огромных доходов на общинные нужды, они широко рекламируют эту «щедрую благотворительность», дух взаимопомощи, якобы царящий среди единоверцев-парсов. На деле же эта благотворительность и пропаганда единства единоверцев служат прежде всего делу подавления классовой борьбы, сглаживанию непримиримых противоречий между интересами монополистической буржуазной верхушки парсского общества и интересами подавляющего большинства трудящихся Индии.

Сложность проблем, стоящих перед парсами среднего и нижнего достатка, заключается еще и в том, что в целом парсы всегда имели несколько более высокий, чем в большинстве остальных этнических групп Индии, уровень жизни, соответственно у них иная система ценностей. Индусы в массе своей женятся рано и живут большими, неразделенными, многодетными семьями, парсы живут в основном малыми семьями европейского типа и, прежде чем обзавестись семьей, стремятся обеспечить себе достаточный заработок и квартиру, семьи их малодетны. Если население Индии в течение последних десятилетий быстро растет, численность парсов практически не увеличивается. Это объясняется еще одной довольно существенной причиной. Религиозная замкнутость брачных связей приводит к тому, что почти все браки заключаются среди довольно узкого круга родственных между собой семей: по существу, все парсы — потомки нескольких сот первоначальных иммигрантов. Такие замкнутые браки ведут к повышению процента заболеваний генетического характера. Знакомясь со статистикой парсских госпиталей и родильных домов, я был поражен высоким процентом различных наследственных заболеваний. Надо сказать, что сами парсы, в первую очередь врачи, осознают угрожающие перспективы такой ситуации, но в условиях, когда религиозные нормы остаются определяющими в семейной жизни парсского общества, не видят из нее выхода.

Браки парсов с представителями других национальностей не запрещены, но не поощряются. Парсские девушки нередко выходят замуж за непарсов, но в этом случае они и их дети уже не принадлежат к парсской общине. Случаи женитьбы парсов на непарсийках редки, и духовенство и панчаяты относятся к ним с неодобрением. Кое-кто из моих знакомых — парсов выражал надежду, что круг брачных связей парсов может расшириться за счет новых иммигрантов. Дело в том, что в Иране сейчас живут люди (всего несколько десятков тысяч), сохранившие верность зороастрийской религии (их, отличая от парсов, — людей, живущих издавна в Индии и говорящих на гуджарати, называли раньше гебрами). В последние годы многие иранские зороастрийцы повторили опыт 13-вековой давности и переселились в Индию (их здесь, в отличие от парсов, называют ирани, так как домашний язык их не гуджарати, а персидский). Поскольку религия их едина и само переселение было вызвано стремлением быть поближе к более многочисленным и влиятельным единоверцам, парсы надеются, что браки между парсами и ирани улучшат демографическую ситуацию парсского народа. Однако надо учитывать, что, помимо религии, имеются еще такие факторы, как семейный язык, уровень образования, средний уровень жизни, а по этим показателям ирани и парсы существенно различаются.

Сетования на то, что времена ухудшились, можно услышать и от парсских священников, но здесь дело в другом. Священники жалуются на упадок благочестия, на то, что все больше парсов перестают посещать храмы, не выполняют религиозные обряды, не говоря уже о соблюдении религиозных ограничений в быту. У меня сложилось впечатление, что значительная масса образованных парсов, по существу, придерживается стихийно-материалистического мировоззрения, лишь слегка завуалированного религиозной терминологией. И в этом постепенном падении влияния религиозной идеологии можно видеть залог того, что парсы преодолеют пережитки своей общинно-религиозной ограниченности, которые более всего мешают решению экономических и социальных проблем, стоящих перед этим небольшим, но культурным и предприимчивым народом.

ГРОМООТВОДНЫЙ ПРОЦЕСС

По проекту Бенджамина Франклина в 1780 году французский буржуа Визери поставил на крыше своего дома громоотвод. Соседи обвинили его в богохульстве и в «создании огненной опасности для всей улицы». Они подали на него в суд, и процесс продолжался больше четырех лет. Защищал Визери адвокат Максимилиан Робеспьер, а научным экспертом по этому делу выступал Жан Поль Марат. В то время он был известным писателем-популяризатором, автором трех книг по истории открытия электричества и брошюры об опытах с лейденской банкой. В конце концов Визери оправдали.

ИНДУИЗМ: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Н. Р. Гусева. ИНДУИЗМ. История формирования. Культовая практика. М., «Наука», 1977, 327 стр., 10 000 экз., 1 руб. 23 коп.

Индия поражает разнообразием своих религий, фантастическим смешением противоречивых верований, религиозных воззрений и толков. Известный востоковед И. Гольдциер писал: «Индия с пестрой смесью развертывающихся в ней религиозных феноменов представляется исследователю своеобразной школой сравнительного изучения религии». Не удивительно, что целый ряд монографий о религиях Востока, изданных в нашей стране за последние годы *, имел прямое или косвенное отношение к Индии. Одна из интереснейших в этом ряду — книга Н. Р. Гусевой, посвященная главной религии этой страны.

Важное достоинство этого труда в том, что Н. Р. Гусева, так сказать, коснулась индуизма реально, ощутила его, увидела собственными глазами. За время трехлетнего пребывания в Индии она познакомилась с повседневной культовой и обрядовой практикой современного индуизма и рассказывает о нем на основе собственных наблюдений. Автор справедливо отмечает: «..Практическое исполнение религиозно-этических предписаний, культовая жизнь и обрядовая практика разных слоев индусской общины, практика взаимоотношений между представителями этих слоев — все это не может быть изучено и понято лишь по литературным описаниям».

Индуизм сегодня исповедуют несколько сотен миллионов человек, и 95 процентов из них проживают в Индии. Приверженцы индуизма есть также в Пакистане, Бангладеш, Непале, Шри-Ланке и на некоторых островах Юго-Восточной Азии. В самой Индии, как сообщает автор, индуизм исповедуют около 83 процентов населения (свыше 11 процентов составляют мусульмане, затем идут христиане, сикхи, буддисты, джайны и т. д.).

Истоки индуизма восходят к верованиям древних ариев, появившихся в северо-западной Индии около середины II тысячелетия до нашей эры, и коренных индийских племен. В своем историческом развитии эта религиозная система прошла три стадии: ведическую религию, брахманизм и начиная с середины I тысячелетия нашей эры — собственно индуизм.

Индуизм не укладывается в наше обычное понимание религии: он не имеет, например, централизованной иерархической церковной организации, деятельность различных его религиозных общин и школ между собой не координируется, в нем нет канонизированного «священного писания», хотя священная для всех индусов литература существует («Махабхарата» и «Рамаяна», пураны — сказания о древности и пр.). Наконец, еще одна, может быть, самая поразительная особенность индуизма — его глубокое проникновение в быт, в повседневную деятельность. Это столь тесная связь с жизненными отправлениями верующего, его семьи или, скажем, целой деревни, что нередко невозможно сразу различить поведение сакральное и несакральное.

Сказать, что индуизм синкретичен — значит ничего не сказать: индуизм поразительно синкретичен! Ни одна религия мира не может сравниться с ним в этом отношении. Так, автор пишет, что многообразие объектов культового почитания практически неизмеримо: одних богов, по традиции, насчитывают свыше трех миллионов, а еще индусы поклоняются святым, обожествленным героям эпоса, душам предков, духам, животным, растениям, рекам и озерам, камням и т. д. В каком-то одном районе страны, даже в одной деревне или семье почитают одних богов как верховных, других считают второстепенными, а в соседней деревне или семье совсем наоборот. И все это происходит в рамках одной религии. Но этим синкретизм индуизма далеко не исчерпывается.

Особый отпечаток наложила на него кастовая система. Различия в верованиях и культовых церемониях членов высоких и низких каст сразу заметны. Если для высших каст характерно тяготение к брахманско-ведической культовой практике (веды созданы ариями), то низшие касты и неприкасаемые «сохранили до нашего времени многие верования и обряды, восходящие к доарийской эпохе».

Особо автор останавливается на так называемой «арийской проблеме», которая представляет собой круг вопросов, связанных со временем, формами и путями проникновения в Индию древних арьев. Решение ее важно для выяснения происхождения современных индийских наций, общественных институтов, культуры, религии и т. д. Эта проблема породила огромную литературу. Н. Р. Гусева в свой работе решает один из множества ее вопросов: откуда началась миграция древних арьев. «Какими бы путями ни проникали арьи в Индостан, — отмечает автор, — нас интересует главным образом тот факт, что они начинали свои миграции из южнорусских степей, где они жили в тесном соседстве (или входили в близкородственную общность) с протославянскими племенами».

Опираясь на данные археологических исследований, сравнительной антропологии, Н. Р. Гусева прослеживает языковые соответствия и параллели в культовых представлениях древних славян и ариев, причем для выявления этих связей используется весь материал индуизма, последовательно излагаемый в пяти главах монографии.

Говоря, например, о почитании богов, автор отмечает, что ведическое слово «бхаг» (милостивый бог, покровитель) уже давно и неоднократно сопоставляется со славянским «бог», а санскритское «набха» («набхаса»), то есть место обитания богов, — со славянским «небо» («небеса»). Один из индуистских богов Агни — бог огня, которому арии поклонялись и до прихода в Индию, а слово «огнь» («огонь», «огни») сохранилось с древних времен в славянских языках.

Особо автор останавливается на обряде жертвоприношения — одном из важнейших в индуизме, причем показывает его и в глубоком историческом разрезе, и в современных проявлениях. «Практика кровавых жертвоприношений в современной Индии полностью еще не изжита. Она имеет место в среде шиваитов-шактистов, а также среди средних и низких каст». Одним из самых жестоких в Индии был обычай сати — самосожжение вдов после кончины мужа. В прошлом веке против этого тяжкого пережитка выступила индийская интеллигенция во главе с выдающимся общественным деятелем страны Рам Мохан Раем, обычай был запрещен, и число сати резко пошло на убыль.

Основным элементам повседневной культовой и обрядовой практики индуизма в книге посвящена целая глава, в которой, на наш взгляд, особенно интересен рассказ о связи брака и семьи с индуистскими религиозными традициями, сохранившимися на протяжении столетий. Вплоть до 30-х годов нашего века широко был распространен в Индии обычай детских браков. Так, перепись населения страны, проведенная в 1911 году, зарегистрировала два с четвертью миллиона замужних женщин в возрасте от пяти до 10 лет и более шести с половиной миллионов — в возрасте от 10 до 15 лет. Этот обычай окончательно не изжит и до сих пор, но по закону родители таких детей несут уголовную ответственность. Более всего заметны изменения в традициях, связанных с бракосочетанием, в среде городского населения. Если еще недавно поиски женихов и невест вели родители с помощью сватов, то в наши дни все более частыми становятся брачные объявления в газетах. Н. Р. Гусева приводит таблицу, из которой следует, что нарастают изменения в семейно-кастовых отношениях и заметно слабеют традиционные узы, сковывающие свободу личности религиозно-этическими предписаниями индуизма. Одним из самых строгих в индуизме был запрет вторичного брака вдов. Только сейчас в сознании индийской женщины с мучительным трудом преодолевается этот жестокий запрет. Значительно возрос за последние 20 лет процент невест, игнорирующих кастовую принадлежность жениха. В 10 раз уменьшилось число девушек, желающих

* См., напр.: А. Н. Кочетов. Буддизм. М., 1965; Его же. Ламаизм. М., 1973; Н. Р. Гусева. Джайнизм. М., 1968 и др.

выйти замуж до 20-летнего возраста, а это вызвано, как справедливо отмечает автор, тем, что все больше девочек и девушек учатся, получают образование и осознают возможность своей независимости от мужа.

Влияние индуизма видно буквально во всех областях духовной жизни страны — в литературе, в искусстве, в архитектуре. Каждому индуистскому божеству, например, посвящены сотни больших и малых храмов. И в облике их сказалась кастовая система индуистской общины. Ведь храмовые ритуалы с течением времени проводились для все более немногочисленных изолированных групп и даже для отдельных представителей этих кастовых групп, а шудрам и неприкасаемым вообще запрещалось входить во дворы и помещения храмов. Поэтому индусы из низких каст строили свои отдельные небольшие храмики или святилища у своих деревень и водоемов. Вот почему в одной деревне можно встретить несколько небольших храмов, принадлежащих разным кастам.

Освещено в книге новое явление, характерное для индуизма сегодняшнего дня, — так называемый «экспорт индуизма». Целый ряд индуистских религиозных организаций расширяет сферу своей деятельности за пределами страны: в странах Европы, Африки и Америки. В центрах индуизма за рубежом (в ФРГ, Англии, Франции, Канаде, Японии их по одному-два, в США — свыше 40) возводятся молитвенные дома и даже индуистские храмы, выпускаются периодические издания, пластинки, фотоальбомы, книги.

Автор сообщает: «К истинным адептам предъявляется требование, классическое для индийских садху (религиозных подвижников. — Ю. Ц.), — отойти от всякой общественно полезной деятельности, забыть о насущных требованиях своей страны и своего народа и проводить дни в украшении молитвенных домов и в пении мантры (молитвы. — Ю. Ц.) как во время собраний верующих, так и дома и на улицах. Им рекомендуется ходить группами по учебным заведениям и местам, где собирается молодежь, чтобы привлечь к движению как можно больше сторонников». Этим все сказано — общественно-политическая пассивность населения, непротивление злу насилием выгодны только правящим классам этих государств.

И все же в самой Индии, показывает автор, неумолимо, хотя и медленно, трудно, сужается социальная база индуизма. После завоевания независимости (в 1947 г.) в Индии провозглашена свобода совести, запрещена дискриминация на религиозной, кастовой, национальной почве, проведен ряд мероприятий по искоренению многих пережитков средневековья, освящавшихся индуизмом. «В последние годы, — пишет Н. Р. Гусева, — взламываются традиционные религиозные установления индуизма, считавшиеся незыблемыми в течение многих столетий».

«Индуизм» — книга, насыщенная интереснейшим материалом, богатейшими фактами, пронизанная целым рядом оригинальных авторских находок, идей и гипотез. Несомненно, что ее не обойдут своим вниманием специалисты в различных областях индологии, а широкие круги читателей откроют в ней для себя новый, мало еще известный у нас мир индийской истории и современной действительности, органически слитый с таким религиозным феноменом, как индуизм.

Ю. ЦВЕТКОВ,
кандидат филологических наук

С. С. Аверинцев. ПОЭТИКА РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. М., «Наука», 1977, 320 стр., 8000 экз., 1 руб. 20 коп.

«АТЕИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ». М., «Высшая школа», 1977, 198 стр., 12 000 экз., 75 коп.

Г. Л. Вананурский. ИУДАИЗМ И СОВРЕМЕННОСТЬ. М., «Знание» («Научный атеизм», № 1), 1978, 64 стр., 53 000 экз., 11 коп.

В. В. Бычков. ВИЗАНТИЙСКАЯ ЭСТЕТИКА. М., «Искусство», 1977, 199 стр., 10 000 экз., 90 коп.

А. В. Ополовников. РУССКИЙ СЕВЕР. М., Стройиздат, 1977, 255 стр. с илл., 80 000 экз., 95 коп.

«ОЧЕРКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ XVI ВЕКА». Ч. 2. Духовная культура. М., Изд-во Моск. ун-та, 1977, 444 стр. с илл., 12 570 экз., 3 руб. 30 коп.

Г. Петров и А. Таратушко. ИЗБОРСК — ПЕЧОРЫ. Путеводитель. Изд. 3-е, пераб. и доп. Лениздат, 1977, 104 стр., 50 000 экз., 35 коп.

В. Е. Рожнов. ПРОРОКИ И ЧУДОТВОРЦЫ. М., Политиздат, 1977, 175 стр. с илл., 150 000 экз., 80 коп.

Ю. Ю. Сурхаско. КАРЕЛЬСКАЯ СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ. Конец XIX — начало XX в. Л., «Наука», 1977, 237 стр., 1950 экз., 2 руб.

Т. У. Уайлдер. МОСТ КОРОЛЯ ЛЮДОВИКА СВЯТОГО. Повесть — ДЕНЬ ВОСЬМОЙ. Роман. М., «Прогресс», 1977, 496 стр., 100 000 экз., 3 руб. 30 коп.

В. Шевелев. СЧАСТЛИВ БУДЬ, ЧЕЛОВЕК! Атеистические очерки. М., Политиздат, 1977, 151 стр., 150 000 экз., 25 коп.

Е. Г. Яковлев. ИСКУССТВО И МИРОВЫЕ РЕЛИГИИ. М., «Высшая школа», 1977, 224 стр., 30 000 экз., 60 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

В. С. Готт. Материальное единство мира и единство научного знания. «Вопросы философии», 1977, № 12, стр. 24—33.

Н. Л. Жуковская. Изучение ламаизма в СССР. «Народы Азии и Африки», 1977, № 2, стр. 187—196.

В. И. Копалов. О природе фетишистского сознания. «Философские науки», 1978, № 1, стр. 32—43.

«Молдаване. Очерки истории, этнографии, искусствоведения». Кишинев, 1977. Из содержания: Верования и обряды в XIX — начале XX в., стр. 262—295; **В. С. Зеленчук, Л. Д. Лоскутова.** Преодоление религиозных пережитков, стр. 296—300.

Ш. Г. Сардесаи. Материалистические традиции индийской философии. «Проблемы мира и социализма», 1978, № 1, стр. 86—87.

«Средняя Азия в древности и средневековье». М., 1977. Из содержания: **Ю. А. Рапопорт.** Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах, стр. 58—71; **Д. С. Раевский.** К вопросу об основании царской власти в Парфии, стр. 81—86.

У. Султанов. Проблема души и тела в произведениях Ибн Сины. «Известия АН Тадж. ССР. Отделение общественных наук», 1977, № 1, стр. 39—46.

В. Тендряков. Рецензия на роман Б. Яранцева «Двери своего дома». «Новый мир», 1978, № 1, стр. 286.

«Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока». М., 1977. Из содержания: **Э. М. Яншина.** Следы мифолог. песен эпического характера в древнем Китае, стр. 15—21; **Д. Н. Воскресенский.** Социальное бытие и буддийская концепция воздаяния в китайской прозе, стр. 121—132.

А. Д. Урсул. Человек и Вселенная (Мировоззренческие проблемы космонавтики). «Вопросы философии», 1977, № 12, стр. 34—42.

Н. С. Федоркин, Р. А. Чантладзе. Рецензия на кн.: В. А. Кувакин. Критика экзистенциализма Бердяева «Философские науки», 1978, № 1, стр. 178—180.

Д. М. Юнусова. Пантеистические и деистические тенденции в естественнонаучных воззрениях мыслителей средневекового Востока. «Общественные науки в Узбекистане». Ташкент, 1977, № 3, стр. 49—52.

К. Е. Ям. Философское наследие Тюрго. «Философские науки», 1978, № 1, стр. 81—89.

АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА

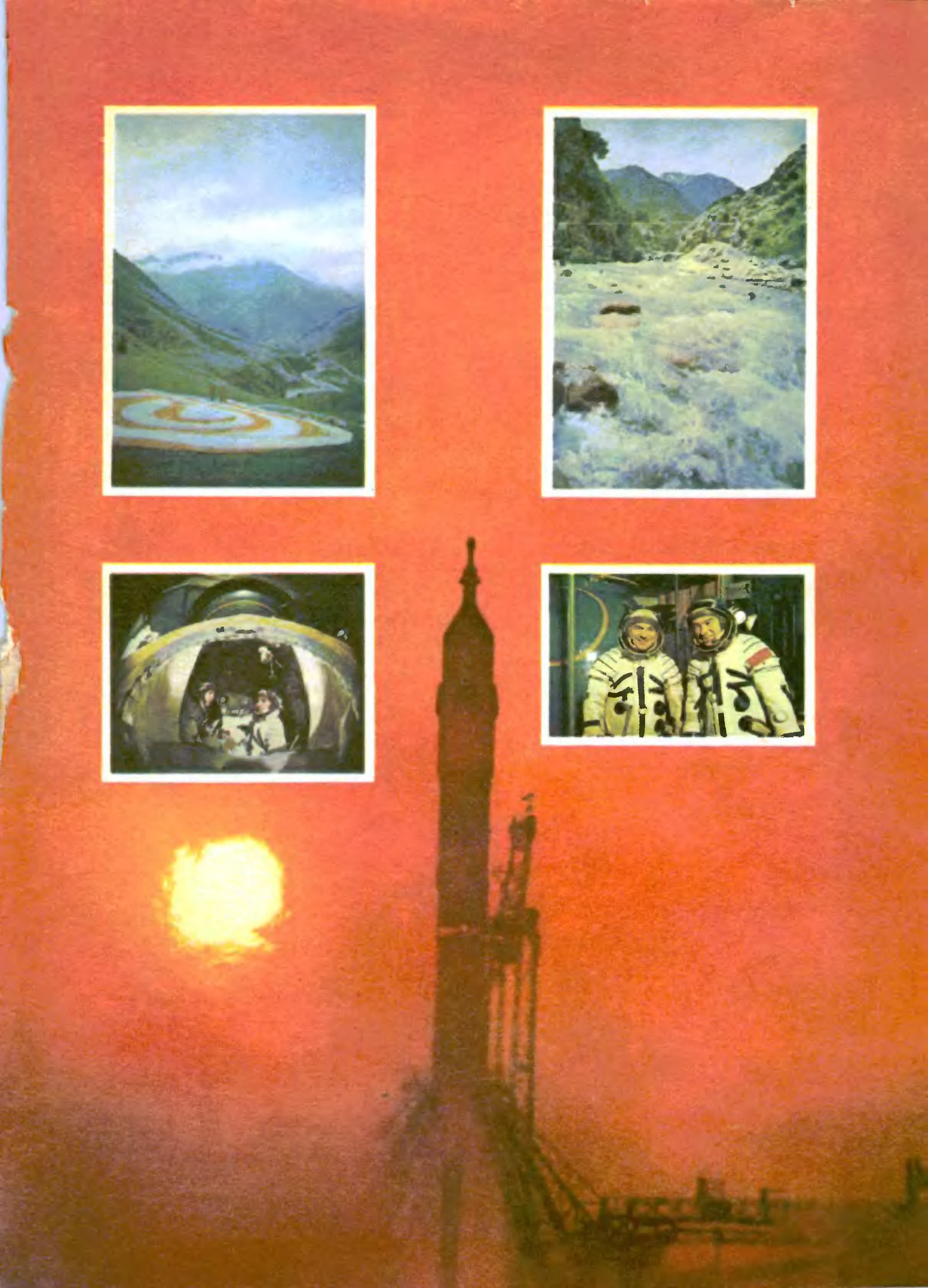
ЛЕВИТАН Ефрем Павлович — заместитель главного редактора журнала «Земля и Вселенная», кандидат педагогических наук, член союза журналистов СССР. Автор научно-популярных и научно-художественных книг: «Природа солнечных пятен» (1964 г.), «Физика Вселенной» (1976 г.), «Астрофизика — школьникам» (1977 г.) и других. В нашем журнале публикуется впервые.

МОСКАЛЕНКО Виктор Акимович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского института инженеров сельскохозяйственного производства. Автор монографий «Правда о христианских сектах» (1963 г.), «Наука и религия как формы общественного сознания» (1969 г.) и других работ по проблемам научного атеизма. В нашем журнале выступает впервые.

КРЮКОВА Нина Васильевна — член Союза журналистов СССР, редактор-консультант агентства печати «Новости». Специализируется в области популяризации естественных знаний и охраны окружающей среды. Постоянный автор нашего журнала.

А. 05218. Сдано в набор 18. I. 78 г. Подписано к печати 24. II. 78 г. Тираж 440 000 экз. Зак. 0266. Формат 60×90⅛. Печатных листов 10.

Ордена Ленина комбинат печати «Радянська Україна». г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

Цена 30 коп.
70602
33-13